

J. Mayer del.

G. Mayer sc.

РОССИЙСКІИ
ТЕАТРЪ

или

Полное собраніе

всѣхъ

россійскихъ театральныхъ

сочиненій.

Часть I.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи Наукъ,
1786 года.

Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

99026
59536

ОФ

2-1

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Любителямъ словесныхъ наукъ извѣстно, что у всѣхъ какъ древнихъ такъ и новѣйшихъ временъ просвѣщенныхъ народовъ Театральныя творенія уважаемы, сохраняются въ вѣчныя времена издаваемыми въ свѣтъ полными оныхъ собраніями. — Россія хотя и преимущественно можетъ хвалиться обширностію и богатствомъ своего слова, которое особливо въ преславный вѣкъ Великія ЕКАТЕРИНЫ отличнѣйшими умолроизведеніями достигло до высшей степени совершенства, и что между Россійскими Театральными сочиненіями находятся такія, кои острою мыслей, пріятностію и важностію слога, замысловатыми шутками, а наилуче насѣянными въ оныхъ нравоученіемъ слособствуя къ искорененію предразсужденій и пороковъ, служатъ яснымъ доказательствомъ, что и отечество наше изобилуетъ таковыми полезными сочиненіями; но какъ оныя

выходя въ свѣтъ изъ разныхъ типографій и продаваясь въ розницу, неизбежно подвергаются не токмо утратѣ, но съ теченіемъ времени и самому забвенію, умалчивая уже о томъ, что за неудобностію для желающихъ имѣть оныя у себя всѣ вкулъ собранными, остаются многія изъ нихъ совершенно неизвѣстными: по Ея Сіятельству Княгиня Екатерина Романовна Дашкава, яко Императорской Россійской Академіи Предсѣдатель, усердствуя о славу отечества своего относительно къ распространенію пользы Россійскаго слова, прелоручила издать собраніе всѣхъ Россійскихъ трагедій, комедій, драммъ и оперъ, сколько ихъ собрать возможно будетъ, надѣясь несомнѣнно, что оное послужитъ какъ къ вѣщшему прославленію нашихъ сочинителей, такъ и вообще къ удовольствію публики. — И по сему издается теперь первая часть Россійскаго театра; а за сею и послѣдующія части по порядку непрерывно одна за другою издаваться будутъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

І Части.

	страницъ
I. Трагедія ТАМИРА и СЕЛИМЪ - - -	5
II. — ДЕМОФОНТЬ - - - -	83
III. — ХОРЕВЪ - - - -	159
IV. — ГАМЛЕТЪ - - - -	239

ТАМИРА И СЕЛИМЪ

ТРАГЕДІЯ

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ.

Въ сей Трагедіи изображается стихотворческимъ вымысломъ позорная погибель гордаго Мамаю Царя Ташарскаго, о копоромъ изъ Россійской Исторіи извѣстно, что онъ будучи побѣжденъ храбростію Московскаго Государя, Великаго Князя Димитрія Іоанновича на Дону, убѣжалъ съ четырьмя Князьми своими въ Крымъ, въ городъ Кафу, и тамъ убитъ отъ своихъ. Въ дополненіе сего представляется здѣсь, что въ нашествіе Мамаю на Россію, Муметъ Царь Крымскій обѣщавъ дочь свою Тамиру въ супружество Мамаю, послалъ сына своего Нарсима съ нѣкоторымъ числомъ войска на вспоможеніе оному. Въ его опусушствіе Селимъ Царевичъ Багдапскій по повелѣнію отца своего перешедъ черезъ Натолю, посадилъ войско на суда, чтобы очистить Черное море отъ Крымскихъ морскихъ разбойниковъ, грабившихъ Багдапское купечество. Сіе учинивъ, приступилъ подъ Кафу, въ копорой Муметъ будучи осаженъ, и не имѣя довольныхъ силъ къ сопротивленію, выпросилъ у Селима на нѣкоторое время перемирія, въ томъ намѣреніи, что бы между шѣмъ дождался обратно съ войскомъ сына своего Нарсима. Послѣ сего перемирія въ первый день слѣдующее происходитъ въ Кафѣ, значнѣйшемъ приморскомъ городѣ Крымскомъ, въ Царскомъ домѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МУМЕТЬ *Царь Крымскій.*

МАМАЙ *Царь Татарскій.*

ТАМИРА *Царевна Крымская дочь Муметова.*

СЕЛИМЬ *Царевичъ Багдатскій.*

НАРСИМЬ *Царевичъ Крымскій, братъ Тамиринъ.*

НАДИРЬ *Братъ Муметовъ.*

ЗАИСАНЬ *Визирь Муметовъ.*

КЛЕОНА *Мамка Тамирица.*

ДВА ВѢСТНИКА.

ВОИНЫ.

ТАМИРА и СЕЛИМЪ ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТАМИРА и КЛЕОНА.

ТАМИРА.

Наспалъ ужасной день, и солнце на восходѣ
Кровавы пропусшивъ сквозь паръ густой лучи,
Даетъ печальной знакъ къ военной непогодѣ;
Любезна пишина минула въ сей ночи.
Ощедъ мой воинству готовишь къ отпору,
И на спѣнахъ стоишь уже вчера вельбѣ.
Селимъ полки свои возвелъ на ближню гору,
Чтобъ прямо устремивъ на городъ шучу спрѣлѣ.
На гору, какъ орелъ, всходя онъ возносился,
Кошорой съ высоты на агнца хочешь пастъ;
И быстрой конь подъ нимъ какъ бурной вихрь кружилася;
Селимово казалъ проворство щѣмъ и власшь.

Онѣ ъздилѣ по полкамѣ , пока тѣнь мрачной нѣчи
 Закрѣла отѣ меня поля , его и спрой .
 По шомѣ и шомныя хошя сомкнулись очи ,
 Однако видѣла его передѣ собой ;
 Во снѣ ли было шо , или шо было вѣ явѣ :
 Смуцался мысльми сонѣ , смуцались мысли сномѣ ;
 Селимѣ казался мнѣ великолѣпенѣ вѣ славѣ ,
 Такоеѣ осанкою , Клеона , и лицомѣ ,
 Какѣ вѣ перемирны дни скакалѣ передѣ стѣнами ,
 Искусствомѣ всѣхѣ другихѣ и взоромѣ превышалѣ ,
 И стрѣлы пущенны уже подѣ облаками
 Направленными вѣ слѣдѣ стрѣлами расѣкалѣ .

КЛЕОНА.

Багдапско воинство умножилось безѣ счота !
 При всходѣ свѣшлыя я видѣла луны ,
 Чшо мѣсны и пуши и городски ворѣша
 Противныхѣ силою вездѣ осаженѣ .
 Ночнѣ молчанѣ боязнь усугубаяло ,
 И слѣзы по лицу блѣднѣющихѣ лились .

ТАМИРА.

Теперь сраженѣ конечно ужѣ настало ;
 Клеона ! посмотри и скоро возвращись .

ЯВЛЕНІЕ П.

ТАМИРА *одна.*

О какѣ смущенѣ мой духѣ ! я знаю и заочно ,
 Селимѣ противу стѣнѣ споймѣ напередѣ .

Боюсь ,

Боюсь, чтобъ кто его не ранилъ ненарочно,
 И не вонзилъ стрѣлы отъ насъ въ его груди!
 Я ей не чаю бышь шакого кровопивца,
 Кшобъ съ умыслу хотѣлъ направить лукъ въ него!
 О небо, отврати свирѣпаго убивца,
 И сокрушишь не дай шѣмъ сердца моего!
 Ахъ! Что я дѣлаю? что въ мысли я имѣю?
 Я шѣмъ родишеля и Бога прогнѣваю,
 Что общаго врага ошечеству жалѣю!
 Никакъ Селимомъ я плѣнилась и люблю?
 Однакъ и безъ любви емуль желать миѣ року?
 Топъ злою львицею въ пустыхъ горахъ рожденъ,
 Кто видя съ младостью природу въ немъ високу,
 Къ жалѣнію по немъ не будешъ побужденъ.
 Что онъ прошиву насъ вооружился въ полъ,
 Сыновняя любовь и должности веляшъ.
 И какъ родишельской не согласиться волъ?
 Ощедъ его! щедъ, не онъ намъ солосшашъ.
 Онъ щасшливъ, что ему есть въ старости замѣна,
 Благополучна мать, что въ свѣпѣ произвела!
 И ежесть сестра, то коль она блаженна,
 Что съ лѣпѣ младенческихъ съ нимъ купно возрасла!
 Но коль родилась та на свѣпѣ благополучно,
 Которой щедрая устроила судьба,
 Чтобъ съ Селимомъ жить до смерти неразлучно!
 О какъ волнуясь я! какая внушрь борба!
 Теперь я признаю, что нѣкотора сила
 Неосторожной духъ уже взяла во власть,

И сердце ибжное къ Селиму преклонила
 Къ нему я чувствую въ себѣ любовну спрась! И
 Любовь меня влечетъ его сморѣшь на спѣны.
 Куда? и какъ? Или на спрѣлы успремаюсь,
 Чшонныѣ прошиѣ насъ шумяшъ какъ градъ слущениый?
 Но я уязвлена; и спрѣлѣ ужѣ не боюсь.
 Ахъ что перзаюсь я безсчастливая, не зная!
 Селиму можешъ бышь въ опечествѣ своемъ
 Любима и любви залогъ взяла иная;
 О чемъ крушуся я не рассудя, о чемъ?
 Суровая война, тобою учинилось,
 Чшо шопѣ прошиеникъ нашъ, кошораго люблю.
 Однако гдѣ бы миѣ видашь его случилось?
 Я время суешнымъ мечшаніемъ гублю.
 Не лучше ли просишь опѣ вѣрныя совѣшу,
 И способовъ скорай къ опрадѣ миѣ искашь?
 Однако ждашь могуль ушѣшнаго опѣшу?
 И какъ осмѣаюсь я Клеонѣ все сказать?

ЯВЛЕНІЕ Ш.

ТАМИРА и КЛЕОНА.

КЛЕОНА.

Престань себя смущать, дражайшая Царевна,
 Какія вижу я премѣны на лицѣ!
 Оставь боязнь: въ сей часѣ минетъ судьбина гнѣвна;
 Весь страхъ миѣ кажешся при самомъ бышь концѣ.

ТА-

ТАМИРА.

Никакъ ужъ ворвались къ намъ въ городъ сопоспаты,
И превратился страхъ въ опчаянну печаль?

КЛЕОНА.

Теперь всходила я въ высокія палаты,
И на Багдашскіе полки смогрѣла въ даль.

ТАМИРА.

Ты видѣла полки: ты видѣла Селима?

КЛЕОНА.

Я видѣла, что онъ опшолъ уже опъ стѣнъ,
И кажешся, что прочь совѣмъ идешь опъ Крыма;
Невѣдомо какой причиной побужденъ;
Я чаю, ушомаясь, не хочешъ больше бою.

ТАМИРА.

Никакъ ему какой предатель измѣнилъ;
Или опецъ обьяшъ нечаянно войною,
И шребуешъ себѣ его на помочъ силъ,
Я чала конца, и по паденьи мнимомъ,
Оплакавъ кровь гражданъ и стѣнъ опшавшій прахъ,
Миѣ будешъ слѣдовашъ во узахъ за Селимомъ,
И при Евфрашскихъ жить невольницей брегахъ.

КЛЕОНА.

Топъ ужасъ миновалъ: военные снаряды
Противники всходя на корабли несущъ,
Кафѣ избавилась опъ грозныя осады.
Что слезы по лицу, дражайшая, шекущъ?
Никакъ опъ радости? Однако въздыханья
И швой прискорбной взоръ иное кажущъ миѣ.
Или ужасныя и грозныя мечшанья

Обес-

Обеспокоили младую мысль во снѣ?

Или враги въ ночномѣ призрѣкѣ побѣдили?

Никакъ предсавилось паденіе сихъ стѣнъ?

Что Крымски города и села пуспы были,

Что Царь и Домъ его былъ взявъ въ поносной плѣнъ?

ТАМИРА.

Ахъ естлибъ то былъ сонъ, шобъ съ мракомъ разрушился!

Однако бы и сонъ шакой меня плѣнилъ!

КЛЕОНА.

Или швой нѣжной духъ любовью уязвился?

Но кто же бы себя въ любовь нынѣ уловилъ?

Скажи, Царевна, мнѣ; или шому бышь можно,

Чтобъ шайны мнѣ швоей не должно было знать?

ТАМИРА.

Что хочешь слышать шы, то спиранно и безбожно,
Нигдѣ не слыхано, и ужасно сказать!

КЛЕОНА.

Для сихъ ослабшихъ рукъ, кошорыми носила

Тебя въ младенчествѣ, смущенье ошложи,

И вспомнивъ какъ тебѣ я искренне служила,

Не обинуясь мнѣ шоску свою скажи.

Чѣмъ долѣ она въ закрышии шайтся,

Тѣмъ духъ терзается сильнѣ ошъ нея;

Но естли объявишь, то можешъ ушолиться,

Иль бышь умѣренна по шомъ печаль швоя.

ТАМИРА.

Любезная моя и вѣрная Клеона!

Коль тяжко мучусь я?

КЛЕОНА.

О небо!

ТАМИРА.

Ахъ Селимъ!

Противница отцу, пресступница закона!

Врагомъ опечесшва, и можешъ бышь, своимъ . . .

КЛЕОНА.

О Боже мой! никакъ ты тайно согласилась

И хочешь для любви опечесство предать!

ТАМИРА.

То небо опвраши! довольно что прельстилась;

Преступно и любви противничей желашъ.

Я бодрость и лице, Клеона, представляя,

Горю, и пламень мой гашеніемъ расшешъ.

Не знаю что начашъ! скажи мнѣ, дорогая,

Что дѣлашъ мнѣ шеперь, когда онъ прочь идешъ?

Уже всѣ мысли съ нимъ на берегъ обратились;

Я съ нимъ, я съ нимъ среди морскихъ валовъ пыву,

И горы Крымскія опъ насъ изъ виду скрылись!

Какой объемлетъ хладъ и мракъ мою главу!

Уѣдетъ о моей любви не извѣстенъ,

И слезъ моихъ себѣ не будетъ представлять!

За тѣмъ ли ты, Селимъ, казался мнѣ прелестенъ,

Чтобъ вѣчно по шесъ безъ пользы воздыхашъ?

КЛЕО-

КЛЕОНА.

Царевна! ты тоску напрасно умножаешь,
 Послѣдуй моему совѣшу и забудь
 Пустыя мечпанія, чѣмъ мысль ошитоцаешь,
 И кровь кипящую къ спокойствію принудь.
 Селимъ, я слышала, о нѣжності не знаетъ,
 Онъ въ полѣ только живъ и на спану привыкъ,
 За полное свое блаженство почиаетъ,
 Когда оружной прескъ и въ войскѣ слышишь крикъ,
 Какъ снѣжны падаютъ и города дымятся,
 Когда мечи блещутъ, пещетъ по копьямъ кровь,
 Ты сердцу дай покой, и полно сокрушаешься:
 Не могутъ вмѣстѣ быть свирѣпство и любовь.

ТАМИРА.

За нимъ бы слѣдовать ни горы ни высоки,
 Ни конскимъ шопомъ смущенный въ полѣ прахъ,
 Ни копыя, ни мечи, ниже кровавы шокы,
 Ниже какой иной не возбранилъ бы страхъ.
 Любовію горятъ не рѣдко и Герои;
 Отъ ней избавишься не можешь никому.
 Кому любезнѣ сраженія и бой
 И живъ всегда въ шапрахъ, какъ брану моему?
 Однако нынѣ онъ послѣдуя Мамаю,
 Хотя въ Россійской край пошелъ вооруженъ;
 Но мысли всѣ свои, Клеона, вѣрно знаю,
 Всѣ мысли клонитъ къ шой, кошорой уязвленъ.
 Возлюбленный мой бранъ! когдабъ ты здѣсь былъ нынѣ,

То ябъ въ опчаяннѣ шолікомъ не была ;
 Ты сдѣлалъ бы конецъ жестокой сей судьбинѣ ,
 Илибъ не допустилъ сего въ началѣ зла .
 Ты далъ бы способъ мнѣ увидѣться съ Селимомъ ,
 Или бы къ симъ ево не допустилъ стѣнамъ ;
 И я бы не была въ мученнѣ нестерпимомъ ,
 Не показавъ шакой пріятности очамъ .
 Теперь послушенъ ты неистовому звѣрю ,
 Въ кошоромъ варварство и гордость мнѣ гнуснѣ ,
 Кичливому ни въ чемъ Мамаю я не вѣрю ,
 Ему вселенная къ владѣнію шѣснѣ .
 Подумавъ о своемъ возлюбленномъ Нарсимѣ ,
 Боюсь , чшобъ не постигъ шакой его конецъ ,
 Чшо плачь бы произвелъ и неспроеные въ Крымѣ .
 КЛЕОНА .
 Царевна ! вошъ идешъ дражайшій твой отецъ .

ЯВЛЕНІЕ ІV.

МУМЕТЪ, ТАМИРА и КЛЕОНА.

МУМЕТЪ.

Прошла военная гроза и неустройство ,
 Желанной миръ насшалъ , возлюбленная дочь ,
 И ушверждается надежное спокойство :
 Въ союзъ со мной вспуливъ , Селимъ ошходитъ прочь .
 Поспавленный сей миръ мнѣ больше тѣмъ пріятенъ ,
 Чшо выгоды онъ мнѣ нечаянны принесъ
 Съ начала случай сей едва мнѣ былъ поняшенъ ,
 Чшо радостъ намъ пришла внезапно вмѣсто слезъ .

Б

Однако

Однако нынѣ я причину вижу ясно,
 За чѣмъ спѣшишь въ союзѣ со мной всшупишь Селимъ;
 Ему прибыше Нарсимова ужасно,
 Чшо скоро съ воинствомъ назадъ придѣтъ моимъ.
 Къ Селиму какъ ко мнѣ, конечно уповаю,
 Пришла, мнѣ радосна, ему печальна вѣсть,
 Чшо Росская спрана подверглась вся Мамаю,
 И сынъ мой поспѣшишь полки сюда привесшь,
 Сего дня лишь зоря намъ свѣшь предвозвѣстила,
 Съ поспѣшностью гонецъ прибѣгъ съ Донскихъ полей,
 И вѣсть принесъ, чшо вся Ордынска къ бою сила
 Противу Россовъ шла, и Россы противъ ней;
 Но Ольгъ Рязанскій Князь, и Князь Олгердъ Липовскій
 Свой къ Мамаевымъ пославили полки,
 И съ малымъ воинствомъ Димитрій Князь Московскій,
 Противу спашь дерзнулъ, оставшись близъ рѣки.
 Какъ буря шумная поднявшись послѣ зною,
 Съ свирѣпой яростью въ зажженный душъ лѣсъ,
 Дымъ, пепелъ, пламень, жаръ восхитивъ за собою,
 И въ вихрь крушой завивъ, возносишь до небесъ,
 И нивы на поляхъ окрешныхъ поядаетъ,
 И села и кругъ ихъ расшущіе плоды;
 Надежды селянинъ лишившись оставляетъ
 Ревущему огню вселѣшныя шруды.
 Подобно такъ Мамай единымъ вдругъ ударомъ
 Противъ Димитрія Ордамъ лешѣшь велѣлъ,
 И въ мужестве спремься на полкъ противный яромъ,
 Скакалъ съ мечемъ своимъ чрезъ блѣдны кучи шѣлъ.

Россійскія въ кровѣ повержены знамена,
И Князь Московскій былъ опвсюду окруженъ,
И сила войскъ его слабѣла ушѣсенна:
Сомнѣнья нѣшѣ, что онъ Мамаемъ побѣжденъ.

ТАМИРА.

Мнѣ равно какъ тебѣ, родитель мой, пріятно,
Что радостная вѣсть пришла въ спасенный градъ;
Однако будешь мнѣ ушѣшиѣ спокрашно,
Когда прѣдешь здравъ возлюбленный мой брѣшѣ.
Ахъ небо помоги желаннаго достигнуть,
И послѣши къ концу намѣреній моихъ!

МУМЕТЪ.

Я къ бѣльшей радости могу себя подвигнуть.
Возлюбленная дочь: Мамай тебѣ женихъ.

ТАМИРА.

Мамай! о Боже мой!

МУМЕТЪ.

Востока обладаешь

И побѣдильшь всѣхъ полночныхъ нынѣ спранѣ,
Союзникъ искренней и вѣрной мнѣ пріятель
Судьбой и мной тебѣ въ супружество избранѣ.
Имѣя многіе подѣ областью народы,
Тамира, будешь онѣ шобою жишь плѣненѣ,
И спанетѣ оной плѣнѣ дороже чшишь свободы,
Хошя ему востокъ и сѣверѣ покоренѣ.

Возлюбленная дочь, что очи пошупляешь?
 Я спыдѣ дѣвической еѣ шебѣ весьма хваляю;
 И что вздыхаючи ты брата ожидаешь,
 Природную къ нему любовь швою любяю;
 Однако нынѣ ты похвальную спыданливосшь
 И мысли смущныя о братѣ опложи,
 И на опеческу смощря нешерпѣливосшь,
 Согласно ли ты мнѣ, немедѣнно скажи.

ТАМИРА.

Что я съ младенчества родителъскую волю
 Привыкла исполнять, довольно знаешь самѣ;
 Своею почишашь не оприцаюшь долю,
 Кошорую мнѣ дашь угодно небесамѣ.
 Однако рассуди мой младыя лѣша;
 И еѣ возрастѣ мнѣ припши еѣ дому швоемѣ позволя,
 Я буду почишашь, что я живу виѣ свѣша
 Какѣ ешьли безѣ шебя я буду жишь средѣ поль!
 И какѣ подумашь мнѣ, что я мила Мамаю?
 И какѣ могу сказашь, чтобы онѣ мнѣ былѣ милѣ,
 Когда лицѣ его и нравовѣ я не знаю?
 И какѣ его мой взорѣ заочно бы плѣнилѣ?

МУМЕТЪ.

Оставь о семѣ ты мнѣ, Тамира, попеченье,
 И вѣрь, что будетѣ шоль межѣ васѣ крѣпкѣ любовь,
 Что лишь швое со мной минуешѣ разлученье,
 То будетѣ къ одному кинѣшь Мамаю кровь.
 Ты долженшвуешь мой еѣ восшокѣ родѣ восшавишь
 И дружбу чрезѣ родшво съ Мамаемѣ ушвердишь,

Умно-

Умножишь нашу мочь, и съ нимъ себя прославишь;
 Миѣ польза, честь тебѣ велишѣ его любишь.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТАМИРА и КЛЕОНА.

ТАМИРА.

Война и мирѣ прошивѣ моей любви воюешѣ!
 Противилась моимѣ желаніямѣ война;
 Но нынѣ, Клеона, мирѣ свирѣпѣе враждуешѣ;
 Меня сильнае бурѣ колеблетѣ шишина!
 Сугубымѣ бременемѣ за что опягощаюсь?
 Въ супружествѣ даюшѣ шому, кто миѣ посылѣ!
 Довольноль что шого, кого люблю, лишаюсь?
 О небо, не нашли миѣ казни выше силѣ!
 Когдабѣ еще война понынѣ продолжалась,
 То мучилѣ бы меня одинѣ лишь шолько страхѣ,
 Миѣ лучше, ешьлибѣ я Селиму въ плѣнѣ досталась,
 Какѣ славно царшвовать въ Мамаевыхѣ странахѣ.
 Ахѣ! ешьлибѣ было шо, и я бы вѣрно знала,
 Что равнымѣ пламенемѣ Селимѣ ко миѣ горитѣ;
 То слезѣ пошокѣ проливѣ, отцу бы все сказала,
 Что духѣ мой и языкѣ съ шобою говоритѣ.
 Онѣ видя искренность, на плачь бы преклонился,
 И нашу можетѣ бышь любовь бы утвердилѣ.
 Илибѣ и мой животѣ съ надеждою прекратился,
 Въ спокойствѣ, что уже Селимѣ меня любилѣ.

Но нынѣ ненависть въ одну спрану склоняешъ,
 Въ другу ошчаянне нещастную влечешъ,
 Какъ на морѣ корабль, шо буря похищашъ,
 То водѣ спремленіе прошивъ нея несешъ;
 Такъ я прошивными спрасшями вдругѣ борима,
 Не чая одолѣшъ, должна прошивъ спобашъ.
 Ошчаявшисъ имѣшъ въ спужешствѣ Селима,
 Ошчаявшисъ любишъ Мамаю, что начашъ?

КЛЕОНА.

Ахъ! лучше шо избрашъ, что подлинно извѣстно,
 Какъ онаго желашъ, чему не можно бышъ.
 Хошя Селимово лице шебѣ прелешно,
 Но праву слѣдуя, спарайся позабышъ.

ТАМИРА.

Довольно бы шого, что права и законы
 Во обузданіи любовну спрасшъ крѣпяшъ;
 Довольно ошѣ спыда любовникамѣ препоны,
 Когда взаимной жарѣ другѣ въ другѣ знашъ хошашъ.
 Но развращенной вѣкѣ насильства умножашъ;
 Ошеческа гроза, богашество, родѣ и чешъ
 Коль многихѣ въ вѣчное нещастье погружашъ,
 Любви желающихѣ досташки предпочешъ.
 Какая польза въ шомѣ, что злешомѣ испещренный,
 И камешемѣ драгимѣ въ глазахѣ блешитѣ чертогѣ,
 Когда мой будешъ духѣ ошѣ оныхѣ ошвращенный
 Кѣ шому всегда вперенѣ, чего имѣшъ не могѣ?

Дабы

Дабы на мало лѣшѣ восшановишь союзы,
 Родишели даюшѣ свою залогомъ кровь,
 На дѣшскія сердца кладушѣ несносны узы:
 Въ какой неволѣ ты, дражайшая любовь!
 Я вамъ завидую, кошоры опдаленно
 Отъ гордыхъ сихъ палашѣ живеше въ пишинѣ:
 У васъ веселіе равно и непремѣнно,
 И прямо щасливы лишь шолько вы однѣ,
 У васъ вольна отъ узѣ живешѣ любовь свяшая;
 У васъ не для ошцовѣ; но любяшѣ для себя,
 Союзовѣ никакихъ ни выгодѣ не счишая,
 Но склонность лишь своихъ сердецѣ упошребя.
 Коль щаслива былабѣ, коль щаслива Тамира!
 Когдабѣ съ ней былѣ Селимѣ въ одномѣ лугу пасхухѣ:
 Не злато, не вѣнды, не Царская порфира,
 Но вѣрнаябѣ любовь соединила двухѣ.

КЛЕОНА.

Одно шебѣ еще прибѣжище ошталось:
 Ты дядѣ мысль сію, Царевна, обѣяви,
 Слѣши, пойдемѣ, пока совѣмѣ не основалось
 Супружество швоей прошивное любви.

Конецъ лерваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

СЕЛИМЪ и НАДИРЪ.

НАДИРЪ.

Мнѣ радостенъ сей миръ; но на тебя взирая,
 Сугубо чувствую веселіе въ себѣ.
 Такоѣ его былъ взоръ и бодрость въ немъ такая,
 И именемъ и всѣмъ подобенъ былъ тебѣ
 Селимъ, котораго любовь и добродѣтель
 Къ Нарсиму и ко мнѣ колы искренна была,
 Тому прекрасный брегъ Геонскихъ водъ свидѣтель.

СЕЛИМЪ.

Сѣдины вижу шѣ, и шѣ черны чела!
 Теперь мнѣ небеса надежду укрѣпляютъ!
 Возлюбленный НаDIRЪ, тебя здѣсь вижу я,
 Котораго понынѣ мѣша воспоминаюшъ,
 Гдѣ праведна еще цвѣтеши хвала швоя,
 Хотя и никому швой Царской родъ незнаемъ,
 Которой и друзьямъ швоимъ былъ пошаненъ?
 Но гдѣ швой сынъ, мой другъ?

НАДИРЪ.

На брань пошолъ съ Мамаемъ.
 Однако онъ Царемъ не мной на свѣшъ рожденъ.

Родив-

Родившись отъ одной съ Мумешомъ я упробы,
Нарсима сыномъ звалъ, онъ звалъ меня отцомъ;
И не хошя, какъ ты открышь своей особы
Высочество шалъ въ названіи протомъ.

СЕЛИМЪ.

О щедрая судьба! Нарсимъ! онъ братель Тамиръ!
Пріятель искренній! когда бы здѣсь онъ былъ,
То можетъ быть при семъ возобновленномъ мирѣ
Въ желаніи моемъ мнѣ промыслъ спослѣшилъ.

НАДИРЪ.

Его обратно Царь всечасно ожидаетъ.

СЕЛИМЪ.

Однако и швоя поможешь мнѣ пріязнь.
Позволь мнѣ объявить, чего мой духъ желаетъ;
Узнаешь нынѣшнихъ отъ прежнихъ мыслей разнь.
Тебѣ всѣ склонности и жизнь моя извѣсна,
Какъ былъ я въ Индіи съ Нарсимомъ и съ шобой,
Бывалъ красота очамъ моимъ прелестна?
Бывалъ ли нарушенъ любовью мой покой?
Всегда исполненъ шѣмъ, что мудрые (*) Брамины
Съ младенчества въ моей оставили кровѣ,
Напасши презирашь, безъ страху ждешь кончины,
Имѣшь недвижимъ духъ и бѣгаешь отъ любви;
Я больше какъ рабъ имѣлъ себя во власти,
Мой нравъ былъ завсегда уму порабощенъ,
Преодоленнымъ я имѣлъ подъ игомъ шраши,
И мраку ихъ не зналъ наукой просвѣщенъ.

Б 5

Дру-

(*) Индійскіе Философы.

Другихъ волненія смотрѣлъ всегда со брѣгу.
 Но нынѣ подѣ общей я подверженъ спалъ законъ
 И мыслей быспраго сдержашъ не силенъ бѣгу,
 Я имѣ послѣдую и ошдаюсь въ полонѣ.
 Не ради слабыхъ силъ оставилъ я осаду
 Любовь испоргнула изъ рукъ военныхъ мечъ,
 Тамира не полки была защита граду,
 Она мнѣ щлемѣ съ главы, броню сложила съ плечъ.

НАДИРЪ.

Чшо слышу я? и какъ?

СЕЛИМЪ.

Сквозь самы шверды стѣны,
 Межъ кбпей, межъ щиповѣ любви свободенъ пушь,
 Я въ перемирны дни на градѣ сей ушѣсенны,
 Приблизившись ко рву едва успѣлъ взглянуть,
 Прекрасны очи грудь пронзили изъ бойницы.
 Смущенъ и изумленъ спросилъ, какъ бѣхалъ прочь:
 Мнѣ плѣнникъ объявилъ, что смотряшъ пушь дѣвицы,
 И чшо Мумешова въ срединѣ оныхъ дочъ.
 Съ шого часа война въ крови моей восстала;
 Я вамъ спокойштво давъ, съ собою брань имѣлъ:
 Любовь поставишь миръ, честь къ бою побуждала.
 Вчера любовну спрасшь мой разумъ одолѣлъ.
 Я въ рѣки принялъ мечъ; но сердце вопїяло:
 Селимъ, на шо ли шы дерзаешь усремленъ,
 Чшобъ око нѣжное на кровь гражданъ взирало,
 Кшорое меня въ прїяшной взяло плѣнъ,
 И чшобъ въ слезахъ лице Тамирино прекрасно
 Опѣ падающихъ стѣнъ покрылъ сгущенный прахъ.

Я

Я симъ движеніямъ прошивился напрасно,
 И удержишь не могъ оружія въ рукахъ.
 Дражайшій мой Надиръ, познавъ причину мира,
 И дружбу вспомянувъ пощидись мнѣ пособить.
 Царю напомяни, что можешъ лишь Тамира
 Трѣумфъ мой и сихъ спѣхъ мнѣ дѣлосъ заплашить.

НАДИРЪ.

Твои заслуги мзды шолікія достойны,
 Достойны качества, и славный Царскій родъ:
 Ты мысли между шѣмъ имѣй, Селимъ, спокойны,
 Когда швой объявлю Царю сюда приходъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТАМИРА, СЕЛИМЪ и КЛЕОНА.

ТАМИРА.

Оспраду можешъ бышь въ моей печали крайней
 Второй мнѣ дастъ ошецъ кого я вижу здѣсь?
 Клеона, ахъ! куда?

КЛЕОНА.

О случай невзначайной!

СЕЛИМЪ.

О радостной восторгъ! я щепенбю весь!
 Драгая, не мятись симъ взоромъ необычнымъ,
 Но слуху своего гласъ слезный удостой,
 И красотъ швоей возрѣнѣмъ приличнымъ
 Трепещущую кровь и сердце успокой.

Хотя

Хотя учтивость мнѣ и скромность возбраняетъ
 Продерзосшную мысль нечаянно опскрыть ;
 Но время крашкое опнюдь не позволяеть
 И сердце не даетъ движенія шапшь.

Становится на колѣна.

Ты видишь предъ собой , прекрасная Царевна ,
 Тобой плѣннаго презришела любви ;
 Тобой мнѣ будеть жизнь блаженна , или плачевна.
 Коль хочешь , оживи , коль хочешь , умерши.

ТАМИРА.

Какимъ смущаюсь я внезапно разговоромъ !
 Тебя , Селимъ , себя могу я умершвишь ?
 Коль спранна рѣчь !

Поднимаетъ его.

СЕЛИМЪ.

Твоимъ произенно сердце взоромъ
 Буншующей душѣ велитъ швоею бышь.
 Вопще пропивиъ тебя , пропивиъ себя всюю
 У спѣнѣ , въ полкѣхъ , въ поляхъ швою сръшаю тѣнѣ ,
 И въ шрубный шумъ швое я въ мысли имя чую ,
 Тебя мнѣ мракъ ночной и яносць кажетъ въ день.
 Прѣяшносшей швоихъ вездѣ мнѣ блескъ сѣяетъ ;
 Тобой исполнець я и въ явѣ и во снѣ.
 Недвижимый мой духъ и крѣпосшь оспавляетъ ,
 Я больше ужъ себя не нахожу во мнѣ.
 На горькое смотря , дражайшая , мученье ,
 Повѣрь , что мой живощъ въ любезной сей рукѣ !

ТА -

ТАМИРА.

Какое дашь могу тебѣ я облегченье,
Въ лютейшей будучи погружена скорбѣ?

СЕЛИМЪ.

Дражайшая, какой свирѣпости возможно
Тебѣ малѣйшую прошивность учинить?
Какое сердце есть на свѣсѣ шоль безбожно,
Которое тебя дерзаетъ оскорбить?
Тебя, предѣ кою жаръ бранный погасаетъ
И падающъ изъ рукъ и копыя и щиты,
Геройскихъ мыслей бѣгъ насильный ушихаетъ
Удѣржанъ силою шолкой красоты!

Но ешьли ты меня, драгая, удостоишь
Причину своего смущенія узнать;
То свой ты черезъ шо и мой духъ успокоишь:
Во всемъ любовь моя возможешъ помощь дашь.
На все любовь моя готова успремисься,
Готова всѣ бѣды и смерть въ ничто вмѣнишь;
Лишь шолько бы швоей отпradoй веселишься,
И чшобъ любовь швою взаимно заслужишь.

ТАМИРА.

Ахъ шдежны всѣ слова! напрасны обѣщанья!
Гонимой отъ своихъ поможешъ ли чужой?
Однѣ остались миѣ со плачемъ воздыханья:
Не множь ихъ, и себя отъ глазъ моихъ укрой.
Меня судьба зовешъ и должностъ понуждаетъ
Ошавишь здѣшній градъ и въ дальный край спѣшишь.

Пре-

Преспань того желать, что небо запрещаетъ,
Такъ промыслъ положилъ, и нельзя премѣнить.

СЕЛИМЪ.

Поспѣшно швоему опшесшвѣю иль косо,
Чрезъ море должно бышь, или проспраншвомъ поль;
То, ежели шебѣ мое присушсшво сносно,
Дражайщая, себѣ послѣдовашь позволъ,
И удосшой меня зришь слезящимъ окомъ
На знаки нѣжные возлюбленныхъ слѣдовъ.
Но ежели не дано шебѣ предѣла рокомъ,
Гдѣ должно спраншвовашъ, оставя домъ опцовъ;
Послѣдуй миѣ въ луга Багдашскіе прекрасны,
Гдѣ въ срѣшенье шебѣ Евфратъ прольешь себя,
Гдѣ вешніе всегда господшвующъ дни ясны,
Пріятность воздуха достойная шебя,
Царицу воспріашъ великую шекаясъ,
Богинею почшишъ чюдящійся народъ,
И красотѣ швоей родишель удивляясь,
Превыше всѣхъ шоржесшвѣ поставишъ швой приходѣ.

ТАМИРА.

Хошя шакихъ, Селимъ, даровъ не презираю;
Но выше въ нихъ швоимъ достоиншвомъ цѣна.
Ахъ! что прельцаюсь шѣмъ, чья бышь не уповаю?
Какъ сердце я опдамъ, въ кошоромъ не вольна?
Велика держишъ внушрь мой робкой голосъ сила;
Но бѣлая шоя опъ сѣрдца гонишъ вонъ!
Когда прошивъ швоей я воли возлюбила,
О небо! шо скончай ударомъ громнымъ спонъ!

Ужъ

Ужѣ долѣ пайшь мой духъ не позволяешь,
 И шоль великихъ бурь не можешь грудь вмѣстишь.
 Селимъ, любовь моя равно къ тебѣ пылаешь,
 Которую судьба спремишь погасишь.
 Опеческая власъ желаніямъ прошивна
 Иному опдаешь шобою полну грудь,
 И съ коимъ жизнь моя была бы неразрыена,
 Едва я на шого дерзаю и взглянушь.

СЕЛИМЪ.

О радостныя вdrugъ минушы и плачевны!
 Я вознесенъ до звѣздъ и въ бездну погруженъ!
 На что соединилъ сердца, о промыслъ гнѣвный!
 Когда союзъ ихъ въ вѣкъ шобой не ушверженъ?
 Но нынѣ о швоей любви я увѣренъ,
 Дражайшая, прошиѣ судьбы вооружусь.
 Мой духъ шакъ напряженъ, коль пламень мой безмѣренъ;
 Умру, или съ шобой въ шрѣумфѣ возвращусь.

ТАМИРА.

Я сердце ужѣ тебѣ, любезный, поручаю,
 И вѣрность данную пребуду вѣкъ храня.
 Къ неистовому я не преклонюся Мамаю.
 Пусшь весь свѣшъ побѣдишь, не побѣдишь меня.

ЯВЛЕНІЕ Ш.

СЕЛИМЪ *одинъ.*

Мамай! Тиранъ во пѣнѣ шолику добродѣшель,
 Чудовище влечешъ шолику красоту? **О**

О солнце, ты сего возможешь быть свидѣтель,
 И свѣта не лишешь такую срамоту!
 Я коль великимъ по и славнымъ починая,
 Чшобъ вѣкъ Тамириной любовію горѣшь;
 Толь напрощеѣ шого позорно быть вмѣняю,
 Такого Вѣрвара соперникомъ имѣшь.

ЯВЛЕНІЕ IV.

МУМЕТЪ, СЕЛИМЪ, НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ.

СЕЛИМЪ.

Спокойствомъ пользуясь я нынѣ безопаснымъ,
 Тебя пришолъ почишь и видѣшь, Государь;
 И договоромъ миръ возобновишь согласнымъ,
 Къ чему мнѣ далъ всю власть меня родившій Царь.
 По волѣ я его Таврійскую вершину
 Прешелъ и воинствомъ наполнилъ корабли,
 Отъ страху свободилъ Евксинскую пучину,
 Чшо ваши подданны разбоемъ навели.
 Омсшииѣ купечества грабежъ, я миръ далъ граду,
 Имѣя громъ въ рукѣ, ударить не хотѣлъ:
 За домъ, за Крымъ, за жизнь желанну дай награду,
 Кошорой я свою побѣду предпочелъ.

МУМЕТЪ.

Причину швой ошецъ имѣлъ вооружиться,
 Какую завсегда къ войнѣ легко сыскашь.
 Кошора можешъ власть на свѣстѣ похвалиться,
 Чшобъ такъ всѣхъ подданныхъ могла она держать,
 Какъ

Какъ мирны пребуютъ отъ оныхъ договоръ ;
 И многѣ тысячи имѣли мысль одну ?
 И кто угодитъ шѣмъ, что будшобъ рушитъ ссортъ,
 Наносятъ для хвалы неправедну войну ?
 Хошь наша жизнь крѣпка, и оныя прибавишь
 Черезъ храбрыя дѣла Героямъ долгъ велишь ;
 Но мѣру праведну желаніямъ поставишь ,
 Въ томъ больше похвала чрезъ цѣлой свѣтъ гремитъ .
 Тебѣ довольно бытъ , Селимъ , я уповаю ,
 Когда повиннымъ казнъ достойну наложу .

СЕЛИМЪ.

Спокойство утвердивъ , я больше не желаю ;
 Но шокмо дружесство взаимно предложу .
 На свѣтлѣе лице взирая восхищаюсь ,
 Что въ ономъ начертанъ любезный мой Нарсимъ ;
 И та , кшорю пылаю и шерзаюсь ,
 Пльняетъ красота возрѣнѣмъ швоимъ .
 Союза нашего залогъ и совершенство
 И вѣчная печальъ бытъ можетъ дочь швоя .
 Тамира дастъ одна и сохранишь блаженство ;
 Кшорато во вѣкъ лишуся безъ нея .
 Какъ ещѣли данный миръ земли швоей полезенъ ,
 За шое надлежитъ воздашь моей любви .
 И буде , Государъ , швой сынъ шобѣ любезенъ ,
 То друга шы его себѣ усынови .

МУМЕТЪ.

Что сынъ мой другъ тебѣ, то мнѣ весьма пріятно.
Онъ также какъ и я за щасіе почтешъ,
Что въ городъ сей пришедъ съ побѣдою обратно,
Тебя союзникомъ а не врагомъ найдетъ.
При немъ намъ небеса помогутъ все устроить,
Его къ оградѣ я по вся минушы жду.

СЕЛИМЪ.

Надѣясь чрезъ него я сердце успокоить,
На Понтски берега съ веселѣемъ пойду,
И прежде дружного пощусь сюда приходу
Все воинство свое на корабли вмѣстить.

ЯВЛЕНІЕ V.

МУМЕТЪ, НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ.

МУМЕТЪ.

Взирая на любовь, особу и породу,
Не въ силѣ мыслей я своихъ соединить.
Примѣшивъ ненависть Нарсиму къ Мамаю,
Союзъ къ супружеству съ Тамирою шайлъ.
Но нынѣ большія преляшствія срѣшаю:
Нарсимъ Селиму другъ, а ей Мамай поспылъ.
Не должно царское Царю бышь слово ложно;
Но какъ я кровь свою ширанствовать могу?

ЗАИСАНЬ.

Того ужъ, Государь, перемѣнить не можно :
 Кшо другомъ былъ , шому открышо все врагу.
 Когда кшо сильному , что долженъ , оприцаешъ ,
 Тотъ будетъ принужденъ , что и недолженъ , дашъ.
 И долгъ къ опечеству Царямъ повелѣваешъ
 Блаженство онаго родству предпочишашъ.
 Помысли, Государь, коль будетъ дерзновенно
 Вооруженнаго Мамаю раздражишь ;
 И коль полезно вамъ , похвально, несравненно
 Владѣніе такимъ союзомъ укрѣпишь.

НАДИРЪ.

Что мѣру превзошло , стойтъ надъ спремниною ,
 Чтобъ гордости примѣръ паденьемъ звучнымъ дашъ.
 Безумна власъ падешъ своею шягошою ;
 Что срамно прѣобрѣсть , срамиѣе пошеряшъ.
 Видалъ я быстрыя уже иссохши рѣки ,
 Засыпанны пескомъ , что рвали съ береговъ.
 Такъ царства , что цвѣли во славѣ многи вѣки ,
 Упали шягостью поверженныхъ враговъ.
 Нарочно Богъ во шъмъ грядущее скрываетъ ,
 Чтобъ смертныхъ гордые совѣшты разорить.
 Мамай поля свои людьми опустошаетъ ,
 Дабы ихъ трупами Россійскій край покрыть.
 Насильна власъ стойтъ не можешъ долговѣчно.
 Кшо гонишь одного , шомъ всякому грозишь.
 Россію варварство его безчеловѣчно
 Изъ многихъ областей въ одну совокупить.

На плачь, на шумъ, на дымъ со всѣхъ сторонъ спекушя;
 Рассыпанныхъ враждой сберещъ послѣднѣй страхъ.
 Какою силою въ единствѣ облечушя,
 Владимиръ намъ примѣръ и храбрый Мономахъ.
 Сей вредные своей земли опмшнѣвъ набѣги,
 Давровымъ верхъ вѣнцемъ и Царскимъ увѣнчалъ,
 А оный здѣшнѣе покрывъ полками брѣги,
 Супругу въ сихъ стѣнахъ и вѣру возпрѣялъ.

ЗАИСАНЪ.

Мамаю слѣдуетъ вездѣ съ побѣдой слава;
 Онъ съ нею къ намъ спѣшишь Россіей овладѣвъ.
 Великостію силъ военны мѣряишь права
 Великіе Цари и областію гнѣвъ.

НАДИРЪ.

Великодушный левъ жаръ потчасъ уполяетъ,
 Коль скоро видишь онъ, что врагъ его лежитъ;
 Но хищной волкъ пошъ прошивника шерзаетъ,
 Пока послѣдняя въ немъ кровь еще кипитъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВѢСТНИКЪ и ПРЕЖНІЕ.

ВѢСТНИКЪ.

Съ Придонскихъ, государь, полей я отъ Нарсима
 Къ тебѣ прѣяшнюю несу поспѣшно вѣсть,
 Что къ радости швоей и къ утѣшенью Крыма
 Велику заслужилъ онъ храбростію честь.

Побиныхъ кровію Непрядвы шокъ стуснился,
И грабяшъ Росской спанъ Херсонскіе полки,
И ранами покрывъ отъ бою уклонился
Димитрій бѣгая Нарсимовой руки.
Одно нещасіе Мамаю сокрушаетъ,
Что сильный Челубѣй пронзенъ въ крови лежишъ,
Лежишъ и поля часъ велику покрываетъ!
Но намъ послѣдую побѣда ужь гремишъ.
Оспавшимъ Россамъ путь пресѣченъ къ бѣгу Деномъ,
Или въ бою падушъ или дадушся въ лѣнѣ.
Мамаю малымъ шоль людей своихъ урономъ
Проспранный сѣверъ весь подъ область покоренъ.

МУМЕТЪ.

Мамаю небеса Тамиру поручающъ,
И слово данное сама судьба крѣпимъ.
Хощь нравы разные съ Нарсимомъ раздѣляющъ;
Но обще щасіе ихъ въ любовь соединишъ.
Ты вѣрный Заисанъ, и ты мой братель любезный,
Подумавъ межъ собой, придише въ мой чертогъ,
Союзы ушвердишъ и дашь совѣтъ полезный,
Дабы доволенъ бышь Селимъ отказомъ могъ.

Конецъ второму дѣйствию.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАМАЙ одинъ.

Еще великій страхъ меня не оставляетъ!
 Еще я слышу крикъ враговъ гонящихъ въ слѣдъ!
 И блѣдныхъ лицъ меня мечтаніе смущаетъ!
 Здѣсь съ паромъ кровь изъ Мурзъ расфченныхъ шечетъ,
 Здѣсь шѣнь Нарсимова посѣдуя за мною,
 Уже въ глазахъ моихъ опмщеніемъ грозилъ!
 Крѣпись, мой духъ, крѣпись, бѣду скрывай бѣдою,
 И въ горести кажи на мнѣ Геройской видъ.
 Опъ Россовъ побѣжденъ, хотя я ужасаюсь
 Въ отечествѣ свой смѣдъ и слабость показашъ;
 Но съ войскомъ погубивъ Нарсима ушѣшаюсь,
 Чшо не осмался, кшобъ здѣсь могъ о томъ сказать.
 Мамай, шы будь себѣ и въ пагубѣ подобенъ,
 Мумеша ложною побѣдою увѣрь.
 На дѣлѣ испышай, коль къ умысламъ способенъ,
 И ковъ составленной напасью нынѣ мѣрь.
 Тамиру давъ въ жену, мнѣ дастъ Мумешъ и войско
 Я брды по степямъ рассыпанны беру;
 Искусшво покажу коваршвомъ симъ Геройско,
 Внезапно набѣжавъ, Москву въ ногахъ попру.

На

На плачѣ шамѣ премѣню я торжество спокойно,
 И покажу врагамѣ, каковѣ мой гнѣбѣ и власть.
 Въ концѣ опчаясь Мамай недостойно;
 Безумно всѣхѣ пушей не испытавѣ пропасть.

ЯВЛЕНІЕ П.

МАМАЙ, МУМЕТЪ, НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ.

МУМЕТЪ.

Какое щастіе мнѣ небо посылаетѣ,
 Великій Государь, пришествїемѣ своимѣ!
 Нечаянной твоей взорѣ тѣмѣ больше восхищаетѣ,
 Чѣмѣ больше нуженѣ онѣ смятенїямѣ моимѣ.
 Я радуюсь твоей побѣдѣ въ свѣтѣ звучной,
 И скорому дивлюсь прїѣзду твоему.

МАМАЙ.

Не можешѣ торжества Мамай благополучной
 Себѣ къ веселїю оставишь одному;
 Но хочешѣ онаго имѣшь и шу причастну,
 Которую къ сему блаженшеу ты родилѣ.
 Имѣя всю страну Россійскую подвластну,
 Я радость сообщить изѣ уснѣ своихѣ спѣшилѣ.
 Сугубымѣ торжествомѣ украсишь ускоряю,
 И славою мой вѣздѣ въ великую орду.
 Но славнѣе я бышь Тамирою желаю,
 Какѣ тѣмѣ, что Дмишрїа въ оковахѣ приведу.
 Уже все воинство со плескомѣ ожидаешѣ
 Съ прекрасною меня Царицею къ себѣ.

В 4

МУ-

МУМЕТЪ.

Побѣда мужество Геройское вѣнчаетъ ;
 Любовь и дружество Тамиру дастъ шебѣ.
 Нарсимъ помощникъ швой, въ семъ градѣ вождедѣльный
 Украситъ брачный день, со славой возвращаясь,
 И храбрымъ воинствомъ Херсонскимъ окруженный . . .

МАМАЙ.

Онъ нынѣ на поляхъ Россійскихъ веселясь,
 Сокровища себѣ съ побитыхъ собираетъ,
 Съ которыми тогда обратно придешь въ домъ,
 Какъ даннымъ отъ меня онъ краемъ завладеетъ,
 Дугами шучными межъ Дономъ и Днѣпромъ.

ЗАИСАНЪ.

О щастливой успѣхъ! о коль мѣстѣ прекрасны!

Къ Надирѣ.

Не мнѣ ли въ честь конецъ пріяла наша прядь?

НАДИРЪ.

Но сердца моего съ симъ чувства не согласны!

МУМЕТЪ.

Достоинъ даръ шаковъ Великаго Царя!

МАМАЙ.

Любезный государь! Нарсима оставляя,
 Я слышалъ въ радостныхъ изъ устъ его слезахъ,
 Что въ сердцѣ ненависть искоренилась злая,
 И общимъ щастіемъ вражды развѣянъ прахъ.
 Проси, сказалъ онъ мнѣ; я нынѣ признаюсь,
 Что злобой я себя не рассудя гнѣвилъ.

Я храбрости твоей и духу удивляюсь,
 Чѣмъ ты Димитрія и гнѣвъ свой побѣдилъ,
 Геройства твоего я быши самъ свидѣтель,
 Завистникоевъ твоихъ ошвергнулъ клеветы,

ЗАИСАНЪ.

Превыше зависти восходишь добродѣтель,
 И презираешь ту спокойна съ высоты!

МАМАЙ.

Услышавъ таково Нарсимова пріятство,
 Не медля брачною я союзъ ему открылъ.
 Онъ въ радости сказалъ: о коль любезно братство,
 Въ которомъ промыслъ мнѣ съ Героемъ быть судилъ!
 Благополученъ Крымъ, и щастлива Тамира,
 Тобой возвышенны, прославленны шобой!
 Но ты подобяся дыханію зефира,
 Поспѣшно въ Крымъ пришедъ Мумеша успокой.
 Скажи ему, коль мнѣ съ шобою быть полезно;
 И будущей твоей Царицѣ объяви,
 Что мнѣ шоликое супружество любезно;
 И о моей къ тебѣ увѣрь ее любви.
 Величество свое и неисчетны брды
 Тамирѣ покажи, со славой возвращаясь;
 И шоржествуй, спутивъ врагамъ на выи горды,
 Что будущъ ницѣ лежать, предѣ нею преклонясь.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТАМИРА, КЛЕОНА и прежніе.

ТАМИРА.

Ужель возлюбленный Нарсимъ къ намъ возвратился?
Дражайшій мой отецъ!

МУМЕТЪ.

Ты видишь здѣсь его.

Предъ коимъ съверъ весь пространный преклонился;
Мамая почиай за сына моего.

ТАМИРА.

О строги небеса!

МАМАЙ.

Ты видишь брата друга,
Которой хочешь вѣкъ къ тебѣ одной горѣшь.

МУМЕТЪ.

Имѣешь жениха; а скоро и супруга
Въ немъ будешь оптическимъ раченіемъ имѣшь.

Къ Мамаяю.

Любовь и я даю тебѣ рожденну мною,
Съ тебою царствовать и искренне любишь.

МАМАЙ.

Вспорымъ я нынѣ опцемъ рожденъ на себѣ тебою,
Когда ты предпріалъ меня усыновишь.

МУМЕТЪ.

къ Тамирѣ.

Нарсима и меня люби ты въ немъ единомъ
И царствуй щастливо въ обширной полѣ странѣ.
Близкая на землѣ пресвѣшлымъ Царскимъ чиномъ,
Ему послушна будь, какъ нынѣ послушна мнѣ

ТА-

ТАМИРА.

Ты вѣленъ, Государь! законы и природа
 Велятъ тебѣ имѣшь въ Тамирѣ полную власть.
 Какъ спорить я могу? коль не дана свобода
 По волѣ избираешь приспойну въ жизни часъ.
 Но естли смѣю я

МУМЕТЪ.

Младые не радѣютъ

О томъ, чрезъ чтобы имъ ко щастію дойти:
 За тѣмъ родилели рожденными владѣютъ,
 Дабы поставишь ихъ на истинномъ пути.
 Любовью будешь знаешь, что нынѣ зовешь грозою,
 И станешь строгости моей благодарить.
 Ты слѣдуй въ мой чертогъ, любезный братъ, за мною,
 Дабы мнѣ скорой бракъ съ тобой разположишь.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТАМИРА, МАМАЙ, ЗАИСАНЪ и КЛЕОНА.

МАМАЙ.

Несносной горестью смященный примѣчаю,
 Что всеу шаковымъ я пламенемъ горю,
 Тамира, ненависть имѣешь ты къ Мамаю?
 И смѣешь согрubiшь Великому Царю?
 Однако принужду свои къ спокойству мысли,
 И младости твою прошивность припишу.
 Царевна, истиннымъ своимъ блаженствомъ числа,
 Что сердце я свое тебѣ въ даръ приношу.

Цари

Цари съ концевъ земныхъ сродствѣ со мной желаюшъ;
 И каждая красошу приносишъ мнѣ страна.
 Коль многія по мнѣ Царевны въздыхаюшъ!
 Ты можешь получишь желанья всѣхъ одна,
 Ты можешь получишь великаго Героя,
 Кошорой мужесшвомъ вселенну удивилъ,
 Превысилъ славою Чингиса и Хозроя,
 И праждѣ въ себѣ Башмы воскресилъ.
 Предсавъ мой славной родъ, и кто Мамаю дѣды,
 Ошъ коихъ онъ шебѣ къ супружесшву рожденъ.
 Россія не мои, но ужъ швои побѣды,
 Когда я красошой швоей самъ побѣжденъ.
 Толикимъ Государь народамъ покореннымъ,
 Не обинуюсь бышь просишелемъ швоимъ.
 Я щастіе свое почелъ бы несравненнымъ,
 Когда бы оное счищала шы своимъ.

ТАМИРА.

Когда шы многіе привелъ подъ власть народы,
 То славы, Государь, шоликой не шеряй,
 И слабый женскій полъ лишивъ драгой свободы,
 Великихъ дѣлъ своихъ чрезъ шо не помрачай.

МАМАЙ.

Тебя свободы я могу лишишь, Тамира?
 Кошору возвести съ собой на проиъ спѣшу,
 Посшавишь госпожой мнѣ подданнаго мира,
 И будучи Царемъ, бышь плѣнникомъ ищу?

ТАМИРА.

Среди довольствій всѣхъ , среди великой славы ,
 Сидя на Царскаго престола высотѣ ,
 Что пользы, естли въ насъ различны будущіи нравы?
 Я все равно почшѣ послѣдней нищестѣ !
 Какая польза въ томъ , что рокъ свой проклиная ,
 Не бракомъ буду бракъ , но плѣномъ называшь ;
 И на оковы шоль несносныя взирая ,
 Тебѣ послѣдовашь , а о иномъ вздыхашь !

ЯВЛЕНІЕ V.

МАМАЙ, КЛЕОНА, ЗАИСАНЪ.

МАМАЙ.

Клеонъ.

Что слышу я еще ! любовница иному
 Тамира можешъ бышь , и мнѣ при томъ жена ?
 И кто Мамаева не усрашася грому ,
 Дерзнулъ взглянушь на ту , что мнѣ обручена ?
 Тебѣ всѣ склонности и нравъ ея извѣстенъ ,
 Ты можешъ нынѣ чesть и милосць заслужить.
 Скажи , скажи , кто естъ Тамиръ шоль прелестенъ ,
 Кого бы мнѣ она хотѣла предпочшить ?
 Когда опкрышемъ смущеніе прогонишь ,
 Дабы соперника узнашь и опврашишь ;
 Когда Тамиринъ духъ ко мнѣ въ любовь преклонишь ,
 Какую мзду за шо ты можешъ получишь !

Ты

Ты знаешь власть мою и опшческую волю!
 Спарайся обязашь великихъ двухъ Царей.
 Я Царску чесшь шебѣ давашь своимъ позволю,
 И матери равно шебя почту своей.

КЛЕОНА.

Я знаю, Государь, коль власть швоя велика,
 И коль должна Царю послушна бышь раба;
 Но по́моци подáшь не можешъ мзда шолика,
 Когда имѣешъ брань съ любовью судьба.
 Не можешъ воинство съ кондемъ всея вселенны
 Прошиву швоего спашь гнѣвнаго лица;
 Но силой покоряшь приспойно крѣпки спѣны;
 А нѣжны ласкою дѣвически сердца.
 Чѣмъ больше шы къ любви Тамиру принуждаешь,
 Тѣмъ больше будешь ей прошивенъ и постыль.

ЗАИСАНЪ.

Великому Царю шель дерзско опшѣчаешь?

МАМАЙ.

О какъ напрасно я къ ней щедрѣ и ласковѣ былъ!
 Оковы, мѹки, гладѣ и вѣчная шемница,
 И смерть сама легка шаку змѣю карашь.

КЛЕОНА.

Тамирѣ былобѣ шо ужѣ живой гробница,
 Селиму сердце давъ, Мамаю присягаешь.

ЯВЛЕНІЕ VI.

МАМАЙ и ЗАИСАНЪ.

МАМАЙ.

Селимъ! и кто?

ЗАИСАНЪ.

Селимъ, о щасливѣ недоспойно!

О общая печаль! о спраси сѣвпоша!

Селимъ, что не хоша въ Багдашѣ жишь спокойно,

Разбоемъ ушѣснялъ предѣ градомъ симъ мѣстѣ.

Но страхомъ силъ швоихъ смяшенъ склонился къ миру,

И въ городъ сей вошедъ Мумешу предлагалъ,

Дабы онъ далъ ему еѣ супружество Тамиру;

Однако Царь на то ошѣшѣ несклонной далъ.

Къ Селимовой любви Царевна согласишься

МАМАЙ.

И предпочесть меня разбойнику могла?

О горестъ! о ударъ! о какъ мой духъ стремится!

Не можешъ больше бышь на свѣшѣ миѣ хула,

Какъ чтобъ соперникъ миѣ Царевичъ былъ Багдашской!

Хотя дерзнулъ сего онъ суешно искашь,

Но можешъ возвращаясь сказашь еѣ спранѣ Евфратской,

Что онъ шого же могъ, чего и я, желашъ.

Теряешъ цѣну всю, что ни было велико,

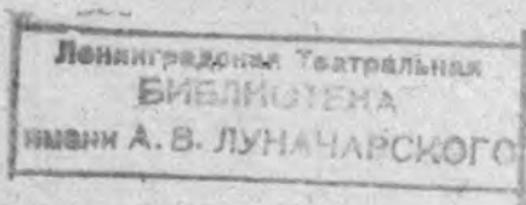
Какъ ешъли шое онъ надѣетъя имѣшь;

Ему хвала, а миѣ презрѣнїе колико,

Что шѣмъ же пламенемъ со мною могъ горѣшь!

Но ахъ! что мышляю я, и что я здѣсь косиѣю?

Ужѣ

Ужѣ похищилъ онѣ, что должно бышь мое!
 Любезный Заисанѣ, спѣши ошмспишь злодѣю;
 Пойдемѣ

ЗАИСАНѢ.

Смягчи шеперь волненіе свое.

Ты будешь, Государь, имѣшь свою невѣсту.
 И примешъ за сіе досшойну казнъ Селимѣ,
 Какѣ войны швой кѣ сему приспѣюшѣ мѣсту;
 Онѣ погубишѣ себя желаніемѣ своимѣ.
 Мумешова себѣ ошвѣша ожидая,
 Умедлишѣ здѣсь, пока пы въ силѣ будешь самѣ
 Его плѣнишь, ошѣ насѣ способсшва не желая,
 Чшо ради мира нынѣ чинишь не должно намѣ.

МАМАЙ.

Побѣхавшіе въ слѣдѣ со мною разлучились
 И скорости моей сравнишься не могли.
 Надѣюсь въ разныя дорѣги ушпремилнесь,
 И ѣздяшѣ по шпенямѣ рассыпанны въ дали.
 И ештли ускоряшѣ, не могушѣ ушомленные
 Покоя не имѣвѣ Селиму ошомспишь.
 Но я прoderзосшью шакую огорченный
 Могуль минушу дашь Селиму живу бышь?
 Сія рука моя умывшись кровью мерзкой,
 Воздасшѣ весь долѣ мой озлобленной любви.
 Погибнешѣ пусть злодѣи и сошосшашѣ прoderзкой:
 А пы любовь свою и ревность мнѣ яви,
 Скажи, гдѣ онѣ?

ЗАИСАНЬ.

Храни особу шы високу.

И рукъ не проспирай

МАМАЙ.

Доколѣ мнѣ страдашь!

Спѣши со мной опмешись обиду шоль жестоку,

Чшобъ мерску кровь его Тамирѣ показашь!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТАМИРА и КЛЕОНА.

КЛЕОНА.

Какою люшосшью къ Селиму онѣ пылаешъ!

Какой приходишъ къ намъ опѣ словъ тиранскихъ слухъ!

Какой, драгая, жарѣ въ очахъ швоихъ блиспаешъ!

О какъ колеблешся озлобленный швой духъ!

Мнѣ сердце движешся и говоритъ всечасно,

Чшо скоро люшая поспитнешъ насъ напасшь!

ТАМИРА.

Теперь мнѣ болѣе ничшо ужѣ не ужасно,

Ни варварска гроза, ни опческа влашь!

КЛЕОНА.

Царевна, на кого шы можешъ положишся?

Кшо можешъ свободить себя опѣ сильныхъ рукъ?

ТАМИРА.

Любовь!

Поди и посмотри, куда Мамай спремишся?

въ слѣдъ Клеонѣ

На всѣ напасши жизнь нещасную гошовъ.

Г

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТАМИРА одна.

Бѣги опсель, бѣги, Тамира, и спасайся,
 Пока ширанскихъ шы не чувствуешь оковъ,
 Бѣги насильныхъ рукъ, на градъ не озирайся:
 Селимъ приняшь себя на корабли гошовъ.
 Онъ съ бѣрегу очей минушы не спускаешъ,
 И плаватели всѣ направилися въ пущь;
 И небо искренней любви поспѣшаешъ:
 Уже намъ и борею способной началъ душъ.
 Въ одномъ Селимъ я надежду всю имѣю,
 Когда слезами я ошца не умячю.
 Но въ страхъ шрепещу, смущаюсь, цепенѣю!
 Ахъ! что продерская, ахъ! что начашъ хочу?
 Уйду, ошечество, родишеля оставивъ,
 И брата и сей домъ и шыдѣ свой позабывъ,
 И царской родъ во всей вселенной обезславивъ,
 И кровнаго родства законы прешупивъ?
 Но каждо мѣсто мнѣ ошечество съ Селимомъ;
 Селимъ мнѣ будетъ братъ, ошецъ и все родство.
 Оставишь всѣхъ и бышь еѣ жишьи нераздѣлимомъ
 Съ супругами велишъ законъ и ешество.
 Супружешвомъ назвашъ нешество дерзаешъ,
 И налагашъ шспрашямъ закона именà?
 Нешасная, кому себя шы поручаешъ?
 Или шевѣ еѣ любви невѣрность не шпашнà?

Пред-

Представь себѣ, представь прельщенную Медею,
 Оставляющую отца и честь на семъ берегу!
 Я мѣсто пожѣ и спрашъ подобную имѣю:
 Или я лучшія ждашь вѣрности могу?
 Несноснѣ бѣды мнѣ можешъ быть защита,
 Какъ естли мнѣ Селимѣ другую предпочитѣ.
 И на чужой странѣ кѣмъ буду я покрыша?
 Отцу и брашу гнѣвъ и дальность возбранитѣ.
 Ошъ року бѣгая, на явной рокѣ держу.
 Мнѣ пагубой земля, вода грозитѣ бѣдой.
 Непостоянное я море представляю,
 И бури хищныя ревутѣ передо мной.
 Тамира, въ бѣдствіе сугубо не вдавайся,
 Блюдись сугубой шы невѣрности, блюдишь.
 Однако укрѣпись, мой духъ, и не смущайся,
 На слово данное Селимомѣ положишь.
 Не шомъ въ немъ блещетѣ духъ, не ша его порода;
 Съ любовію кипитѣ Геройская въ немъ кровь.
 И коя усрашитѣ при немъ меня погода?
 Не движешся въ волнахъ не лесная любовь.
 Слѣши, слѣши ошъ мѣстѣ Мамаемѣ зараженныхъ,
 Слѣши за Поншъ, за Тигрѣ, за Нилѣ, за Океанѣ.
 И какъ ужъ будешь шы въ странахъ шоль удаленныхъ,
 И шамъ покажется, что близко сей шранѣ!
 О промыслѣ! о судьба! слезами умягчишь!
 О небо! о земля! о вѣшры! о моря!
 На жалость, на шоску, на вопль мой преклонишь,
 Покройше ошъ руки свирѣпаго Царя.

А вы мѣста, гдѣ мы любовію плѣнились,
 Зашмихесь, чтобъ опцу на память привести,
 Чшо строгостью его Тамиры вы лишились!
 Прости, дражайшее отечество, прости!

Конецъ претьему дѣйствію.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ.

ЗАИСАНЪ.

Какія, Государь, услышишь нынѣ вѣсти!
О шаякая бѣда! о вѣчна срамоша!
Тамира спыдѣ забывѣ, своей не помня чѣспи,
Бѣжашь намѣрилась ошселя вѣ чужи мѣстѣ!
И безрассудною любовію палима,
Кѣ Багдашскимѣ шла одна, закрывѣ себя, судамѣ.
Надежду положивѣ на льспиваго Селима,
Чшо былѣ не давно врагѣ ошческимѣ спѣнамѣ!

НАДИРЪ.

О жалось горестна! о люшое мученье!
О спрогошь ошческа! кѣ чему шы привела?

ЗАИСАНЪ.

По щасью я ошкрылѣ шакое дерзновенье:
Тамира во врашакѣ ужѣ градскихѣ была!
Я общей за спѣны пошолѣ смотрѣшь опрады,
Ужель Селимѣ полки посшавилѣ на суда;
И видя, чшо на нихѣ все войско и снаряды,
Я пушь свой обрашилѣ сѣ веселѣемѣ сюда.

Увидѣлъ, что спѣшилъ тамъ женскій полъ ко берегу,
 Смотря во всѣ спраны сквозь тонкой свой покровъ.
 Я робкому дивясь и скорому шоль бѣгу,
 На вспрѣчу прямо шолъ, провѣдашь, кто шаковъ.
 Какъ спранникъ на пуши отъ звѣря убѣгая,
 Спѣшилъ чрезъ шернѣ, чрезъ камни и бугры;
 Но вдругъ увидѣвъ, что шумъ спремнинъ крушая,
 И должно въ мрачну хлябь спремглавъ унасть съ горы,
 Оцепенѣвъ стоишь, прошивишься размаху,
 Трепещущъ члены всѣ, мушишься свѣтъ очей:
 Меня увидѣвъ вдругъ, Тамира шакъ отъ спраху
 Смушилась, обмерла въ продерзости своей.
 Укрышья отъ меня во всѣ спраны мешалась;
 Вездѣ былъ запертъ пушь боязнью и спыдомъ.
 Когда шоликими волнами колебалась,
 Я изумленную въ опеческой ввелъ домъ.
 Что нынѣ мнѣ начашъ? какъ я Царю открою?
 Дай въ помощь, Государь, премудрой швой совѣтъ.

НАДИРЪ.

Внезапно не срази печалю шакою:
 Предсшавъ себѣ, какъ симъ подвигнешся Мумешъ!
 Я лучше думаю сѣю скрышь вѣсье шайну,
 Дабы въ спокойствіи отцовъ оставишь духъ.

ЗАИСАНЪ.

Но я могу понасть въ бѣду чрезъ шое крайну,
 Когда кромѣ меня къ Царю достигнешъ слухъ.
 То видѣли раби и воины со мною,
 И могушь все ему подробно донести.

НАДИРЪ.

Хотя смягчи ударъ пріятношью какою ;
Между веселыхъ словъ печаль сію вмѣсти.

ЯВЛЕНІЕ II.

НАДИРЪ *одинъ.*

Несытая алчба имѣнія и власти,
Къ какой шы крайности родъ смертныхъ привела ?
Которой шы въ сердцахъ не возбудила страсти ?
И коего на насъ не устремила зла ?
Съ шобою возрасли и зависть и коварство ;
Твое исчадіе кровавая война !
Которое отъ ней не стонетъ государство ?
Которая отъ ней не потряслась страна ?
Гдѣ были созданы всходящи къ небу храмы,
И стѣны шрудъ вѣковъ, и многихъ шысячь пошъ :
Тамъ видны лишь однѣ развалины и ямы,
При коихъ шучную имѣешъ пашву скошъ.
О коль мучительна родителемъ разлука,
Когда даютъ дѣшей, чтобы пролишь ихъ кровь !
О коль разительна и нестерпима мѹка,
Когда военный шумъ смущаетъ двухъ любовь !
Лишь шолько зазвучитъ ужасна брань шрубою,
Мяшущя города и села и лѣса,
Любовническаго исполненныя вою
И жалобъ на ударъ жестокаго часа.

Что можешь быть сего несносиѣ во свѣшѣ,
 Когда двоихъ любовь и младость сопрягла?
 Однако въ самомъ днѣ молодыхъ прекрасномъ цвѣшѣ
 Густая жадности мрачншѣ ихъ пламень мгла,
 Когда родители обманчивой корысти
 На жершву опдающѣ и совѣсти и дѣшей.
 О небо, преклонись, вселенную очисти
 Опшѣ пагубы шакой, опшѣ скверной язвы сей!
 Коль дало красоту и младость человѣку,
 И нѣжны искры въ немъ любовныя зажгло,
 Чтобъ въ радости прожншѣ дражайшую часъ въку,
 То долголь на земли сѣе попустишь зло?
 На шоль Тамирѣ шн прїятность влило въ очи,
 На шо ли нѣжную въ нее вложило спрасъ,
 Что бы подверженна Тиранской сильно мочи
 Оплакивала жизнь и горестную часъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

НАДИРЪ и КЛЕОНА.

КЛЕОНА.

Тамира! ахъ печаль! Тамира дорогая
 Поиманна, въ слезахъ опчаявшншѣ сидшѣ!
 Селима въ жизнь свою увидѣшѣ ужъ не чая,
 Лишь мыслями на него въ опсушшѣи глядшѣ,
 И имя сладкое едва съ плачевнымъ спономъ
 Дерзешѣ въ горести послѣдней помянушѣ.
 Озлобленна судьбы жестокимъ шоль закономъ
 Руками шомными шерзаетъ нѣжну грудь.

Блѣд-

Бдѣднѣтъ цвѣтъ лица, и всѣ препенушѣ члены,
Холодной спрахѣ, шоска, отчаянье и спыдѣ,
Являюща въ ея очахѣ изображенны.

НАДИРЪ.

Что сдѣлалъ бы Селимъ, шаковѣ представивѣ видѣ!

КЛЕОНА.

Что сдѣлалъ бы, когда увидѣлъ, что руками
Кровавыми Мамай любезную влечешѣ,
Которая спремясь на небеса очами,
Пошоки слезные, рыдая горько, льешѣ?
Ахѣ! сжался, государь, не дай бѣдѣ сей сбыться,
Всю мысль свою къ ея спасенію вперѣ.

НАДИРЪ.

Не можно отъ сего Царевнѣ свободиться:
Воюютъ противѣ ней великіе Цари.

КЛЕОНА.

Такъ поидешѣ агница за волкомъ въ слѣдѣ Тамира,
На кровь, на смерть людей, на шрупы ихѣ смопрѣшь,
И радости лишаешь въ супружескѣ и мира,
Мученье внутрь себя шяжчайшее имѣшь?

НАДИРЪ.

Не знаю, что мое внутрь сердце предѣщаетѣ,
И смушному уму всечасно говоритѣ:
Мамай Царя и всѣхѣ злой хипросшью прельщаетѣ,
И около насѣ сѣшь коварствѣ его спойшѣ.

За чѣмъ одинъ прибѣгъ? за чѣмъ сѣбшишъ онъ бракомъ,
И что за нимъ не шлетъ извѣстiя Нарсимъ?
Сiи окрѣспности считаю я признакомъ
Для насъ и для него и для Тамиры злымъ.

КЛЕОНА.

Для шоль поспѣшнаго Мамаева прихода
Слухъ въ городъ прошолъ, что онъ совсѣмъ побитъ!

НАДИРЪ.

Всегда есть Божiй гласъ, гласъ цѣлаго народа;
Успами онаго Всевышнiй говоритъ.
Но пущь Мамай надъ всей вселенной поржесшвуетъ;
Однако цасплавъ бышь не можешъ бракъ шакой,
Когда сама любовь прошивъ него враждуешъ.
Совмѣспноль варварсшву съ шоль нѣжной красой?
Возможноль въ сей шоскѣ Тамирѣ укрѣпнись
И сѣрдца своего движенья ушолншь?

КЛЕОНА.

На спрасшь ея смотря и небо возгорится,
И не умедлишъ зла шолкаго опмшншь.

НАДИРЪ.

Горáми попрясешъ, и воспалишъ пожары,
Или опусшошишъ повѣшрѣемъ лугà,
Или опъ глубины возвысивъ волны яры,
Попопомъ скверные очистишъ берегà.

КЛЕ-

КЛЕОНА.

Народную молву прѣумножаютъ знаки,
Вездѣ ужъ говорятъ, что близъ дверей бѣда!
Мнѣ кажутся во снѣ ужасные призраки,
И врановъ, какъ на шрупѣ, слешаются стада.

НАДИРЪ.

Хоть радостенъ Мумешъ, но войска не имѣетъ;
Что будешь, какъ Селимъ къ спѣхамъ приступитъ вновь?
Погибнемъ, ежели не рассудя посмѣетъ
Озлобить мечъ въ рукѣ держащую любовь.
Мама гордый духъ чѣмъ больше возвышаетъ,
Тѣмъ можешь рокъ его скорѣе поразить.
На пышны горѣ верхи громъ чаще ударяетъ.
Бѣги высотъ, когда безбѣдно хочешь жить.
Цвѣшущъ спокойныя не зная бурь долины,
Гдѣ рѣдко молніи возможно досягать.
Никто на свѣтѣ шакъ не обязалъ судьбины,
Ктобъ завтрешне себѣ могъ щастье обѣщать.
На лживость онаго никто не полагайся:
Что ушромъ возрасло, то вечеромъ падетъ.
Никто въ нещастіи спасенья не отчайся:
Что вечеръ низложилъ, то утро вознесетъ.
Неушолимый рокъ все кѣломъ обращаетъ.
Съ Мамаемъ рушишься внезапно можешь Крымъ.
Когда кто съ высоты великой упадетъ,
И тѣхъ съ собой влечетъ, что съ низу шли за нимъ.

Но

Но симъ смущаются лишь полько подлы дѹши,
 Кошоры на морской волнами шумный пущь
 Смошря, колеблюшя сѣ недвижимыя сѹши,
 И чающѣ на брегу высокомѣ пошонущь.
 Едина видишѣ шо сѣ презорствомѣ добродѣшель;
 Среди громовѣ и бурь недвижимо спойшѣ;
 Сама себѣ хвала, сама себѣ свидѣшель,
 Хошь мѣрѣ обрушишя, безспрашну поразитѣ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СЕЛИМЪ и ПРЕЖНІЕ.

СЕЛИМЪ.

Любовникамѣ долга единая минуша!
 Возможноль, Государь, Селиму нынѣ знашь,
 Ещель Тамира здѣсь?

КЛЕОНА.

О скорбь!

НАДИРЪ.

О горесшь люша!

Ахѣ! что дерзнули вы нещасные начашь!

СЕЛИМЪ.

Мужайся скорбный духѣ, и стой противѣ удара,
 Кошорый на меня свирѣпый рокѣ занесѣ.

НАДИРЪ.

Ахѣ! ешьлибѣ гнѣвнаго ошцова силу жара

Тамира ушолитѣ могла пошокомѣ слезѣ!

Поиманна вѣ пуши для бѣгшва предпрѣшомѣ

Терзаетѣ

СЕ -

СЕЛИМЪ.

Какой вступаешь въ жилы хладъ!

Когда не помогло шы въ дѣлѣ мнѣ начашомъ,

О небо! не косни, живаго свергни въ адъ!

Мамай любовію моею поругаешься,

И пламень мой презрѣшь намѣрился Мумешъ?

Тамира не моя? Мнѣ съ нею не выдаешься?

И больше никакой ужè надежды нѣшь?

Я вижу, что Мумешъ меня еще не знаетъ,

Еще въ осадѣ онѣ моихъ не свѣдалъ силъ.

Мамаю дочь опдавъ, меня опвергнушь чаешь?

Надежду на песокъ онѣ зыбкомъ положилъ!

Забылъ онѣ, что моимъ любленіемъ спасенный

Споймъ сей градъ? И въ немъ шого лишимъ меня,

Чѣмъ я надѣялся въ сей жизни одаренный

Съ нимъ въ дружествѣ прожить свой родъ соединя?

Забылъ любовь мою и дружество съ Нарсимомъ?

Забылъ, что жизнь его была въ моихъ рукахъ?

Я свижусь, покажу, каковъ союзъ съ Селимомъ,

И что вражда его возможеть въ сихъ стѣнахъ!

Я снова на берегу прошивномъ мнѣ поспѣваю

И обращаю на градъ Ефратскіе полки;

Отъ люлости шакой любезную избавлю,

И отъ Мамаевой мучительской руки.

Ударимъ женскій стонъ здѣсь вмѣсто пѣсней брачныхъ,

И вмѣсто праздничныхъ огней пожаръ сихъ стѣнъ.

Мумешъ увидимъ смерть бѣгущу въ вихряхъ мрачныхъ,

И кровію чертогъ Мамаевъ обогрени.

НАДИРЪ.

Я самъ бы уклонясь отеческаго града,
 Въ пустой степи и жизнь и скорьбу свою закрылъ;
 Не видя срамоты и мерзоспнаго взгляда,
 Я щаспливъ бы весьма въ несчастіи помъ былъ.
 Однакожъ, Государь, вспомянувъ Нарсима,
 И зная что сіе отечество его,
 Меча не возноси къ опроверженью Крыма,
 И даннаго держись ты слова своего.

СЕЛИМЪ.

Не я, но самъ Муметь стѣнъ будетъ разоритель:
 Презрѣнїемъ своимъ на шо мнѣ право далъ
 Нарсима въ оныхъ нѣшъ, но люшый въ нихъ мучитель,
 Онъ купно бы со мной прошивъ него возшалъ.
 Сугуба спрась меня на шо вооружаетъ,
 То жалость горестна, шо искрення любовь;
 Одна во мнѣ шремитъ, другая духъ шерзаетъ,
 Одна снѣдаетъ грудь, друга волнуетъ кровь;
 Одна велитъ отъ зла невинную избавить,
 Другая въ вѣкъ себѣ любезну получить,
 Одна всеобщій долгъ естественный исправитъ,
 Другая данную присягу сохранить.
 Или безчувственъ я шаковъ кажусь Мумету,
 Чшобы недвижно могъ стояшь, когда Мамай,
 Похишивъ силою, чшо мнѣ дороже свѣшу,
 Дикуя поведетъ изъ глазъ въ далекій край?

Возможно ли стерпѣшь его совѣшны мерзски!

О сердце, не мягчись; но разруши въ конецъ;

Мумеша низложи. Куда Селимъ продержскій?

Подумай, что Мумешъ любезныя отецъ!

И свяшо мѣшо мнѣ, Тамира гдѣ родилась;

Пусть въ цѣлости спойшѣ, и пусть погибнешѣ потѣ,

Ошѣ коего моя надежда разрушилась.

Мамаю опшиму Тамиру и живошѣ.

НАДИРЪ.

Пріятель, укроши въ себѣ волненья гнѣвны,

И жизни не давай въ опасность шакову.

КЛЕОНА.

Въ сугубой горести не погрузи Царевны,

Ошѣ пагубы храни любезную главу.

НАДИРЪ.

Когда на сей шы градъ возсташѣ не долженъ войскомъ,

То долженъ ли одинъ? Чшо хочешѣ?

СЕЛИМЪ.

Умереть!

Или поржешествовать, и въ мужествѣ Геройскомъ

Награду вѣрности прекрасную имѣшѣ.

И правды и любви непобѣдима сила

Противъ насилія со мной на брань поидешѣ.

Или моя рука, чшо Крымску кровь щадила,

Свою, но прежде шой Мамаеву прольешѣ.

И ешшли мужество побѣдой не прославилшѣ:

Любовь и чешш велишѣ: довольно; я умру?

Пускай жошѣ шѣмѣ меня ошѣ муки рокъ избавилшѣ,

Въ любовномъ жизнь моя погибнешѣ пусть жару.

Я

Я лучше съ похвалою оставить шу желаю,
 Какъ шяжекъ бышь себѣ и небу и землѣ,
 И смерти ждашь, въ посмѣхъ отдавъ себя Мамаю,
 До спароси не знашь оспрады николи.
 Владѣшѣ нашихъ дней Всевышній самъ предѣломъ;
 Но славу каждому въ свою онѣ отдалъ власть.
 Коль близко ходишь рокъ при робкомъ и при смѣломъ,
 То лучше мнѣ избрашь себѣ похвальну часть.
 Какая польза шѣмъ, что въ спароси глубокой
 И въ шѣмъ безславія кончающъ долгой вѣкѣ?
 Доброшми всходишь на верхъ хвалы высокой
 И славно умерешъ родился челоуѣкъ.
 Превыше смершнаго я жребія поставлю
 Учасіе свое и славой вознесусь,
 Когда Тамиру я опѣ люшоси избавлю,
 Вмѣняя ни во что; умру или спасусь!
 Пускай ошедъ Ея свирѣпой постыдится,
 Мою за дочь свою шекущу вида кровь,
 Узнаешъ злосшь свою, но поздно научишься,
 Что можешъ предирѣашь озлобленна любовь!

НАДИРЪ.

Какую принесешъ ты въ спароси ушѣху
 Родишелямъ своимъ, когда услышашъ вѣсть,
 Что вмѣсто въ сей войнѣ желаннаго успѣху
 Дерзнулъ, забывъ обѣ нихъ, себя на рокъ привести?

Они во срѣшенъе давно къ тебѣ взирающѣ,
 И проспирающѣ мысль чрезѣ горы и валы,
 И въ нешерѣбнѣи минушы всѣ счишающѣ;
 Твоей насышишься желая похвалы.
 Возобнови свои премудрыя ушавы,
 Кошорымѣ прежь сего себя шы покорялѣ;
 И вспомни прежнѣи свои на сей часѣ нравы;
 Кошорыхѣ мѣрносшыю шы шарыхѣ удивлялѣ.

СЕЛИМЪ.

Любви велика власть всю крѣбносшы низлагаешѣ,
 И мной господствуешѣ. Ужь я не шомѣ Селимѣ...

КЛЕОНА.

Какую небо казнь сѣ Мамаемѣ насылаешѣ!

ЯВЛЕНІЕ V.

МАМАЙ, ЗАИСАНЪ и ПРЕЖНІЕ.

МАМАЙ.

Совѣшѣ имѣеше сѣ соперникомѣ моимѣ?

СЕЛИМЪ.

Или я сѣ Крымомѣ здѣсь подвлашенѣ спалѣ Мамаю?
 Или онѣ миѣ имѣшѣ совѣшы запрешѣ?

МАМАЙ.

Теперь препяшшѣя любви моея скончаю!

СЕЛИМЪ.

Теперь любовь моя насильшѣю опшмшѣшѣ!

МАМАЙ.

Весь сѣверъ покоривъ , сего не одолбю ?
 Забивъ , дерзосшный прошившя Селимъ ,
 Кшо прадѣдъ мой , и чшо я въ области имбю ?

СЕЛИМЪ.

Кшо родомъ хвалятся , шомъ хваспаешъ чужимъ .
 Но гдѣ швои полки ? И гдѣ жалеешь ? въ морѣ
 Иль въ полѣ окончашъ шолыку боемъ прю ?

МАМАЙ.

Увидишь , дерзосшный бѣглецъ , увидишь вскорѣ ,
 Какому шы дерзнулъ прошиву спашъ Царю .
 Поди и возвѣспи , гдѣ обипающъ мершвы
 Прапрадѣды мой , каковъ ихъ въ сѣшшѣ внукъ .

вынимаетъ саблю.

СЕЛИМЪ

вынимая саблю.

Любовь Тамирина шнакой досшойна жершвы ,
 Кшорой ошъ моихъ она желаешъ рукъ .

Сражаются.

ЗАИСАНЪ

Разнимая.

Великій Государь !

КЛЕОНА.

Ахъ !

НАДИРЪ , *разнимая.*

Ахъ , Селимъ любезный !

Въ какую пагубу несешъ злой рокъ шебя !

ЗАИ-

ЗАИСАНЬ

къ Мамаю.

Смягчи свой Царской гнѣвъ!

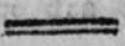
КЛЕОНА

къ Селиму.

Склонись на шоки слезны,

Помилуй, Государь, Тамиру и себя!

Конецъ четвертому дѣйствию.

А К ТЪ П Я Т Ъ

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

Д а

ДѢИ-

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

МУМЕТЪ, НАДИРЪ, ТАМИРА, КЛЕОНА, ВОИНЫ.

МУМЕТЪ.

Въ какой я крайней сшѣдъ побою погрузился!
 До коего досѣигъ при шарости я зла!
 На шоль себя родилъ, на шо ли я крушился,
 Тамира, чшобы шы преслушна мнѣ была?
 За пришлецемъ бѣжашъ изъ опческаго дому,
 И кровности его дерзнула предпочесшь!
 Какая казнь равна шакому дѣлу злому?
 Какая бышь сему довольна можешъ месшь?

ТАМИРА.

Когда родилась я въ бездасшную минушу,
 Чшобъ скорбъ шебѣ принесшь; шо сжался Государь!
 Скончай свой гнѣбъ, скончай мою судьбину люшу,
 Мечемъ своимъ въ мою повинну грудь ударь!
 Мнѣ гробъ прѣяшнѣ Мамаева чершого;
 Упошреби свою родительскую власть!

МУМЕТЪ.

Не я шебѣ, не я сама себѣ шы спрѣга;
 Сама дерзнула шы въ шакую мерзосшь впасшь.
 Ты въ сердцѣ люшую сама змѣю пишаешъ,
 Кошора въ кровь швою пускаешъ смершний ядъ!
 Мамаю дерзосшью безшпыдно озлобляешъ,
 Кошораго одинъ себя достоинъ взглядъ,

Ко-

Кошорой къ высшѣ шѣликія державы
 Тебя и весь мой домъ склонился возвестить,
 И въ общество принявъ своей гремящей славы,
 И сердце въ даръ тебѣ Геройско принести.
 Къ послѣднему склонись ошеческому слову,
 Старайся склонностью прöderзость наградишь:
 Но естли я шебя увижу негошова
 Съ великимъ симъ Царемъ въ супружество вступишь;
 То сдѣлаю примѣръ, и покажу вселенной,
 Чшо я хотя ошецъ, однако же и Царь.
 Блудись руки моей упрямяствомъ раздраженной,
 И будь гошова спашь съ Мамаемъ предъ олшарь.

Къ Надиру.

Любезный брашъ! пощидись прельщенную наставивъ
 На истинну спезю, пока все учрежду.

Къ Клеонѣ.

Тебя, преступница, кшо можешъ нынь избавивъ
 Ошъ казни, чшо тебѣ за злобу наведу?

Къ воиннамъ.

Возмите скверную, и ввергните въ шемницу.

КЛЕОНА.

Помилуй государь!

ТАМИРА.

Невинной не казни!

НАДИРЪ.

Ты щедрю обрати, о небо, къ намъ зѣницу!

ТАМИРА.

Ошеческу любовь во гнѣвѣ вспомяни.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТАМИРА и НАДИРЪ.

НАДИРЪ.

Дражайшая моя Тамира, будь спокойна,
 И строгой перестань прошивиться судьбѣ,
 Забудь, что лучшаго ты идася достойна,
 Будь шѣмъ довольна, что она даетъ тебѣ.
 Когда родишель твой любовенъ и разсуденъ:
 Тогда взаимно ты съ почтеніемъ люби;
 Когда же онъ свирѣлъ и къ умягченю пруденъ:
 То помня крови долгъ, сноси и не скорби!
 Повѣрь мнѣ, что Мамай хопя шеперь возвышенъ,
 И гордости своей не знаешъ гдѣ предѣлъ;
 Но скоро упадеши, и звукъ лишь будешъ слышенъ,
 Съ какой онъ вышины поверженъ еъ низъ лешѣлъ.
 Чудовищу сему хопъ небо попускаешъ
 Еще до времени родъ смертныхъ разорять;
 Но нынѣ чрезъ твою невинность восплаешъ,
 И ускориши твою и всѣхъ бѣду скончашъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТАМИРА, НАДИРЪ и ВѢСТНИКЪ.

ВѢСТНИКЪ.

Печальны, Государь, въ сей часъ услышишь вѣсти!

ТАМИРА.

Не дай, о Боже, мнѣ опчаясь въ конецъ!

НА-

НАДИРЪ.

И не нашли на насъ превыше силы мести,
Но будь оставленнымъ и въ ярости овецъ!

ВѢСТНИКЪ.

Во гнѣвѣ изъ палащъ Мамай неушолимомъ
Лишь шолько вышелъ вонъ, и обращалъ свой зракъ:
Съ озлобленнымъ шотчасъ увидѣлся Селимомъ,
И шумъ къ сраженію другъ другу дали знакъ.
Взлещѣли на коней, и оныхъ поощряя,
Скакали на поля однѣ изъ нашихъ стѣнъ.
Я ѣхалъ имъ во слѣдъ, гдѣ роща есть густая,
Среди кошорой лугъ широкой заключенъ;
Тумъ первой ихъ ударъ

ТАМИРА.

О какъ мой духъ стѣснился!

ВѢСТНИКЪ.

Сверкнули острые и дали звукъ мечи;
Какъ туча мрачная Мамай ярьсь смутился,
Отъглазъбылъ блескъ, какъ валъ морской горитъ въ ночи,
Надежда на лицѣ Селимовомъ блиспала,
И въ мужествѣ была пріятна красоша:
Вездѣ рука его Мамай ушѣсняла;
Мамай искалъ себѣ спасенья отъ щипа.
Едва отъ скорыхъ онъ ударовъ укрывался,
И дѣйствовашъ мечемъ не успѣвалъ своимъ,
Ужѣ и отступалъ и къ бѣгу порывался;

Но руку сильную занесъ въ размахъ Селимъ ;
 Ударилъ по щипу , звукъ грянулъ межъ горами ;
 Распался разомъ щипъ , и конска голова .
 Мамай поверженъ былъ внезапно подъ ногами ,
 И ближни потряслись паденіемъ дравъ .
 Селимъ шумъ могъ попрашь копытами Мамаю :
 Однако сшедъ съ коня , къ возставшему спѣшилъ .

НАДИРЪ.

Ахъ дерзость !

ТАМИРА.

Ахъ бѣда !

ВѢСТНИКЪ.

На храбрость уповая ,
 Къ гибели своей великодушнѣ былъ .
 Какъ чаялъ , что врага имѣлъ ужь онъ во власти ;
 Набѣгли невзначай Мамаевы Мурзы .
 Онъ имъ вскричалъ : теперь спасите отъ напастей !
 Ударились къ нему

ТАМИРА.

О горькіе часы !

О щедры небеса , и мой животъ скончайте !

ВѢСТНИКЪ.

Миѣ свѣтъ изъ глазъ отнявъ , погнала прочь боязнь !
 Я слышалъ только шамъ : рубите и шерзайте .
 Одинъ изъ Мурзъ вскричалъ : прими достойну казнь .

НАДИРЪ.

Любезный мой Селимъ , ужь ты лежишь бездушнѣ ,
 И храбрость множествомъ швоя побѣждена !
 На толь ты столько былъ родителю послушенъ ,
 Чшобъ коши приняла швоя чужа страна ?

ТА-

ТАМИРА.

Въ отчаяннѣ своемъ ужѣ я леденѣю,
 Терзаньемъ ушомясь любовнаго огня!
 Ошмсти ты, Государь, ошмсти сему злодѣю,
 За друга своего ошмсти и за меня.

НАДИРЪ.

Пойду, не пощажу своей я хладной крови.
 Ошмщу, или умру! Довольно и того,
 Что вашей принести сподоблюся любви
 На жершву живоша ошпашки моего.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТАМИРА одна.

Какую можешъ дать Надиръ ужъ мнѣ ошраду?
 Селима больше нѣшъ! Мамай вокругъ ополченъ!
 Иль сквернаго себѣ его ждашь буду взгляду?
 И дамъ себя жиѣ чудовищу во плѣнъ?
 Одно спасенье мнѣ не ожидашь спасенья.
 Въ покровъ природа смерть нещасливымъ дала.
 Имѣя вольный пушъ, не избѣгу мученья?
 Еще хочу я жишъ и не спрашуся зла?
 Ужь сердце за стѣной Селимово терзающъ,
 Ахъ люшой мой ошецъ! убійцы по пушямъ.
 О какъ и рѣки имъ живои не помогающъ!
 Поди и насладись невинной кровью самъ.

Насышь слезами грудь дочерними, родишьель!
 И пагубой моей и рокомъ веселись!
 Но знай, что будешь слышь на свѣшѣ ты мучишьель:
 Единымъ именемъ съ Мамаемъ возгордись.
 А ты, мой брѣшъ, когда спалъ нынѣ другъ Мамаю,
 То въ жизни на себя гнушаюсь я взглянушь;
 Когдажъ ты ошъ него погибъ, какъ вѣрно чаю,
 То въ шопѣ же за шобой спѣшишь мнѣ должно пушь,
 И такъ нещасная Тамира умирая,
 Родишьельскихъ ужѣ не будешь видѣшь слезъ.
 Одна сомкнешь глазъ, со свѣта убѣгая,
 Оспавлена ошъ всѣхъ, презрѣнна ошъ небесъ!
 И огорченный духъ сойдешь въ мѣснѣ подземны,
 Себя ошъ тяжкихъ сихъ окововъ разрѣша,
 И устремися въ слѣдъ Селиму въ хляби шемны!
 Повѣй ко мнѣ, повѣй, любезная душа:
 Соединись съ моимъ послѣднимъ здѣсь дыханьемъ,
 И будь, когда намъ рокъ жишь вкупѣ запрешилъ,
 Хотя по смерти мнѣ соединенъ бѣжаньемъ
 Со свѣта, что съ шобой однимъ мнѣ могъ бышь милъ.
 Раскаешься ужѣ, родишьель мой; но позно!
 Ахъ позно будешь ты надъ мершею рыдашь,
 Что привужденіе швое могло мнѣ грозно
 Надежду и живошъ во младосши ошнѣшь!
 А ты почувшвуешь, Мамай безчеловѣчный,
 Кошорой ошнѣлъ нынѣ двѣ жизни у меня,
 Почувшвуешь ты казнь и шрахи безконечны,
 Какъ наша предъ тебя присушишь шѣнь шеня.

Селимовъ будешь духъ и мой шебъ мечшась,
 И лица блѣдныя и кровь вездѣ казашь.
 Изъ степи будешь въ степь отъ страху укрывашься;
 Но мѣспа не найдешь, гдѣбѣ муки избѣжашь:
 Пока не видя ты своимъ мученьямъ краю,
 Погибнешь въ горести, проклявъ послѣдній часъ.
 Сего, о небеса, пиранну я желаю!
 И въ жершву приношу послѣдній съ кровью гласъ;
 Уже миѣ вѣчность входѣ къ блаженству опверзаешъ,
 И смерть зовешъ меня къ спокойству отъ трудовъ!
 Героевъ свѣшлый ликъ Нарсима шамъ вспрѣчаешъ.
 А ты, мой духъ, къ нему еще ли не тошовъ?
 Ты къ дѣлу славному на что ослабѣваешъ?
 Что должно пошеряшъ, то должно презирашъ.
 За чѣмъ, рука моя, конца не ускоряешъ?
 Миѣ легче смерть сама, какъ смерти ожидать.
 Я смершью лишь могла, Селимъ, себя лишиться,
 Когдабъ нашъ вѣкъ продлишъ изволилось судьбѣ.
 Но нынѣ не хочу и въ смерти разлучиться:
 Ты умеръ для меня, я слѣдую шебѣ.

Хочетъ заколотся.

ЯВЛЕНІЕ V.

СЕЛИМЪ, НАРСИМЪ и ТАМИРА.

СЕЛИМЪ,

схвативъ за руку и вырвавъ кинжалъ.

Я живѣ, дражайшая, я живѣ и торжествую!

НАР-

НАРСИМЪ.
Любезная сестра, швой здравствуетъ Нарсимъ!

ТАМИРА
ослабѣвая.

Ужè межѢ мершвыми я вижу тѣнь драгую!

СЕЛИМЪ.
ВѢ какомѢ опчаянн!

ТАМИРА.
И духѢ НарсимовѢ сѢ нимѢ!

СЕЛИМЪ
хѢ ослабѣвающей ТамирѢ.

Тебя, дражайшая, СелимѢ швой поздравляетѢ,
Чшо врагѢ нашѢ погубленѢ. Ужь больше не спрашисѢ.
НасѢ вѢрность и любовь и щасье возвышаетѢ;
Великой радостью ты сѢ нами ободрисѢ.

ТАМИРА.
Возможноль бышь шому? СелимѢ! НарсимѢ! я сѢ вами!

Я сѢ вами вѢ жизнь еще увидѢшья могла?

Я вижу ясно, чшо рука швая надѢ нами,

О Боже мой, вѢ бѣдѢ и вѢ горесни была!

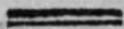
Но миѢ Мамаева еще ужасна сила!

НАРСИМЪ.

УмывшисѢ вѢ варварской рука моя кровй,

Вселенныя концы опѢ страху свободила,

МиѢ мценье воздала, и вашей долгѢ любви.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

МУМЕТЪ, НАДИРЪ, ЗАИСАНЪ, СЕЛИМЪ,
НАРСИМЪ и ТАМИРА.

МУМЕТЪ.

Нарсимъ, шы здѣсь! себя я вижу, сынъ любезный?
Колику радость шы нечаянно принесъ!
Одинъ шы иссушишь мой потоки слезны,
Что пролилъ мнѣ ударъ разгнѣванныхъ небесъ!
Мамаю не хопя Тамира бышь супругой,
Всего лишаешь насъ, что намъ онъ обѣщаль,
И что шы пріобрѣлъ своей къ нему услугой.

НАРСИМЪ.

Я всю ужь, Государь, печаль твою скончалъ,
И побѣжденъ къ тебѣ съ побѣдой возвращаюсь;
Димитрій одолѣлъ; и врагъ нашъ пораженъ.

МУМЕТЪ.

Внимая странну вѣсть, въ сомнѣннѣ ужасаюсь!

НАРСИМЪ.

Коль чудно я для васъ отъ пагубы спасенъ!
Спасенъ, сей градъ, себя, Тамиру и Селима
Избавишь отъ бѣды, Мамаю погубивъ.
Поверженъ сопоспашъ и разорилель Крыма,
Что полкъ мой низложилъ; чупь я оспаася живъ.

МУМЕТЪ.

О небо!

ЗАИСАНЪ.

Ахъ ударъ!

Т А .

ТАМИРА.

О промыслѣ Милосердый!

НАДИРЪ хъ Зайсану.

Не мнѣ ли еѣ честь конецѣ имѣеѣ наша прѣ?

СЕЛИМЪ.

Сама судьба еѣеѣ иѣиѣ любви нашей швердый.

МУМЕТЪ.

О льспивыя словѣ коварнаго Царя!

Скажи, любезный сынѣ, скажи мнѣ все подробно,

И сдѣлай всѣмѣ моимѣ смущеніямѣ конецѣ.

НАРСИМЪ.

Не слыхано еѣеѣ на свѣшѣ зло подобно,

Какое предпріалѣ Мамай, шيرانѣ и льспеѣ.

Ужѣ чрезѣ пять часовѣ горѣла брань сурова,

Сквозѣ пыль, сквозѣ парѣ едва давало солнце лучѣ.

Вѣ густой кровѣ кипѣ, шряслась земля багрова,

И стрѣлы падали дождевыхѣ гуѣе шучѣ.

Ужѣ поле мершвыми наполнилось широко;

Непрядва шрулами спершись едва шекла.

Различный видѣ смершей шамѣ предшавяло око,

Различнымѣ образомѣ поверженны шѣла.

Иной сѣ размаху мечѣ занесѣ на сопосшаша;

Но прежде прободенѣ, удара не скончалѣ.

Иной забывѣ врага, прельщался блескомѣ злѣша;

Но мершвыи на корышѣ желанную упалѣ.

Иной ошѣ сильнаго удара убѣгая,

Сшремглавѣ на низѣ слешѣлѣ и штонешѣ подѣ конемѣ.

Иной пронзенѣ угаѣ, прошивника пронзѣя,

Иной врага повергѣ, и умерѣ самѣ на немѣ.

Россійскіе полки оповсюду утѣсненны,
 Казалось, что въ пѣнѣ дадутся или падушѣ.
 Мамай разшерзанны прошивныхъ видя члены
 Великой гордостью, промолвилъ мнѣ, надушѣ:
 Нарсимъ, Димитрія во узахъ предо мною,
 Когда онъ живъ еще, немедлѣнно посшавъ;
 Но ежели онъ мершвѣ, съ прошивничей главою
 Поспѣшно возвращаясь, мнѣ радости прибавъ.
 Я будучи его шобою ошданъ волѣ,
 Не медля поскакалъ къ Россійскому полку,
 Димитрія искашь въ его шану и въ полѣ;
 По шрупамъ перешолъ кровавую рѣку.
 Со всѣхъ сторонъ меня внезапно окружили
 Избранны войны Мамаевыхъ полковъ,
 И шѣхъ, что кругъ меня вооруженны были,
 Дерзнули сѣчь. Я шумъ узналъ прокляшой ковѣ.
 Узналъ, что не вошце его я опасался,
 И къ защищенію себя вооружилъ.
 Одинъ изъ нихъ ко мнѣ ужь прямо устремлялся,
 И стрѣлу на меня въ свирѣпости пушилъ.
 Она пробивъ мой щитъ, увязла по срединѣ.

МУМЕТЪ.

Къ какой ужасной я послалъ себя бѣдѣ!

НАДИРЪ.

Трепещешь грудь моя!

СЕЛИМЪ.

Коль блиско былъ къ кончинѣ!

НАР-

НАРСИМЪ.

Внезапно шумъ возсѣлъ по воинству вездѣ.
 Какъ шуча бурная ударивъ ошъ пучины,
 Ужасной въ воздухѣ раждаетъ бѣгомъ свистъ;
 Ревешъ и тонишъ мглу чрезъ горы и долины,
 Возносишъ ошъ земли до облакъ легкой листвъ:
 Такъ сила Росская поднявшись изъ засады,
 Сь внезапнымъ мужествомъ пустилась прошивъ насъ;
 Дождавшись шаковой въ бѣдѣ своей опрады,
 Оспавше воинство возвысило свой гласъ.
 Во срѣшенъе своимъ Россіане вскричали,
 Великой воспылаа въ сердцахъ унывшихъ жаръ.
 Мамаевы полки увидѣвъ вспрешали,
 И ужасъ къ бѣгствію принудилъ всѣхъ Ташаръ.
 Убивцы ошъ меня для спраху удалились.
 Я къ верху смущены возвелъ свои глаза.
 Тогда надъ Росскими полками отворились,
 И ясный свѣшъ на нихъ спустили небеса.
 Ударилъ громъ на насъ по оныхъ поборахъ,
 И подаа знакъ, что Богъ на помощь имъ идѣтъ!
 Глазами я искаа и не нашолъ Мамаа;
 Сь бѣгущими и самъ побѣгъ ему во слѣдъ.
 Внимая спрашный спонъ, сь холма я оглянулся;
 Какую пагубу увидѣа нашихъ силъ!
 Увидѣа купно всѣхъ попраанныхъ, ужаснулся!
 Мамаю ошомшишь за все я зло спѣшилъ.

МУМЕТЪ.

О щастье льстивое, какъ дѣши ослѣпляешь!
 Тамира, я шебѣ напрасно озлобляа!

ТАМИРА.

Ты словомъ симъ живошъ съ надеждой возвращаешь!

СЕЛИМЪ.

Ужè я вознесенъ, какъ мой соперникъ палъ!
И очи, Государь, мои шѣмъ насладились,
Что опнялъ жизнь ему при мнѣ любезный другъ.
Когда мы напoлѣ одинъ съ другимъ сразились,
Вооруженные наѣхали къ намъ въ лугъ.
Я чаалъ, что Мамай съ другими согласился,
Чтобъ множествомъ меня коварно одолѣшь:
Однако я стояшь прошивъ вооружился,
И предпріялъ, лишась любезной, умереть.
Топчасъ шувъ усмотрѣлъ любезнаго Нарсима,
Которой яростью къ Мамаю усремленъ
Делѣлъ къ опмищенію колеблемаго Крыма.
Онъ шяжко возсеналъ, мечемъ сквозь грудь пронзенъ.
Какъ шигрѣ ужъ на копѣ хошя ослабѣваешъ,
Однако посмотрѣвъ на раненой хребешъ,
Глазами на ловца кровавыми сверкаешъ,
И ратовище злясь въ себѣ зубами рвешъ:
Такъ мечъ въ груди своей схватилъ Мамай рукою;
Но палъ, и шрясучись о землю пыломъ билъ.
Изъ раны черна кровь ударилась рѣкою;
Онъ очи злобныя на небо обрашилъ.
Разинулъ челюсти! но гласа не имѣя,
Со скрежешомъ зубнымъ извергнулъ духъ во адъ.
Нарсимовы слуги бездушнаго злодѣя
Остались испребитъ огнемъ послѣдній ядъ.

82 ТАМИРА И СЕЛИМЪ ТРАГЕДІЯ.

НАДИРЪ.

Толь пляжко съ высопы Богъ гордыхъ повергаешъ!

СЕЛИМЪ.

Впорично, Государь, я нынѣ предложу

О шомѣ, къ чему моя шоль сильно грудь пылаешъ,

И жизни для чего своей я не щажу.

МУМЕТЪ.

Я съ небомъ и съ судьбой и съ вами соглашаюсь,

Исполню, что велишъ любовь и красота.

Я щаспѣемъ своимъ и вашимъ ушѣшаюсь!

Живи въ веселіи, любезная чеша.

Коль всѣмъ намъ былъ сей день печаленъ и ужасенъ,

Что могъ насъ въ пагубѣ конечной ушопить;

Толь будешъ всегда онъ веселъ и прекрасенъ,

Что въ оный промыслъ васъ судилъ соединишь.

Взаимная любовь межъ васъ непринужденна

Всегдашней вѣрностью пусть дашъ инымъ примѣръ.

Мамаева при шомъ кичливость поражена

Другихъ пусть усшрашитъ гордиться выше мѣръ.

Къ гошовому шеперь вы олшарю за мною

Послѣдуйте предъ нимъ въ супружештво всшупишь.

Клеовиною я хошь оскорбленъ виною,

Но радосшь нынѣшня велишъ ей все просишь.

Конецъ лятому дѣйствію.

ДЕМОФОНТЪ

ТРАГЕДІЯ.

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

1752 года.

КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ.

Послѣ раззоренія Трои, Демофонтъ сынъ Тезея Царя Аѳинскаго, возвращаясь отъ Трои въ отечество, проливною бурей занесенъ былъ къ берегамъ Эракійскимъ, и съ разбитаго флота принятъ Царевною Филлидою, дочерью Ликурга Царя, послѣ котораго смерти воспиталъ ее Полимнеспоръ Князь и правитель Эракійскій. Въ то время былъ онъ на войнѣ противъ Скиѳовъ, оставивъ подъ охраненіемъ Мемноновымъ съ Филлидою невѣсту свою Иліону, дочь Пріама Царя Троянскаго, приведенную прежде конечнаго разрушенія Трои съ братомъ ея Царевичемъ Полидоромъ, чтобы сохранишь ихъ отъ Грековъ, съ присланнымъ великимъ богатствомъ. Въ отсутствіе его Филлида съ Демофонтомъ возвѣвѣ великую взаимную любовь, положили, чтобы, уговорясь съ Мемнономъ, сочетаться между собою бракомъ, и принять правленіе государства; а Полимнеспора отрѣшишь отъ онаго. Между тѣмъ Демофонтъ прежде жалостію, а послѣ и любовію къ Иліонѣ склоняясь, сомнѣнною спрастію толь долго колебался, пока Полимнеспоръ нечаянно въ городъ пришелъ съ побѣдою; и отсель начинается сія Трагедія.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ДЕМОФОНТЬ, сынъ Тезея Царя Аѳинскаго.

ПОЛИМНЕСТОРЬ, Князь и намѣстникъ царскій во Фрахїи.

ФИЛЛИДА, Царевна Фрахійская, дочь умершаго Ликурга Царя.

ИЛІОНА, Царевна Троянская, дочь Пріамова, невѣста Полимнесторова.

МЕМНОНЬ, Правитель города Сеста.

ДРАМЕТЬ, Полководецъ Демифонтовъ.

КРЕУЗА, мамка Филлидина.

ВѢСТНИКЪ.

Дѣйствіе происходитъ въ Сестѣ приморскомъ городѣ Фрахійскомъ, въ царскихъ палатахъ.

ДЕМОФОНТЪ ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

ФИЛЛИДА, ДЕМОФОНТЪ и КРЕУЗА.
ФИЛЛИДА.

Онѣ въ сихъ ужѣ сѣбѣнахъ; о любая напасть!
Ты знаешь, Демонфонтѣ, его велику власть.
Желаніе мое какѣ можетѣ совершиться,
Гдѣ Полимнестора мой слабой духѣ спрашишь?
На что ты ошлагалѣ на что шоль долго бражѣ?

ДЕМОФОНТЪ.

Миѣ строгая судьба повелѣвала шакѣ!
Но что великой страхѣ?

ФИЛЛИДА.

Еще ли вопрошаешь?

Давно ужѣ, давно ты все подробно знаешь,
Что миѣ сѣ шѣхѣ порѣ спрашна понынь его гроза,
Когда родителю сомкнула смерть глаза.
Онѣ жизни своя послѣдній часѣ кончая,
Проси, сказалѣ въ слезахѣ, Филлида дорогая,

Живи и возрастай щасливо подѣ рукой,
 Что въ возрастѣ себя на проиѣ возвысишь мой.
 Ты Князю будь какѣ миѣ до времени послушна;
 Я вѣдаю, что мысль его великодушна.
 Промолвилъ, и съ шѣмъ духъ послѣдній испустилъ,
 И Полимнеспорѣ власть надѣ царствомъ получилъ.
 Черезъ двенадцать лѣтъ коль сильно укрѣнился,
 То видѣлъ шы шеперь; но какѣ шы не смутился?
 И неподвижно какѣ возмогѣ смотрѣшь на страхъ,
 Которой былъ на всѣхъ и на моихъ очахъ
 Смущенныхъ отъ его внезапнаго приходу?

ДЕМОФОНТЪ.

Сѣ ли успрашишь Геройскую породу?
 Или забыла шы, что я Тезеевъ сынъ?
 Чего желаю я, то получу одинъ.
 И чаешь шы, чтобѣ шомъ симъ видомъ взволновался,
 Кто Гекшора видалъ и въ полѣ съ нимъ сражался?

ФИЛЛИДА.

О мужество швоемъ не сомнѣваюсь я;
 Иной напасти ждешъ печальна грудь моя.
 По всѣмъ признакамъ я безсчастлива примѣчаю,
 Что къ пагубѣ своей любовью пылаю.
 Ты зналъ, что Князя весь Монархомъ чшишь народъ,
 И что владѣшь ему остался цѣлой годъ;
 Въ ошсущество его уговорая съ Мемнономъ,
 Мы брачнымъ укрѣпишь любовь могли закономъ,
 И подданные всѣ увидѣвъ нашъ союзъ,
 Ошсшалибѣ ошъ него, ошвергнувъ шягость узъ.

На храбрость бы твою надежду положили,
 Прошивъ его свой духъ и руки обрашили.
 Но нынѣ съ воинствомъ въ сей городъ онъ вступилъ,
 Побѣдами свое правленье укрѣпилъ.
 Онъ больше прежняго ужъ власть свою умножилъ,
 По умысламъ своимъ и бракъ мой расположилъ.
 Но ты спокойно могъ сея напасти ждаль!
 Какъ можешь предо мной себя ты оправдаль?

ДЕМОФОНТЪ.

Смущенія твои, драгая, всѣ напрасны,
 И тѣни кажутся однѣ тебѣ ужасны.
 Хошь Полимнесшоръ здѣсь; но онъ какъ твой ошедъ,
 Твоимъ сомнѣніямъ желанный дастъ конецъ.
 Когда въ младенчествѣ онъ былъ твой кровитель;
 То будешь ли въ своемъ ужъ возрастѣ гонитель?
 И медлѣнность моя вредишь не можешь намъ;
 Пока я долгъ ошду въ ошечествѣ ошдамъ;
 То княжеско къ концу владѣніе достигнешъ,
 И твой народъ себя и онъ на шронъ воздвигнешъ.
 Въ Аѣинахъ укрѣпя престолъ свой, возвращусь,
 И будучи Царемъ, съ Царицей сопрягусь.

ФИЛЛИДА.

Такъ можешь цѣлой годъ пребышь и безъ Филлиды!
 Такіе ли казалъ съ начала ты мнѣ виды?
 Когда свирѣпый вихрь разбилъ твои суда,
 Когда еде шекла съ одеждъ твоихъ вода,
 Когда изъ челюстей несышья пучины
 На мой ты принялъ брегъ, спасенъ ошъ злой кончины;

Ты шакъ ли говорилъ ? Ты шакъ ли припадалъ ?
 И шакъ ли взоръ взводилъ , и шакъ ли воздыхалъ ?
 Слезами и бѣдой швоей я умилилась ;
 На швой плачевный видъ , на жалку часъ склонилась .
 Почши безъ чувствъ шебя я въ домъ свой привела ,
 Спокойство отъ трудовъ и жизнь шебѣ дала .
 И для меня Мемнонъ явилъ шебѣ прѣишшво ,
 Изъ нѣдръ морскихъ излекъ Троянское богатшво ,
 Которое шогдажъ шебѣ возвращено ,
 И съ нимъ сокровище мое сообщено .
 Какъ можешъ , что доспалъ убѣйшвомъ шы и кровью ,
 Сравнишь съ шѣмъ , что шебѣ моей дано любовью ?
 Когда она двоихъ сердца ужъ сопрягла ;
 Я обшмъ все добромъ имѣнѣ звала .
 Съ сугубой хочешъ въ домъ корышью возвратишься ,
 Троянскимъ и моимъ богатшвомъ возгордишься ?

ДЕМОФОНТЪ.

О какъ мнѣ рѣчь сія въ печальну грудь разитъ ! . . .
 Подумай , что шеперь ошцъ мой говоритъ :
 „ Меня прошивникъ здѣсь отъ царства ошлучаешъ ,
 „ А сынъ о мнѣ забыетъ , любовью нынѣ шаетъ ,
 „ И въ роскоши презрѣетъ ешешвенный законъ ,
 „ Въ ничто вмѣняетъ скорбь ошеческу и спонъ . „
 Предшавъ , дражайшая , шы гордаго Мнестея ,
 Что хочешъ хищной сняшь рукой вънецъ съ Тезея ,
 И въ старости ему онъ казню грозитъ :
 Предшавъ шебѣ , предшавъ Тезею скорбный видъ .

Возлюбленный овецъ, о какъ ты въздыхаешь!
 Ты взоры слезные чрезъ воды просшираешь,
 И наблюдаешь всѣхъ судовъ бѣгущихъ пушь,
 И на берегъ едва дерзаешь ты взглянуть,
 Гдѣ злой ширанъ тебя насильно ушѣсняешь
 Тогда, какъ Гредію опрада оживляешь.
 Съ побѣдою пришли обрашно шамъ Цари,
 Восходишь къ небу плескъ, дымяшся олшари.
 Троянскимъ злашомъ всѣ блиспающъ шамъ чершогги,
 Пріемлющъ злашо въ даръ опеческіе боги.
 Опцы и машери встрѣчающъ шамъ сыновъ,
 И радость извяснишь не достаешь имъ словъ.
 Всѣ слушающъ опъ нихъ Пріамову судьбину,
 И Гекшорову смершь, и славы ихъ кончину.
 А ты, родишель мой, ушѣхи шой лишенъ!

ФИЛЛИДА.

Но мною ли онъ въ сей печали погруженъ?

ДЕМОФОНТЪ.

Такой мнѣ опъ боговъ ужè предѣлъ поставленъ,
 Что я хоть на сей брегъ опъ ярыхъ волнъ избавленъ,
 Однако чшобъ на немъ въ смущеньи ушопашъ!

ФИЛЛИДА.

Но я ли строгосшью могла тебя смущашъ?

И кто препяшспивовалъ намѣренью скончашся,
 И прежде Князя намъ на царство увѣнчашся?

И силу бы швою услышавъ шамъ Мнестей
 Державы досягашъ дерзнулъ ли бы швоей?

Подумалъ ли бы онъ, что Ораческая сила
И съ ней рука швоя ему бы не опмстила?

ДЕМОФОНТЪ.

Такъ хочешь, чшобы я не видѣлъ нынѣ Лейнъ,
И шамъ не зацшилъ отеческихъ сѣдинъ?

ФИЛЛИДА.

Ты вѣдая мою любовь, какъ можешь мыслишь,
Чшобъ спала я своимъ веселѣмъ по числишь,
Когда бы ты ошца и скиншрѣ свой позабылъ?
Мнѣ шоль же какъ шебѣ, повѣрь, ошецъ швой милъ,
Я власть здѣсь укрѣпя, съшобой бы въ Поншъ пушилась,
Ни оспрыхъ камней ябъ ни буръ не ушрашилась.
Какуюбъ радость швой почувшвовалъ ошецъ,
Увидѣвъ на шебѣ и свой и мой вѣнецъ!

ДЕМОФОНТЪ.

Не знаешь зависи межъ Греками, не знаешь!
И шакъ ли два вѣнца совокупишь ты чаешь?
Лишь шолько дбйдешь вѣсшь къ сосѣдамъ черезъ Поншъ,
Чшю принялъ ошъ шебя власть царску Демифонтъ;
То смлою въ боязнь приведены моею,
Всѣ обще послѣшатъ вѣнецъ ошдашь Мнестею.
Мнѣ прежде должно власть наслѣдну укрѣпишь,
И послѣ съ оною швою совокупишь.

ФИЛЛИДА.

Не мысли, Государь, чшобы младья лѣша,
И слѣпоша любви меня лишила сѣшна,
Чшобъ мыслей я швоихъ примѣшишь не могла,
Кшоры спрасъ къ себѣ другая ошелекла!

И

И рѣчь швою шебя и взгляды обличающѣ,
 И сѣрдца швоего всю шайну онкрывающѣ.
 Я вижу изѣ швоихѣ пошупленныхѣ очей,
 Чшо больше нѣшѣ ужѣ ко мнѣ любви швоей.

ДЕМОФОНТЪ.

Драгая, переспань шерзашь мой духѣ смущенный!

ФИЛЛИДА.

Бѣжишь отѣ глазѣ моихѣ? Ужѣ мысли развращенные
 Не могушѣ ушерпѣшь моихѣ правдивыхѣ словѣ.
 Ужѣ шы кѣ своему оншесствію гошовѣ,
 И долѣе меня не хочешь удосшоешь

ДЕМОФОНТЪ.

Позволь, любезная, мнѣ сѣрдце успокоишь!

ЯВЛЕНІЕ II.

ФИЛЛИДА и КРЕУЗА.

ФИЛЛИДА.

Не ясноль кажешѣ мнѣ его сомнѣнна рѣчь,
 Чшо я слезамѣ своимѣ даю безѣ пользы шечь!
 Ты видишь по всему, любезная Креуза,
 Чшо онѣ нарочно бѣгѣ отѣ брачнаго союза.

КРЕУЗА.

Я сѣрдцемѣ шрепещу, смущенія боясь!
 Чшо будешѣ, какѣ швою любовь узнаешѣ Князь?
 О Демоншнѣ чшо, Царевна, онѣ помыслишѣ,
 Кошораго врагомѣ со Греками онѣ числишѣ?

ФИЛ-

ФИЛЛИДА.

Могла ли я такой печали ожидать ?
 И что уже теперь бездасшной мнѣ начать ?
 Ты рокъ гошовишь мнѣ, возлюбленный мой, въ шайнѣ ?
 Креуза, ахъ поди, спѣши, спарайся крайне,
 Вспуни съ нимъ обо мнѣ въ пространной разговорѣ,
 И примѣчай слова, движенія и взоръ :
 Тебѣ покажушъ всѣ вопросы и ошвѣшы,
 Ты знаешь мыслей въ немъ наружныя примѣшы.

КРЕУЗА.

Дай, небо, чтобъ въ швоихъ намѣреніяхъ всѣхъ
 Былъ равенъ моему спаранію успѣхъ !

ЯВЛЕНІЕ Ш.

ФИЛЛИДА *одна.*

Чтобъ онъ любилъ меня, еще могу я вѣрить ?
 И спрасши въ немъ другой я не могу измѣрить ?
 Не щещноль жду того, что онъ мнѣ обѣщалъ,
 И что мнѣ кляпвою спокрашно подшверждалъ ?
 Однако пакъ моей любовью одолженный
 Гнушашься мерскія не будетъ ли измѣны ?
 Горячая его къ родиселю любовь
 Не возмушишъ ли въ немъ такой напасью кровь ?
 Но я ослабленъ причины вымышляю !
 И видя явну лещь, его же извиняю !
 Ахъ ! какъ мнѣ нынѣ бышь ? И Полимнеспоръ самъ
 Является моимъ, ахъ, полнымъ слезъ очамъ !

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ IV.

ФИЛЛИДА и ПОЛИМНЕСТОРЪ.
ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Ужè мнѣ наконецъ пріятною судьбою,
Царевна, суждено увидѣшься съ шобою.
Отъ взору швоего при лѣша оплученъ,
Всегда прошивъ швоихъ враговъ былъ ополченъ.
Раздоры внушрени и виѣшни успокоилъ,
Противныхъ побѣдилъ и съ ними миръ устроилъ.
Не однократно я всю кровь хошѣлъ пролишь,
Чшобъ царшво для тебя недвижно ушвердишь;
Но щедры небеса судьбину опшрашили
И жизнь мою съ швоимъ наслѣдшвомъ сохранили.

ФИЛЛИДА.

Чшо защищая шы во мнѣ Ликурговъ родъ,
На брани положишь гошовъ былъ свой живошъ:
За шо благодаряшъ себя народы многи,
И чпяшъ завистнѣи, и любяшъ сами боги.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Симъ щастѣемъ хошя я много веселюсь;
Но больше радуюсь я нынѣ и дивлюсь,
Увидѣѣъ, что въ мое опсушшвѣе Филлида
И возрастомъ своимъ и красошю вида
До шѣхъ достигла мѣрѣ, когда ужè любовь
Ликургову шобой восшавишь можешъ кровь.
Едино совершишь мнѣ дѣло ужь ошалошь,
Чшобъ сердце чрезъ меня достойное сыскалось,
Достойное шевѣ бышь въ вѣкъ цоручено.

ФИЛ.

ФИЛЛИДА.

Усердїе швое извѣстно мнѣ давно :

Хошя рука швоя симѣ царшвомѣ , Князь , владѣла ,
Но я лишась ошца , вѣ шебѣ его имѣла .

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Превыше нынѣ мѣрѣ шобою я почшенѣ ,

Чшо именемѣ я шоль великимѣ нареченѣ .

Довольно , ештьлибѣ я шого былѣ удостоенѣ ,

Чшобы черезѣ меня народѣ былѣ успокоенѣ ,

Кшорой вѣ радости уже всечасно ждепѣ ,

Кого швой нѣжной взорѣ и сердце изберепѣ ,

Чшобѣ царшвовашѣ сѣ шобой на ошческомѣ престолѣ ,

О щасшливѣ , щаспливѣ шопѣ , и всѣхѣ онѣ смертныхѣ
болѣ !

ФИЛЛИДА.

Я вѣрю , чшо народѣ Ликурга не забилѣ ,

Кшорой нравамѣ онѣ похвальнымѣ научилѣ .

Но сколько ошѣ швоей онѣ ревности желашѣ ,

Моя нещасна грудь шого имѣшь не чаешѣ .

Я щасплива былабѣ , когда швоя бы власшь

Могла мнѣ укрѣпишь мою желанну часшь .

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Хошѣ всею я еще Фрактею владѣю ;

Но силы шаковой и власши не имѣю ,

Какая вѣ нѣжности и младосши швоей

Блишашѣ изѣ швоихѣ плѣняющихѣ очей .

Своею больше ты успѣшь красошю .

Фил.

ФИЛЛИДА.

Коль мало пользовашь могу себя я щюю!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Ты можешь ею все

ФИЛЛИДА.

Узнаешь скоро самъ.

Но время приносишь себѣ хвалу богамъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ПОЛИМНЕСТОРЪ и МЕМНОНЪ.

МЕМНОНЪ.

Надѣясь твоего въ великій храмъ прихода,

Несчетно множество спекается народа.

Я войско по мѣстамъ разспавилъ, Государь,

И жершву приносишь богамъ готовъ олшаръ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Какое принесу я имъ благодаренье,

Когда поверженъ я послѣ трудовъ въ мученье,

Когда меня любовь въ спокойны дни крушишь,

И въ мирные часы въ груди сей брань чинишь?

МЕМНОНЪ.

Въ себѣ ли можно бышь какимъ мученьямъ мѣспу?

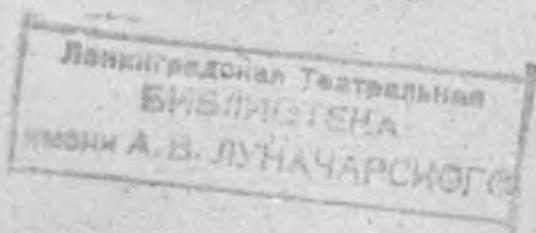
Въ спокойномъ поржесшѣ ты видишь здѣсь невѣспу;

Геройску видишь дочь, Геройскую сеспру

Пылающую къ себѣ въ усердиѣшемъ жару.

Ж

Всаго

Всего лишася она , шобой была спокойна :
 Супружества съ шобой вѣ несчастіи достойна,
 Желаніе свое ты можешь совершить ,
 И съ бракомъ шоржество сіе соединишь .
 Она послѣ себя минушы всѣ считала ;
 По Троѣ , по ошдѣ не шолько въздыхала ,
 Какъ взору швоего , крушилася , лишася .
 Кошъ часшо слезѣ рѣка изѣ глазѣ ея лилася !

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Чшо часть ея жалка , Мемнонѣ , я признаваю ,
 Съ любовью купно скорбѣ для ней прешерпѣваю .
 Сугубо чувствую я бремя на плечѣхъ !
 И чшо , скажи , шеперь я видѣлъ при брегахъ ?
 Чѣѣ Флаги на водахъ Борей Эракійскій вѣшѣ ?
 И чшо вѣ намѣреніи Филлида здѣсь имѣшѣ ?
 Скажи и не ушай , чшо было безѣ меня ?
 Чшо вѣ домѣ дѣлалось и вѣ сердцѣ у нея ?

МЕМНОНЪ.

Возможноль ошѣ шебя мнѣ , Государь , шайшьяся ?
 И должность и любовь велишѣ шевѣ ошкрышьяся :
 За полгода предѣ симѣ , когда здѣсь не былѣ слухѣ ,
 Гдѣ съ воиншвомѣ шебя водилѣ Геройской духѣ ;
 И послѣ какѣ пришла во градѣ сей вѣшѣ плачевна ,
 Чшо Трою рúшила вѣ конецѣ судьбина гнѣвна ;
 Внезапно солнца видѣ на восходѣ спалѣ багрѣвѣ
 И шускые лучи казалѣ изѣ облаковѣ .
 Ошѣ бѣрегу вѣ дали пучина почериѣла ,
 И буря кѣ намѣ съ дождемѣ и съ градомѣ налешѣла .

Напала мгла какъ ночь , ударилъ громный прескъ ,
И мрачность пресѣкалъ лишь часныхъ молній блескъ .
Поднявъ сѣды верьхи , спремилась волны яры ,
И берегъ заревѣлъ , почувшвовавъ удары .
Тогда сквозь мракъ едва увидѣшь мы могли ,
Что съ моря бурный вихрь несешъ къ намъ корабли ,
Которы люшость водъ по еѣ пропасняхъ скрываетъ ,
То вздернувъ на бугры , порывисто бросаетъ ;
Раздранны пары пловцы ошдавъ вѣшрамъ ,
Ужъ руки подняли къ закрытымъ небесамъ .
Мы чаяли тогда Енеева прихода
Съ ошашками Троянъ , несчастнаго народа .
Объяша жалостью , подвигнула бѣдой ,
Царевна на берегъ безъ спраху шла за мной .
Тутъ алчный Поншъ пожралъ при корабля предъ нами ,
И еѣ чашки раздробивъ , извергъ на брегъ волнами .
Увидѣвъ , что съ водой шамъ бьется человекъ ,
Съ рабами я спѣшилъ и на песокъ извлекъ .
Онъ очи смущныя со спрахомъ обращая ,
И томныя уста чрезъ силу отверзая ,
Къ Филлидѣ , облившись слезами , говорилъ :
Когда небесный гнѣвъ меня шакъ поразилъ ,
То я ужè взирашь на небо не дерзаю ;
Къ тебѣ , богиня ты , иль смершна , прибѣгаю ,
Или , какъ чаю , сихъ владычица бреговъ ,
Покрой насъ и превись щедрошою боговъ .
Царевна шаковымъ подвиглась жалкимъ слухомъ ,
И вѣжнимъ , преклонясь , ошвѣшспивовала духомъ :

Ж 2

Спо-

Спокоенъ будь шеперь , и опложи весь спрахъ :
 Не варварски сердца родятся еъ сихъ мѣспахъ .
 Хопя не знаемъ мы , какого шы народа ,
 Но бѣднымъ помогашь велипѣ сама природа .

ПОЛИМНЕСТОРЪ .

Кто сей нецасшный былъ ?

МЕМНОНЪ .

Царя Тезея сынъ .

Онъ сердца наша Царевны господинъ !
 Народъ его , что съ нимъ опѣ пагубы избавленъ ,
 Спокойшвомъ ободренъ , и флотъ его исправленъ .

ПОЛИМНЕСТОРЪ .

О вѣсти спранныя ! о чудный судъ боговъ !
 Но поидемъ ихъ спросишь ; я ко всему гошовъ .

Конецъ перьваго дѣйствія .

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДЕМОФОНТЪ, ПОЛИМНЕСТОРЪ и МЕМНОНЪ.

ДЕМОФОНТЪ.

Ты склонность кажешь мнѣ вся надежды болѣ!
И чѣмъ я заплачу швоей шоль щедрой волѣ?
Я штраншвую, гонимъ ошъ волнѣ и ошъ небесѣ;
Ты вѣ скорьби, Государь, ошраду мнѣ принесѣ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

И я шѣмъ веселюсь, чшо дивная судьбина,
Тезеева мнѣ здѣсь дала увидѣшь сына,
Которой мужешвомъ ему себя сравнилъ,
И шѣмъ подѣ Троею Героямъ обидникъ былъ,
Которыхъ на нее послали гнѣны боги.
Не вы, не вы, они Пріама были шпроги!

ДЕМОФОНТЪ.

Умѣренность швою чему могу сравняшь?
Величешвомъ души Пріама больше зяшь!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

То все еще шеперь у Промысла во власти;
Достигнешъ до своей и Иліона части!
Ошъ яросши боговъ убѣгнешъ ли она,
Котору чувешвуешъ ошца ея шрана,
То день посшавленный покажешъ намъ конечно!

ДЕМОФОНТЪ.

Иль рвеніе боговъ на Трою будешъ вѣчно?
 Когда ужè и въ насъ смягчился сердца;
 То имъ ли злобишься на бѣдныхъ безъ конца?
 Когда предспавлю я въ умъ своемъ Пріама,
 Терзаюсь мыслями ошъ жалоси и срама,
 Чшо Греческой рукой Царева сѣдинà,
 О вѣрваршво! въ его крови обагрена.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Теряешъ славу всю свирѣисшвомъ побѣдисьель;
 Но часто долженъ онъ невольнò бышь мучисьель,
 Какъ надобно своихъ предохранись ошъ зла.
 Тебѣ всегда за шо пребудешъ похвала,
 Чшо о нещасшіи поверженныхъ жалѣшь;
 Ты злобу шѣмъ своихъ враговъ преодолѣшь.
 Когдабъ жалѣли такъ ошмедъ всѣ Греки прочь,
 Себѣ Пріамову могло ушѣшишь дочь.

ДЕМОФОНТЪ.

Мнѣ знашь другихъ сердець движенія не можно,
 Но объявишь сіе могу тебѣ не ложно,
 Чшо въ жизни я себя великимъ бы почелъ,
 Когдабъ ей доказашъ сердечну жалосшь смѣлъ,
 Которую обѣ ней - - - - -

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я въ шомъ не возбраняю;
 Но силы ласковымъ словамъ швоимъ желяю,
 Дабы чрезъ оныя увѣрилась она,
 Чшо Троя ошъ боговъ, не вами сожжена.

И видя, что о томъ, кто воевалъ, крушишься
 Могла бы отъ шоски хоть мало свободишься.

ДЕМОФОНТЪ.

Всѣ силы положу, чтобъ Грековъ посрамишь,
 И Иліону въ той надеждѣ ушвердишь,
 Что тѣ же укропясь, возставяшъ боги Трою.
 О ешьлибъ сею могъ воздвигнуть я рукою!

ЯВЛЕНІЕ II.

ПОЛИМНЕСТОРЪ и МЕМНОНЪ.

МЕМНОНЪ.

Я объявию его къ швоей невѣстѣ спрасъ,
 Дивлюсь, что ты ему даешь ходишь къ ней власть!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я не далъ бы; но чтожъ? Другое нынѣ время!
 И боги съ моего снимаютъ сердца бремя.
 Покажутъ щедрой тѣ на Иліонѣ судъ,
 Устроятъ все объ ней и щасье ей дадутъ.
 Меня ихъ власть къ другой любви понуждаетъ:
 Мой духъ прошивишься ихъ воли не дерзаетъ!

МЕМНОНЪ.

Что слышу, Государь?

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Отъ Олшаря ошепъ!

Ты слышалъ въ храмѣ громъ, Мемнонъ, и видѣлъ свѣпъ,
 Когда я приступию, предъ Марсомъ преклонился,
 И какъ отъ жершвы дымъ предъ онымъ воскурился;

Тогда военный богъ щиромъ своимъ попрысѣ,
 Блеснулъ очами вдругъ, и испустилъ сей гласъ:
 „Для Трои на себя не привлекай пы гнѣву,
 „Врученную тебѣ любви вѣкъ дочь Цареву.
 Толь ясныя слова не смѣю толковать;
 Я волю принужденъ безсмертныхъ исполнять,
 Чшобъ бышь Ликургова по власи оныхъ шрона...
 Но нынѣ отступи: приходишь Иліона.

ЯВЛЕНІЕ Ш.

ПОЛИМНЕСТОРЪ и ИЛІОНА.

ИЛІОНА.

Увидѣвъ, Государь, на единѣ тебя,
 Я смѣюль рѣчь зачать, швой духъ не оскорбя.
 Весь городъ веселясь, въ очахъ швоихъ сіяетъ,
 И можешъ бышь мой взоръ тебѣ лишь досаждаешъ.
 Боюсь, что я сему шоржешшвенному дню
 И радости швоей препяшштво учиню!
 Ты видишь предъ собой не ту ужъ Иліону,
 Что прежде славою ошеческаго шрону
 Украшениа, тебѣ была обрученъ,
 Со свѣшлымъ праздиешшвомъ въ сей градъ приведена;
 Но съ Троею всего величества лишениу,
 И шолько лишь къ тебѣ надеждой укрѣпленну.
 Какъ сердце бы швое миѣ не было дано,
 Ошадося бы миѣ ошчаянье одно.

Я въ Троѣ , въ Гекторѣ , въ Пріамѣ умираю ;
И шолько лишь къ тебѣ любовію дыхаю :
Возставь и укрѣпи !

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я долженъ самъ упасть !

О строгая судьба ! о горестная часть !

И ЛІОНА.

Я вижу , Государь , что разоренна Троя
Лишаетъ и тебя веселья и покоя !
Но ежели тебѣ еще я такъ мила ,
Какъ въ тѣ часы , когда изъ Трои я пришла ;
То всю свою шоску въ сей день преодолѣю :
И ны спокоенъ будь спокойностію моею .
И Гекторъ и Тройлъ , Геккуба и Пріамъ
Въ тебѣ одномъ моимъ являющся очамъ .

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Когдабъ я былъ тебѣ Парисомъ иль Пріамомъ ,
То былъ бы щасливѣ я уже въ нещастіѣ самомъ .

И ЛІОНА.

Ты можешь , Государь , шеперь мнѣ ими бышь
И Трою на брегу Эракійскомъ защишишь ,
Которую еще неукрошима Греки ,
Наполнивъ кровію поля при ней и рѣки ,
Коварно ушѣсняишь и здѣсь не прешаюшъ ,
И мѣста оныя ошашкамъ не даюшъ .
Въ ошсущствіе швое бурливая погода
Разбила корабли прошивнаго народа .

Тезеевъ сынъ онъ волнъ спасенъ оспался живъ,
 Здѣсь спраншвуя живетъ. Онъ время улучиѣ,
 [Того я знашь не шдусь, за правду, иль пришворомъ]
 Миѣ часто о любви досаднымъ разговоромъ
 Терзалъ мой скорбной духъ, несносной сопоспашъ,
 Кошорато одинъ миѣ пуце смерти взглядъ.
 Забыѣ всѣ нѣжності Филлидины, дерзаешъ
 Другой любви искашь, чрезъ что онъ объявляетъ,
 Что онъ на всякой часъ на злосъ свою гошовъ.
 На всѣхъ онъ, Государь, сплешаетъ хишрый ковъ,
 Опмспи шы за меня; опмспи шы за Филлиду,
 За Трюю, за весь родъ, за собшвенну обиду.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я сеюбъ кровь его рукою пролилъ самъ,
 Когда бы было то угодно небесамъ;
 Но воля ихъ мою надежду пресѣкаетъ,
 И мечъ мой на него поднятъ не позволяетъ.

на сторону

Хотя одной посшылъ, хотя другой онъ любъ;
 Вездѣ соперникъ миѣ и сопоспашъ сугубъ.
 Сугубаго въ рукахъ соперника имѣю!
 Но мшшишь ему за шо, о боги, я не смѣю!

указывая на Илгону.

За шѣмъ я вамъ ее на волю ошдаю,
 Вы дайте помочь ей, скрѣпите грудь мою
 Исполнишь вашъ ошвѣшъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ИЛІОНА одна.

Гдѣ мнѣ искашь покова?

Не слышала шеперь ни одного я слова,
Которымъ бы признакъ онѣ нѣжности мнѣ далъ!
Что смушны ошѣ меня онѣ очи отвращалъ?
Ахъ Троя, шы упавъ, любовь въ немъ разрушила!
Я вижу, что и здѣсь безмерсныхъ гнѣвна сила
Не преспаешъ Троянѣ ошашки ушѣсняшь.
И шотъ уже меня не хочешъ задицашъ,
Къ которому меня во брачныя чертоги
Поставила любовь, Пріамъ и сами боги.
Что нынѣ предпріаешь они велятъ ему?
Соперникъ Демофоншѣ сугубо по чему?
Или къ Филлидѣ онѣ любовію пылаешъ?
Но чтожъ сопернику ошмстишь онѣ не дерзаетъ?
И что меня еще вручаешъ онѣ богамъ,
Когда покрышь ошѣ бѣдѣ скоряе можешъ самъ,
Когда они свой взоръ ошѣ Трои отврашили?
Въ какой вы пагубѣ насъ, боги, погрузили!
Мы равну съ Греками имѣемъ плоть и кровь:
И ваша бышь должна ко всѣмъ равна любовь,
Но Грекамъ вы ошцы, Троянамъ вы Тиранны:
Они вознесены, а мы лежимъ попранны!
Однако ешлы шакъ васъ огорчилъ Пріамъ,
Что кровію воздашь не могъ и Гекторъ вамъ;

Но

Но въ гнѣвѣ вы своемъ хошѣли видѣшь Трою
 Зажженну въ жершву вамъ прошиною рукою,
 И войско и народъ и спѣны испребишь;
 То что ужь можешъ васъ на яросшь побудишь?
 Предспавше прежнюю Прѣамову державу,
 Героевъ и полки, величешво и славу,
 Гдѣ нынѣ пепелъ, дымъ, развалины и прахъ
 И коспи на пусныхъ рассыпаны поляхъ;
 Младенецъ лишь одинъ съ безчасною сеспрою
 Не можешъ въ бѣдноти сыскашь себѣ покою,
 Почпи ужь плѣненъ живешъ въ краю чужомъ!
 Еще ли можеше бросашь на насъ свой громъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

ИДИОНА и ДЕМОФОНТЪ.

ИДИОНА.

Еще ли умножашъ идешъ мои печали!

ДЕМОФОНТЪ.

Еще судьбы меня, еще къ шебѣ послали,
 Которыя шакой поставили предѣлъ,
 Чшобъ нѣжно сердце я всегда къ шебѣ имѣлъ.
 Коль часто оскорбленъ къ шебѣ бышь зарекаюсь;
 Толь часто престунивъ зарокъ свой, возвращаюсь.
 Суровой швой ошевшъ скрѣнилъ вчера мнѣ грудь;
 Но нынѣ съ жалоснію любовь открыла пушь;
 Сильнѣе прежняго, вошедъ въ меня, пылаешъ:
 Что жалосшь о шебѣ суугубу предспавляешъ,

Остав-

Оставленна отъ всѣхъ, лишенная всего,
 Ужель послушаетъ совѣшу моего?
 Подвигнушъ ли тебя мой пошюки слезны;
 Когда спенанія и вздохи бесполезны,
 Которы нынѣ шы пускала къ небесамъ,
 Являя жалкой видѣ безчувственнымъ очамъ?
 Другой ужè красой, повѣрь, онѣ плѣнились,
 Отъ нѣжностей твоихъ во вѣки зашворились.

ИЛІОНА.

Невѣрной!

ДЕМОФОНТЪ.

И кому:

указывая на Иліону.

ИЛІОНА.

Подобенъ въ томъ тебѣ.

Филлидаль отъ тебя сего ждала себѣ?

ДЕМОФОНТЪ.

Онѣ лакомству, а я любви поработился;

Онѣ царствомъ, я шобой дражайшая, плѣнился.

Любви онѣ и своей невѣстѣ измѣня,

Тебя освободилъ и оправдалъ меня.

Филлидинѣ будешъ духъ, повѣрь, о семъ спокоенъ;

Что благодарность лишь, не жаръ мой къ ней пристоенъ.

Сугубо я свой долгъ ей изъ Аѳинъ воздамъ:

Тебѣ, дражайшая, я опдаюся самъ.

ИЛІОНА.

Какъ можешь претовашъ, чтошбъ я тебя любила?

Судьба и спрасъ меня другому поручила.

ДЕ-

ДЕМОФОНТЪ.

Преступнику !

ИЛИОНА.

Пускай хошябъ шаковѣ онѣ былъ,
 Или пускай бы насѣ Пріамѣ не обручилъ;
 Но сносно ли бы мнѣ швое желанье было?
 И мысль одна обѣ васѣ мнѣ грозное спрашило!
 Когда представихся въ моемѣ мечшанѣ Грекѣ,
 Кровавы вижу я пошоки нашихъ рѣкъ,
 Пылаешъ домѣ ошцевѣ; сестру влекушъ изѣ храма
 Рыдающу среди ругашельства и срама.
 Дѣвицѣ Троянскихѣ въ плѣнѣ окованныхѣ ведушъ,
 По дѣшяхѣ матери, шерзая грудь, ревушъ.
 Раздранны вижу шамѣ я Гекторовы члены,
 И спрашно въ слухѣ мой бьютъ валяющіяся спѣны.
 Подѣ каменнымѣ бугромѣ нещасна спонешъ мать!
 Возможно ли шебѣ любви моей желашъ?

ДЕМОФОНТЪ.

Я общникѣ, правда, былъ премѣны оной слезной,
 Я спѣны раззорялѣ ошца своей любезной!
 Но можешъ ли швой гнѣбѣ, Царевна, и въ сей часѣ
 Пылашъ прошивѣ меня? еще ли не погасѣ?
 Не мною Гекпорѣ палѣ, не мною Поликсена
 Въ незловивой крови угасла обагрена.
 Ахѣ ешълибѣ я шебя еще до брани зналѣ,
 Прошиву Грековѣ я сѣ мечемѣ бы симѣ воспалѣ!
 Ошецѣ меня послалѣ со воиншвомѣ подѣ Трою:
 То много ли я шѣмѣ виновенѣ предѣ шобою?

Я дорого плачу пошоки вашихъ слезъ,
И больше зла шерплю, какъ Троѣ я нанесъ!
Я въ жершву далъ себя грызущей нущрѣ печали,
И больше самъ горю, какъ Пергамы (*) пылали.
Ты мучишь; хощь себя всему я предпочолъ!
Бывалъ ли я когда шаковъ Троянамъ золъ?
Но ештли не смягчатъ швой духъ мой мученья,
Когда ты шребуешь еще себѣ ошмщенья;
Могуль хощя шогда тебѣ я угодишь,
Какъ Грекамъ и себѣ за васъ я буду мсшишь?
Мой духъ къ тому готовъ и жизнь моя готова;
Я жду лишь ошъ тебя, драгая, шолько слова.
Со мною спанешь ты, и съ нами Полидоръ
Съ богашшвомъ на брегу въ шѣни Троянскихъ горъ.
На слухъ со всѣхъ сторонъ Фригійцы соберутся,
И къ облакамъ верхи Троянскіе проспрусся.
Великось царствя въ одной не состоишъ шѣни,
Но въ полной жисельми, обильной всѣмъ шранъ.
Воздвигли Трою шѣ сошренну Геркулесомъ,
И нынѣ обновяшъ пошранну Ахиллесомъ.
Ощецъ швой возврашилъ ихъ силою весь вредъ,
Кощорой прешериѣлъ нещасливой швой дѣдъ.
По жребью получилъ я въ Троѣ шу корону,
Чѣмъ швой ощецъ вѣнчаиъ по древнему закону.
На Полидоровъ шу, на швой верхъ возложу,
И сѣшующему народу покажу,

Что

(*) Старое имя города Тром.

Что паки живѣ Прѣамѣ и обновляешъ Троию.
 Но какѣ возведена на пронѣ свой будешъ мною,
 То можноль мнѣ себя такой надеждой льспить,
 Чшобы мнѣ у шебя и шамѣ врагомѣ не слышь?
 Я больше для шебя, драгая, предпрѣмлю,
 Опеческу свою пренебрегая землю.
 Тамѣ ждешъ меня своя порфира и вѣнецѣ,
 Тамѣ ждешъ меня, крушась при спаросши опецѣ.

ИДИОНА.

Всѣ вымыслы швои и рѣчи бесполезны:
 Осшавъ меня, не множь мой попоки слезны!
 Кшо можешъ снова намѣ шѣ сшѣны соградишь,
 Кшорыхѣ не возмогѣ и Гекшорѣ задишишь?
 Ни царшво ужъ меня ни слава не прельцаешъ,
 Кшорыя вѣ ничшо судьбина превращаешъ.
 Вѣ любви моей не шоль велика ешь цѣна,
 Чшобѣ чешъ швоя для ней была повреждена.

ДЕМОФОНТЪ.

Слышь бршомѣ Гекшору всей чеши имя равно,
 И вѣ шшѣже вшасъ порокѣ мнѣ сѣ Ахиллесомѣ славно.
 Ошавилѣ Грековѣ онѣ сешру швою любя:
 Я шш же сдѣлаю и больше для шебя.
 Ты удосшой меня хшш взглядомѣ, дорогая,
 И посмшри, лице и очи примѣчая,
 Возможно ли вѣ моей груди шашшься льспи?
 И можноль больше мнѣ спраданѣя снести?

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДЕМОФОНТЪ, ИЛІОНА и ФИЛЛИДА.

ИЛІОНА.

къ Филлидѣ

Любезная моя Царевна, дай опраду.

ФИЛЛИДА.

отступая назадъ

Я вамъ лишь наношу препяшствѣмъ досаду!

ИЛІОНА.

удерживая Филлиду

Оставленну отъ всѣхъ одна ты не оставь.

ДЕМОФОНТЪ.

Къ чему злой рокъ привелъ . . .

ФИЛЛИДА.

Теперь себя оправь

Однако поспѣшай и обновляй ты Трою;

Забудь, что вѣчной срамъ шуда поидетъ съ тобою.

Мои заслуги ты забудь и два вѣнца,

И вѣрность и любовь и совѣсть и отца.

Но мнѣ чшобы о семъ и памяти лишиться,

Пойду несчастная . . . но гдѣ мнѣ будетъ скрѣться?

ИЛІОНА.

Я слѣдую тебѣ, погибну или спасусь.

ДЕМОФОНТЪ.

Дражайшая, пожди, позволь . . .

ЯВЛЕНІЕ VII.

ДЕМОФОНТЪ *одинъ.*

Какъ я мяшусь!

О коль свирѣцья въ моемъ бьютъ сердцѣ волны!
 Прощивными спрасшми и грудь и мысли полны!
 Я жалостью къ одной и нѣжностью пльнѣнъ,
 Другой заслугами и должностью врученъ.
 Смотри на первую, прозненъ позабываюсь;
 Но на другу взглянувъ, я въ совѣспи перзаюсь.
 Любовь, желанье, спыдъ, опчаянье, боязнь
 Воюющъ внутрь меня: о коль велика казнь!
 Гдѣ мужество мое? Гдѣ крѣпость неизмѣнна?
 Лежишъ опъ слабостей моихъ преодолѣнна!
 О какъ ны развращенъ, безсчастной Демонфонтъ!
 Ахъ лучше бы себя покрылъ волнами Поншъ!
 Нещасье бы къ одной себя не обязало,
 И сердце бы къ другой безъ пользы не пылало.
 Чшо дѣлашь ужъ шеперь? И кто миѣ дастъ совѣшъ?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ДЕМОФОНТЪ и ДРАМЕТЪ.

ДЕМОФОНТЪ.

Скрѣпи, скрѣпи мой духъ, возлюбленный Драмешъ!

ДРАМЕТЪ.

Доколѣ, Государь, шы будешь колебашься?

Доколѣ будешь въ пльнѣ спрасшамъ здѣсь опдавашься?

Тогда

Тогда какъ Греція шого всечасно ждешь,
 Ужель Пріамова наслѣдства больше нѣпѣ?
 И вѣспры щастію ея спослѣшшествовали,
 Когда къ симъ берегамъ швой флотъ они притнали.
 И случай повелѣлъ и Полимнеспоръ самъ,
 Чшобы Пріамоеъ сынъ былъ опданъ въ рѣки намъ.
 Хошя еще онъ малъ, но Грековъ успрашаешъ:
 Чшо къ нашей пагубѣ въ немъ Гекшоръ возрашаешъ.
 Предшавъ, когда на нашъ онъ усшремлялся флотъ,
 Съ мечемъ и съ пламенемъ шумящимъ поверьхъ водъ.
 Коль многіе онъ слезъ и крови пролилъ шоки;
 И раны наложилъ коль Греціи глубоки!
 Коль много славныхъ онъ опустошилъ домовъ!
 Коль много шамъ сиротъ, коль много плачешъ вдовъ!
 Всѣ Гречески Цари съ опцемъ швоимъ согласно
 Тобою опврашишь желаюшь зло ужасно,
 Чшобъ сиѣнъ Пріамоеъ сынъ, какъ онъ, не обновилъ,
 Ихъ дѣшямъ и шебъ по шомъ бы не опмшилъ.
 Но спрасшь швоя гасишь шѣ искры возбраняешъ,
 Опъ коихъ съ прошчими и швой градъ воспылаешъ.
 Себѣ и обществу спрасшь вредну испреблай;
 Коль долго случай есть, опечешво спасай.

ДЕМОФОНТЪ.

Ошавило оно при спаросши Тезея,
 И захищашь его не хочешъ опъ Мнестея;
 То должно индѣ мнѣ прибѣжища искашь,
 И вмѣсто помози за шо ему опмщашь.

ДРАМЕТЪ.

Послушай, Государь, рѣчей моихъ спокойно;
 Природѣ ли твоей начашь сѣ приспойно?
 Какъ можешъ отъ чужихъ шого желашъ Тезей,
 Чего напрасно ждешъ отъ крови онѣ своей?
 Тебѣ ошца спасши всего достоиншъ прежде,
 И многихъ съ нимъ Царей не обманушь въ надеждѣ,
 Кошорые тебя за вѣрность наградышъ;
 Когдажъ преслушаешь: подумай, какъ ошмшашъ!
 Толь много царствѣ покрышь всѣ способы имѣешь,
 Филлидавъ пушъ съ тобой спѣшишъ, что ты коснѣешь?

ДЕМОФОНТЪ.

Я выше бы всего Филлиду почишалъ,
 Какъ Иліоны бѣ я на свѣшѣ не видалъ!

ДРАМЕТЪ.

Ты долженъ предпочешъ благодѣянье спрасши,
 Послушашъ Греціи, ошца покрышь въ напасши,
 И очи ошвратишъ и заперешъ свой слухъ
 Отъ всѣхъ мечтаній тѣхъ, что швой смущая духъ,
 Преняшшвующѣ скончашъспрахъобщій съПолидоромъ.
 Дерзай и не мяшишь себѣ пріятнымъ взоромъ.
 И промыслъ для шого шебѣ сей случай далъ,
 Чшобъ сердце мужеско шеперь ты показалъ.
 Предъ всѣми Греками я буду въ шомъ свидѣшель,
 Коль сильну спрасшь въ шебѣ попрала добродѣшель.

ДЕМОФОНТЪ.

Я знаю, что вездѣ похвально шо, Драметъ,
 Когда кшо слабости уму подѣ власть даешъ.

Мнѣ совѣсть и отецъ, Филлида и всѣ Греки
 Велятъ, чтобы забылъ Троянку я во вѣки.
 Но честь въ одну страну, въ другу любовь влечешь!

ДРАМЕТЪ.

Тамъ правда къ торжеству, здѣсь прелестныя вѣдешъ.

ДЕМОФОНТЪ.

Я вижу лучшее, и видя похваляю;
 Но худшему во слѣдъ, о небо, послѣшаю!
 Возникни слабой духъ во мнѣ и ободрись,
 Войди ты самъ въ себя, внимай, и осмотришь,
 Гдѣ дочь Пріамова несчастну грудь пронзила . . .
 О чудна слабостей надъ крѣпкимъ сердцемъ сила!
 Какимъ путемъ, Драметъ, я въ сѣнь сію вошелъ! . . .
 Какъ Иліону я впервые усмотрѣлъ,
 Предсказавъ во умѣ поверженную Трою!
 И видя малые ошашки предъ собою,
 Подумавъ, какъ ее внутрь люта скорбь грызетъ,
 Что нѣтъ уже ошца, ни храбрыхъ братьей нѣтъ!
 Печальна красота несчастьемъ умножалась,
 И въ жалкомъ видѣ мнѣ прекраснѣе казалась.
 Тушъ склонность жалости, и склонности любовь
 Послѣдовали внутрь, и вкралась мнѣ въ кровь;
 Объемлетъ чувства всѣ . . .

ДРАМЕТЪ.

Искореняя мысль злую,
 И первой шцись любви поработишь другую.

ДЕМОФОНТЪ.

Я благодарношь шамъ любовью называлъ ,
 Какъ здѣсь саму любовь за жалось почишалъ.
 Со обоихъ споронъ поняшѣемъ неяснымъ
 Покрышъ, иду пушемъ со мною несогласнымъ.
 Я чувствую въ себѣ ихъ силу обоихъ ,
 Обѣимъ слѣдую, и ни одной изъ нихъ !

ДРАМЕТЪ.

Какой нибудь къ шому ты приведенъ причиной;
 Но сердце оставляй Филлидѣ ужь единой ,
 И слово данное и вѣрносшь къ ней держи.

ДЕМОФОНТЪ.

Но какъ я то начну? любезной другъ, скажи,
 Прогнѣванной ужь предъ очи какъ предшану,
 Глубоку ошъ другой имѣя въ сердцѣ рану?

ДРАМЕТЪ.

Лишь только ты шеперь себя преодолѣй,
 Любовь ея къ тебѣ возобновишся въ ней,
 Сильнѣе прежняго ошъ слезъ швоихъ вспылаешъ.

ДЕМОФОНТЪ.

Надежда чрезъ себя ужь духъ мой ободряетъ;
 Я нынѣ овладѣлъ шоль сильными спрашыми.
 Повѣрь мнѣ, и мое сомнѣнье ошними;
 Крѣпи въ намѣреньи, хвали мою побѣду,
 Не дай съ похвальнаго мнѣ соврашишь слѣду.
 О вѣрносшь искрення! ты слабосшь испребя,
 Дай силу мнѣ склонишь Филлиду и себя.

Конецъ втораго дѣйствія.

Дѣй.

ДѢЙСТВІЕ Ш.

ЯВЛЕНІЕ I.

ФИЛЛИДА и ПОЛИМНЕСТОРЪ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Царевна, совершивъ я должныхъ жертвъ обряды,
 Искалъ послѣ трудовъ желанныя ошрады.
 Сраженья часныя, далекіе пуши,
 Труды, что для себя одной я могъ снести,
 Веляшъ ошдашься мнѣ любезному покою.
 Но усмотрѣвъ себя печальну предъ собою,
 Къ спокойствію себя принудишь не возмогъ,
 И ушѣшашъ себя послѣдовалъ въ чермогъ.
 Какіи прошивности тебя поколебали?
 Я смѣю ли подашъ совѣшъ тебѣ въ печали?
 Я смѣюль угадашь, кто могъ швой дужъ смушишь,
 И угадавъ, себя ошъ скорьби свободишь?

ФИЛЛИДА.

Не наводи, ахъ, князь! на мысль мнѣ бóльшей ночи!
 И шакъ уже шшдомъ мой покрылись очи;
 Ошавъ на единѣ безшасшную вздыхашъ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Тебя ли я могу шерзаніямъ ошдашь?
 И долгъ меня къ шому и ревность понуждаешъ,
 И младосшь и краса швоя повелѣваешъ,

Чтобы отъ щещныхъ мукъ шеперь себя спасти,
 Отъ спраси свободить и въ чувство привести.
 Ахъ! что прельщаешься чужею ты спраною?
 Или отечество ужь гнусно предъ тобою?
 Или шакого въ немъ ужь Героя нѣтъ,
 Съ кѣмъ въ бракъ тебѣ вступишь не предосудитъ свѣтъ,
 Кшобъ равенъ Греку былъ достоинствѣмъ всѣхъ хвалою?
 Я сердце знаю здѣсь лишенное покою,
 Въ кошоромъ вѣрная сугубо кровь кипитъ,
 И въ очи и въ уша жаръ внушрений спремитъ;
 Не зная, будещъ ли шобой оно щасливо,
 Мученія въ лицѣ изображаетъ живо.

ФИЛЛИДА.

Не вѣрь, ахъ! Князь, словамъ, и взглядамъ ты не вѣрь,
 По виду внѣшнему чувству внушренихъ не мѣрь.
 Чужаго сердца знашь движеній не возможно!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Оно въ груди моей, я знаю то не ложно!

ФИЛЛИДА.

Чшо слышу я еще! ты очи, Князь, открой,
 И посмотри, что здѣсь Филлида предъ шобой.
 Теперь ты вмѣсто мнѣ желанныя ошрады,
 Не умножай еще несносныя досады.
 Меня, какъ дочь любишь принадлежишь тебѣ;
 Иного пламени не воспаляй въ себѣ.
 Не чувствуешь въ своемъ ты сердцѣ Илоны?
 Гдѣ права естества, гдѣ божески законы?

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Когда безсмертные повергли ужь Троянѣ,
 Когда Прѣамѣ, Парисѣ, и Гекшорѣ ихѣ попраиѣ,
 И оспрый мечь пресѣкѣ младый вѣкѣ Поликсены;
 Въ крови и пепелѣ дымяшся падши спѣны;
 Когда они весь родѣ искоренишъ хошяшѣ:
 Боюсь, что и меня съ нимѣ купно поразяшѣ.
 Безумно грудь свою поставишъ прошивѣ грому,
 И на боговѣ възспашѣ.

ФИЛИДА.

О какѣ ты дѣлу злому
 Дашь хочешъ видѣ добра, и страсть свою закрышъ!
 Прешанъ передо мной и мыслию грѣшишъ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Или ужь грѣхѣ любишъ лице миѣ столь прекрасно?
 Или, дражайшая, шрудился я напрасно,
 Когда я собсшвенны забавы презиралѣ,
 И день и ночь о шомѣ лишъ шолько помышлялѣ,
 Дабы распространишъ еще швою державу,
 И дарски воспишавѣ, швою умножишъ славу?
 Прѣяшностшми, что мной покрышъ расцвѣли,
 Кромѣ меня владѣшъ кто долженѣ на землѣ?
 Я нѣжилѣ ихѣ восходѣ, и зрѣлосши ждалѣ жадно;
 То плодѣ ихѣ пошеряшъ мученъе безошрадно!
 Кто лучше моего здѣсь знаешѣ силу правѣ,
 Обычай подданныхѣ, и швой, Царевна, ираиѣ?

И кто, какъ я, въ уздѣ удержишь ихъ свободу,
И склонностямъ твоимъ отдашь себя въ угоду?
Ахъ вспомни, что Ликургъ при смерти говорилъ!

ФИЛЛИДА.

Хотя владѣнїе тебѣ онъ поручилъ;
Однако сердце онъ въ моей оставилъ власти.
Не могушь повелѣшь Цари любовной страсти.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Такъ буду я крушась въ чужихъ рукахъ смотрѣшь
На шую, что веляшь и боги мнѣ имѣшь?
Я щасливѣ былъ бы здѣсь, когда бы я волнами
Предъ сими изъ моря поверженъ былъ ногами:
Я сердцемъ бы твоимъ, Царевна, ужъ владѣлъ;
И что при томъ? другой любви искашь бы смѣлъ!
Ахъ сжался, погляди на отческіе брѣги
Исполнены вездѣ прїятности и нѣги!
Или они тебя не могушь побудить,
Чтобы ты пришлеца спаралась позабыть?
И рѣки, и поля, и горы воздыхающъ,
И видомъ жалостнымъ тебя увѣщавающъ:
Филлида не лиши своею насъ красотою!
Тоголь не чувствуешь? тоголь не слышишь ты?

ФИЛЛИДА.

Преспань такими, Князь, перзашъ меня словами;
И дай мнѣ умягчишь поску свою слезами.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я жалостью своею смущаясь, отхожу;
Не ты сама себя суди одна, прошу.

Не-

Невѣрности опмѣшишь ты полную власшь имѣя,
 Какъ можешь предпочесть защитнику злодѣя,
 Пришельца своему, и Демофонша мнѣ,
 Кроваву Грецію любезной шой спранѣ,
 Гдѣ шронѣ швой, гдѣ на свѣшѣ впервые ты воззрѣла?

ЯВЛЕНІЕ II.

ФИЛЛИДА одна.

Нигдѣ не слыхано толь злобшвеннаго дѣла!
 Невѣрность кругѣ меня, шая свой люшой ядѣ,
 Являешѣ ласковой и полной желчи взглядѣ.
 Присягу прешупивѣ одинѣ подлогѣ скрываетѣ,
 Другой не шакѣ меня какѣ скипетра желаетѣ.
 Чшо нынѣ я начну, куда я обращаюсь?
 Или опѣ льшвиваго кѣ невѣрному склонюсь?
 Филлида укрѣпись, и бурямѣ спань прошиву,
 Закрой опѣ нихѣ глаза, оставь надежду лживу.
 Предписаннаго жди мученіямѣ конца,
 Неблагодарнаго забудь, забудь льшеца.
 Но позабышь его чѣмѣ больше я желю,
 Тѣмѣ больше вѣ мысль беру, и шверже вкореняю!
 Никакѣ любовь шебѣ, никакѣ не измѣню!
 Но что мнѣ вѣ шомѣ, когда его не преклоню?
 Такѣ стану преклоняшѣ прешупника мольбою?
 Такѣ буду, Демофоншѣ, я плакашѣ предѣ шобою?
 Какѣ слезны станешѣ ты потоки презирашѣ?
 Но я, лишь обращаись, гошова все начашѣ!

Я В Л Е -

ЯВЛЕНІЕ III.

ФИЛЛИДА и КРЕУЗА.

КРЕУЗА.

Царевна! по швоей исполнила я волѣ,
 Теперь ужь ничего не оспается болѣ,
 Какъ только чщобы швой послѣдней былѣ приказѣ,
 По коему сторишѣ флотѣ Греческой шотѣ часѣ.
 Закрышы на судахѣ лѣсиспыми горами
 Стояшѣ рабы швои сѣ гошовыми спрѣлами,
 Чщобѣ пламень оными на корабли пущишѣ,
 И Демофонтовѣ пущѣ вѣ Аѣины прекрашѣ.

ФИЛЛИДА.

Пускай и самѣ огнемѣ скончается невѣрной!

КРЕУЗА.

Ты злобой на него вооружась безмѣрной,
 Царевна, мѣрности при мѣвѣи держись,
 И безопраднанаго раскаянья блюдишь!

ФИЛЛИДА.

Ты зная отѣ него меня шеперь презрѣнну,
 Чщо жщишь препяшщвуешь за мерзкую измѣну?
 Мой плѣиной духѣ и шакѣ склоняешь кѣ нему,
 Прошивишся себѣ, прошивишся уму,
 И злобу нѣжная любовь одолѣваетѣ,
 То чщо ей швой совѣшѣ, Креуза, помогаетѣ?
 Чщо гнѣвѣ мой прекрашѣ швой хочешѣ разговорѣ?
 Незлобія во мнѣ не кажетѣ ли мой взорѣ?

КРЕ-

КРЕУЗА.

Ахъ, вспомни, какъ моимъ совѣшомъ пыгнушалась:
 Но нынѣ я швоей печалью оправдалась ;
 Тогда было шебѣ не слушапъ льспивыхъ словъ.

ФИЛЛИДА.

И здравой умъ на все не можешъ быть гошовъ.
 А поступашъ въ любви , Креуза , осторожно ,
 И мысль знашь по рѣчамъ , повѣрь , что не возможно.
 Тамъ кажешся нивѣ чемъ худыхъ не будешъ слѣдствъ ,
 Ни въ чемъ не видно шамъ необходимыхъ бѣдствъ :
 Опасность кажешся сама въ ней безопасна ,
 И очевидная ужасность не ужасна.
 За спрасью я своей не видѣла умомъ ,
 Что Демфоншовъ домъ на берегу чужомъ.
 И сладость , что шекла прелеспными ушми ,
 Не жаромъ рождена , но хладными волнами !
 Я думалала тогда , что мнѣ онъ шолько льспишъ ?

КРЕУЗА.

Минуша жаръ зажгла , минуша погасишъ.
 Любовь съ надеждою живешъ , и умираешъ ,
 Ошбѣздъ его любовь и скорбь швою скончаешъ.

ФИЛЛИДА.

Такъ отпушу его , Креуза , не ошмстишъ ?
 Такъ насмѣваясь онъ , ошсель уѣдетъ живъ ?
 Но мнѣ ли шребовать ошъ Демфонша мѣспи ?
 Пущь жизни я лишусь ! но жаль лишишся чеспи !
 Казнишъ его слѣшу ; но имъ еще полна :
 Хошя ошчалалась , еще ему вѣрна !

КРЕ

КРЕУЗА.

Исполненной себѣ пріятнаго шоль ядъ
 Прошивныя способы, прошивна вся ограда.
 Когда болящему сама болѣзнь любя,
 То сила всѣхъ лѣкарствъ бездѣльна и слаба.

ФИЛЛИДА.

Филлида умирай, но возвративши славу,
 Опшмспи, и презирай любовь, живошъ, державу.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ДЕМОФОНТЪ, ФИЛЛИДА, КРЕУЗА и ДРАМЕТЪ.

ДЕМОФОНТЪ.

Исполни праведно опшщеніе на мнѣ,
 Я оправдашь себя не щусь въ своей винѣ.

ФИЛЛИДА.

Креуза, что шеперь? куда себя укрою?
 Продерзосшной предшаль еще передо мною!

ДЕМОФОНТЪ.

Вздыханіямъ моимъ, ахъ небо, помоги!

ФИЛЛИДА.

Прешупникъ, удались, опшъ глазъ моихъ бѣги.

ДЕМОФОНТЪ.

Позволь, позволь сказать хопя едино слово:
 Я казни лишь прошу, и ничего друго.

ФИЛЛИДА.

Еще ли чаешь ты въ коварности успѣшь?
 Еще ли хочешь скрыть своихъ обмановъ сѣшь?

До-

Довольно ужь , что ты за всѣ мои прїязни ,
 Свидѣтелей боговѣ не убоявшись казни ,
 Шесть мѣсяцевѣ ко мнѣ горячность пришворялѣ ,
 Которой вѣ сердцѣ ты опниудѣ не ощущалѣ .
 Ты клялся бѣрами , войною , глубиною ,
 Что можешь лишь воздашь мнѣ за прїязнь собою .
 На шоль спаралась я о корабляхѣ своихѣ ,
 Что бы похишишь честь и жизнь мою чрезѣ нихѣ !
 Богѣ моря , богѣ войны , богѣ вѣпра , богѣ любви ,
 Какѣ спанупѣ мстишь , наместѣ швоей несчанецѣ крови .

ДЕМОФОНТЪ.

Когда ужѣ вѣ моихѣ словахѣ нѣшѣ столько силѣ ,
 Дабы увѣришь вѣ томѣ , что я себя любилѣ ,
 Что я не вольно впалѣ вѣ шакое пресступленье ,
 Что любое шерплю раскаявшись мученье ,
 Что дѣломѣ я своимѣ гнушаюсь и собой ;
 То буденѣ вѣ томѣ мнѣ смерть свидѣтель предѣ шбой .
 Когда я не могу увѣришь вѣ томѣ слезами ,
 Увѣрся же шенерь кровавыми спруями .

хочетъ заколоться

ФИЛЛИДА.

хватая за руку и съ нею прочіе держать.

Ахѣ дерзской !

ДРАМЕТЪ.

Для боговѣ !

ДЕМОФОНТЪ.

къ Филлидѣ

Ты хочешь чтообѣ я жилѣ ,

Когда ужѣ я тебѣ , и самѣ себѣ пошылѣ ?

ФИЛ.

ФИЛЛИДА.

Ты хочешь смертію меня увѣришь злою,
 Что предѣ тобой гнусна и жизнь своя со мною?
 Ты хочешь для того со свѣща убѣждать,
 Чтобъ въ жизнь несносныя Филлиды не видашь?

ДЕМОФОНТЪ.

Чтобъ жизни дашь конецъ безславной шоль и слезной,
 Чтобъ шягосшну не бышь и небу и любезной.

ДРАМЕТЪ.

Вкладываетъ Демифонту шлагу.

Не будь, ахъ Государь, себѣ и намъ жестоко:
 Живи и вѣрностью загладишь шщисъ пороко.

КРЕУЗА.

Вы вспомните залогъ любовнаго союза!

ФИЛЛИДА.

Ахъ шо ли, шо ли въ немъ любовь ко мнѣ, Креуза,
 Чтобы въ глазахъ моихъ другу къ себѣ склоняшь?

ДЕМОФОНТЪ.

За шѣмъ ли не даешь живощъ свой мнѣ скончашъ,
 Чтобъ слышалъ я свой срамъ, кошорой горше смерти?
 Дай мнѣ безславіе невѣрной кровью смерти!

Олята хватается за шлагу, но они не долускаютъ вынять.

ФИЛЛИДА.

Свирѣпой, чаешь ты, я мало слезъ лила?

И мало для себя я прешерпѣла зла?

ДЕМОФОНТЪ.

Причину золъ твоихъ искоренишь желаю:

Чтожь воли опѣ тебя на шо не получаю?

Поз-

Позволь мнѣ умереть ; или проспи вину ,
 Съ копорой жизнь свою раскаявшись клянуп !
 Когдабъ я могъ сказать , швой гнѣбъ не умножая ,
 Какъ ебъ мрачной ровъ ввела меня судьбина злая ,
 Какая внушрѣ меня была тогда борьба :
 Тобъ шы увѣрилась , ахъ ! коль шы мнѣ любя !

Ф И Л Л И Д А .

Ты любишь ! и бѣжашъ гошовъ оисель всечасно !
 Любишь и прочъ бѣжашъ , какъ можешъ бытъ согласно ?
 Чшо шоль несносное примѣшилъ шы во мнѣ ?
 Въ какой я , покажи , обличенъ винѣ ?
 Я шѣмъ ли предъ шбой , я шѣмъ ли погрѣшила ,
 Чшо не крушивъ себя , любовь свою ошкрыла ?

Д Е М О Ф О Н Т Ъ .

Чѣмъ шы безвиннѣ , драгая , предо мной ,
 Тѣмъ больше множишя порокъ мой предъ шбой ;
 Но шы мнѣ ошпусти шоль шяжко погрѣшенье ,
 И щедрой прослыви на свѣшѣ чрезъ прощенье .
на колѣни становится

Ф И Л Л И Д А .

Ахъ , что желаешъ шы еще меня крушишь ,
 Съ надеждою во мнѣ и мѹку обновишь ?
 Непостояншвомъ какъ , о какъ швоимъ шерзаясь !
 Прошедшимъ мучусь я и будущимъ смущаюсь !
 Иль волею въ другой обманъ себя ошдамъ ?
на сторону

Носмерть мнѣ не просишь , просишь мнѣвѣчнойсрамъ .

Д Е М О Ф О Н Т Ъ .

Проспи !

И

Д Р А .

ДРАМЕТЪ.

Дражайшія сердца соединитесь,
И нѣжныя любви законамъ покоритесь.

КРЕУЗА.

къ Филлидѣ

На жалость преклонись.

ФИЛЛИДА.

О какъ мой духъ смущенъ!

ДЕМОФОНТЪ.

Увѣрь, дражайшая, увѣрь, что я прощенъ.

ФИЛЛИДА.

На что меня твои вопросы принуждаютъ?

Не ясноль слабости мои тебѣ являютъ,

Ощущанье и скорбь, и слабая гроза

Смущенныя слова и полны слезъ глаза!

поднимаетъ

Свирѣпой, торжествуй: ужè я признаваюсь,

Что щедрию въ спраси я передъ тобою скрываюсь.

Еще тебя люблю, хотя ты измѣнилъ.

Ахъ, чтобъ я сдѣлала, когдабъ ты вѣренъ былъ!

Хоть вѣрности твоей едва я ожидаю;

Но радость всю въ тебѣ и счастье полагаю.

Въ державѣ я своей пріемлю твой законъ,

Вручаю сердце, жизнь, опечество и шронъ!

ДЕМОФОНТЪ.

Хотя о такомъ прощеньи сомнѣваюсь,

Что въ нескazanномъ я порокѣ признаваюсь;

Но страхъ отъемлетъ мнѣ возлюбленный швой видѣ,
 Залого склонности швоей просишь велишѣ.
 Позволь, дражайшая, приняшь свою мнѣ руку,
 И вовсе испреби мою сердечну муку.

принявъ руку цѣлуетъ

Коль долго я сея держуся на землѣ,
 Толь долго, небо, мнѣ бышь щастливу вели!
 Я принялъ чрезъ нее спасенье отъ пучины,
 Ее я лобизалъ избавясь отъ кончины.
 Я ею первой знакъ любви получилъ.
 Кому нещастной, ахъ! кому я измѣнилъ?
 Ты всѣ прошивности мои позабывая,
 Преступнику даешь прощеніе, драгая!
 Безсмертные, когда осшавлю я ее,
 Мое исторгните отъ свѣта бышіе.
 Пусть Поншъ пожретъ меня свирѣными волнами,
 Когда желанный брегъ ужь будетъ предъ глазами;
 Пусть буду на пустомъ песку не погребенъ,
 Отъ ишидъ и отъ звѣрей на часши расхищенъ!

ДРАМЕ ТЪ.

Любови обновивъ союзъ неотѣненный,
 Ужь время поспѣшать вамъ въ пушь опредѣленный.

ФИЛЛИДА.

Отъ Полимнеспора какъ можемъ ушайшь?

ДЕМОФОНТЪ.

Любовь моя, любовь все можешъ побѣдидшь!

Конецъ третьему дѣйствію.

И а

дѣй.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПОЛИМНЕСТОРЪ и ИЛІОНА.

ИЛІОНА.

Какое щастіе себя ко мнѣ ведешь,
Ошѣ коего мой духъ еще оспрады ждешь!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я здѣсь искалъ себя.

ИЛІОНА.

Ужель спенаній сила

Тебя къ несчастливой на жалось преклонила?

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я видя, что себя сомнѣія мяшущь,
Что мысли разныя себѣ предѣла ждушъ:
Пресѣчь и рушишь ихъ, Царевна, поспѣшаю!
Тебѣ шо будешь все пріятно, уповаю.

ИЛІОНА.

О небо, возсіай въ мою зашмѣнну грудь,
И сердцу шомному дай нынѣ отдохнушь!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я не пришелъ къ тебѣ, чтобъ льстивыя обманы
И сладкой ядѣ влагать для большей скорби въ раны.
Но искренность моя не можешь ушайшь
Того, что боги мнѣ велѣли совершить;

Я

Я вѣрность обѣщаль хранить тебѣ неложно,
 И сохранялъ всегда, коль долго было можно.
 Когда бы я къ тебѣ любви не имѣлъ,
 Когдабъ сердечной жаръ и нынѣ не кипѣлъ,
 То могъ бы я сказать, что клялся я заочно,
 И кляшву преслупишь мнѣ можно безпорочно;
 Сказалъ бы, что не знавъ я швоего лица,
 Не красоту швою, но представлялъ ошца,
 Богатштво представлялъ и вѣ славной силѣ Трою,
 И все, что было вѣ ней, я называлъ тобою.
 Но я довольствуясь достоинствомъ швоимъ,
 Гнушаюсь, помня честь, подлогомъ шаковымъ.
 И жалость и любовь къ тебѣ меня шерзаетъ,
 И гнѣвной мнѣ ошвѣтъ отъ олшара смущаетъ!
 Ахъ, ешъли бы и шо подобной былъ подлогъ,
 Ахъ, ешълибъ я и шо почѣсть вѣ неправду могъ,
 О! ешълибъ преслупишь возмогъ я безъ боязни,
 Ни мнѣ ниже тебѣ не ожидая казни,
 Что далъ отъ олшара мнѣ шрогою Марсѣ вѣ ошвѣтъ!

И ДІОНА.

Къ надеждѣ ли меня иль къ пагубѣ влечетъ!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Съ одной страны тебѣ надежду обѣщаетъ,
 Съ другой страны мое желанье пресѣкаетъ.
 Черезъ Грековъ небеса повергнули Троянъ,
 Черезъ Грековъ же хошашъ и исцѣлишь отъ ранъ;
 Ихъ шѣны обновить Героя посылають,
 И красоты швоей меня они лишаютъ;

Велятъ , которую я воспихалъ , любить ;
 Тебя , дражайшая , ихъ волѣ поручить ,
 Ихъ волѣ и шому , кшѣ воспалинъ шобою ,
 Дежаду обѣдалъ шебѣ воспавишь Трою .

И Д І О Н А .

Возможноль , чшобы шѣжѣ наеѣ боги сочешашъ
 Хощѣли , и шощѣ часѣ невинно разлучашъ ?
 И можешъ волѣ ихъ не медля согласишься ,
 Какѣ ежели она прошиѣтъ швоей спремится ?
 Не смѣешъ прошиѣтъ ней шы слова испустишь :
 Ахѣ , шѣмѣ ли хочешъ шы невѣрность ушайшь ?
 Вошще ко храму ложѣ прибѣжище имѣешъ ;
 Сквозь свяшоспи покровѣ коваршва ядѣ чернѣешъ .
 Ты видомѣ лишѣ однимѣ послѣдуешъ богамѣ ,
 Но дѣломѣ воспашешъ прошиву оныхѣ самѣ .
 Ты хочешъ скипшрѣ чужой опниашъ , не ушрашашъ ;
 Но еѣ прономѣ упадешъ , не право возвышашъ .
 Пускай чшо можешъ шы вѣ продерзоспи ушѣшь ,
 И младосшѣ нѣжную шيرانшвомѣ одолѣшь ;
 Какую чаешъ вѣ шомѣ себѣ имѣшь забаву ?
 Какую можешъ шѣмѣ снискашъ на свѣшѣ славу ?
 Ты ненавистшю ошвсюду окруженѣ ,
 И люшыми смершми по всякѣ часѣ ушрашенѣ ,
 Ошѣ шой самой спрашашъ , душею возмушишься ,
 Для коей прешупишь присягу не боишься .
 Но правда чисшая всегда предѣ шѣмѣ сквернѣ ,
 Вѣ комѣ злосшѣ прокляшашъ живешѣ вкоренена .

Когда

Когда бы ты еще имѣлъ любви хоть мало,
 И сердце бы ко мнѣ хотя легко пылало;
 То могъ либѣ ты снести, что бы кровавой Грекъ
 Опѣ взору своего въ полонѣ меня повлекъ;
 Дабы памѣ въ торжествѣ оиѣ могъ меня представишь,
 И сопоставѣ себя въ отечествѣ прославишь;
 Дабы съ презрѣніемъ народъ увидѣлъ памѣ,
 Котору поручилъ тебѣ въ чертогѣ Пріамѣ?
 Не лучше ли сказать, что нынѣ Иліона
 Не блещетъ славою отеческаго трона,
 Что нынѣ не льстятъ внѣцѣ и не смущаетъ страхъ,
 Что въ Греческихъ гремѣлъ опѣ Гектора полкахъ?
 Ты чаешь, что оиѣ мершеѣ? оиѣ живѣ, уже всаваешь:
 Земля предѣ нимѣ врага, пряхнувшись, отверзаетъ!
 О Гекторѣ! послѣшай, и за сестру отмсти,
 И брата своего въ младенствѣ защити!
 Оружіемъ звучишь, огнемъ вооруженъ!
 А ты, предасель мой, еще не успрашенъ?
 Мечемъ ужь надѣ своею оиѣ головой сверкаетъ.
 Коль темна ночь глаза и духъ мой помрачаетъ!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Ахъ, истиненъ твой гнѣвъ! я лютой твой ширанъ!
 Но волей ли моей союзъ любви поцранъ?
 Столь много рѣчь швоя меня не укоряетъ,
 Какъ совѣсть внутрь грызетъ меня и обличаетъ!
 Я строгой бы гошой прошивишься судьбѣ,
 И въ жершву принесши себя одной шевѣ;

Но вижу, что себя спасти лишь начинаю,
Я больше шѣмъ тебя бездѣшну погубляю.

ИДИОНА.

О жалость звѣрская, жалѣшь и убиваешь!

Незлobie мое ты можешь презираешь?

Я въ самой часѣ, когда ты люшими устами

Священный рвешь союзъ положенный межѣ нами,

На ненависть себя принудишь не могу,

И нудясь, на свое шебѣ я сердце лгу.

Но больше не хочу спарашься бышь любезна.

Ужѣ моя къ шебѣ надежда бесполезна!

Блещаетъ съ красотою Филлидиной вънецѣ,

Миѣ слѣзы лишь однѣ оставилъ мой отецѣ!

Безчеловѣчной, что ты очи опшрацаешь?

Ты щещными со мной минушы всѣ считаешь.

Ужѣ ты не меня, но и себя забылъ:

Твои всѣ мысли съ той, которой ты послылъ.

Съ ней сердцемѣ говоришь, ей слѣдуешь глазами:

Я больше скучными не удержу словами.

Поди, и ей клянись, какѣ прежде клялся миѣ,

Свидѣтели всему на небесахѣ однѣ.

Я знаю, что они того не позабыли,

Какое они союзѣ межѣ нами ушвердили.

Ты чистой жарѣ ко миѣ безстуднымѣ погаси,

И сердце предѣ олшарь преступно понеси.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я съ онымѣ приступишь къ богамѣ не обвинуюсь,

Когда ошвѣшу ихѣ и волѣ повиуюсь.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ II.

ИЛІОНА *одна.*

Чего не можетъ злость прокляша предпріять?
 Велишъ, забывъ вражду, за Грека посягаешь!
 Велишъ мнѣ позабышь ошечества паденье,
 И брашей и сестры несносное мученье.
 Какъ Гекторъ былъ попраиъ, лишенъ по смерти гроба,
 Какъ мапери моеи расперзанна ушроба,
 Пронзенный какъ Пріамъ предъ олшаремъ лежалъ,
 Въ сыновней и въ своей крови живощъ скончалъ!
 Какъ мнѣ не предспавляшь шу ночь безчеловѣчну,
 Чшо день Троянскій въ ночь перемѣнила вѣчну?
 И люшыхъ хищниковъ шоржешшвовавшихъ крикъ,
 Кошорой мнѣ и здѣсь наносишь шрахи великъ.
 Какъ Греки нашихъ шѣи освѣщены пожаромъ,
 На пагубу Троянъ шѣшили въ буйшшвѣ яромъ;
 Черезъ сродниковъ моихъ шпремилися шѣла,
 Изъ коихъ по землѣ густая кровь шекла.
 Въ шакой ли оппустилъ чершогъ меня родишель?
 Такой гошовишь бракъ, о люшый, мнѣ, мучишель!
 Однако шѣмъ своихъ очей не насладишь;
 Ты въ ровъ влечишь меня, но самъ надъ нимъ стоишь.
 Пронжу мечемъ, когда любовь не уязвила?
 Но мѣщи слабыя мнѣ недовольна сила.
 Онъ долженъ пагубу увидѣвъ возшпенать,
 Вошде раскаяшсь, безъ пользы духъ опдашь.
 И мѣшь моя ничшо, когда онъ не узнаетъ,
 Чшо мѣку отъ моеи руки прешерпѣваетъ.

Ужь время; что спою? но что хочу начать?
 Я бышь гнушаюсь здѣсь, и прочь не шдусь бѣжашь.
 Еще смущеннымъ я умою шого не вижу,
 Люблю ли я его или я ненавижу!
 Съ какимъ презрѣнемъ оставилъ онъ меня!
 Пусшилъ ли каплю слезъ, вздохнулъ ли ошходя?
 Но въ слабомъ сердцѣ семъ еще онъ пребываетъ,
 Въ опчаяннй еще надежда мнѣ сѣяетъ.
 Но въ чемъ надежду я еще имѣшь могу?
 Онъ въ сердце вкоренилъ во вѣкъ ужѣ другу!
 Одна надежда мнѣ, надежды всей лишишься,
 И съ брашомъ въ шѣжѣ мѣстѣ несчастливимъ укрывься,
 Укроюсь? и своихъ не наслажду очей,
 Какъ будешъ жизнью гнушашься онъ своей?
 Когда безвиннаго онъ вмѣсто Полидора
 Сыновняго прельщенъ во вѣкъ лишишься взора,
 Какъ въ Греческихъ рукахъ заплачетъ Деифилъ,
 Котораго ошецъ на муку имъ вручилъ?

ЯВЛЕНІЕ Ш.

ИЛІОНА и МЕМНОНЪ.

МЕМНОНЪ.

Ты жалобы оставь, Царевна, бесполезны:
 Помогунъ ли шебѣ шеперь пошоки слезны?
 Троянскіе спасашь остатки послѣшай,
 И брата ошъ руку прошивничей скривай.

ИЛІО-

ИДИОНА.

Когда уже и здѣсь мы не нашли защиты,
 То кѣмъ несчастные мы можемъ бышь покрыты?

ЯВЛЕНІЕ IV.

МЕМНОНЪ *одинъ.*

Какъ въ свѣтѣ всѣ дѣла преобразуетъ рокъ!
 Сего дня сверженъ внизъ, кто былъ вчера высокъ;
 Сей часъ намъ радостенъ, но слѣдующей слезенъ;
 Тотъ вечеромъ послылъ, кто ушромъ былъ любезенъ.
 Давно ли Трой верхъ касался облаковъ,
 Гдѣ нынѣ смрадными костями наполненъ ровъ?
 Давноль со славой дочь Пріамову встрѣчали,
 Что нынѣ отверженна шерзается въ печали?
 О ты величества и бѣдности примѣръ!
 Подобіе небесъ, подобіе пещеръ!
 О Троя, ты сердца Геройскія родила,
 И въ пепелъ своемъ уладши ихъ покрыла!
 На что оставленъ здѣсь съ сестрою Полидоръ?
 На что не погребенъ среди Идейскихъ горъ?
 Ахъ, лучшебъ со стѣнъ низринушу разбишься,
 И ей въ крови своей невинной обагришься,
 Со бранными костями соединясь лежашъ,
 И купно пепелъ свой съ отеческимъ смѣшашъ,
 Какъ нынѣ приклонишь куда главу не зная,
 Не видѣшь горести неслыханныя края!

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ V.

ДЕМОФОНТЪ и МЕМНОНЪ.

ДЕМОФОНТЪ.

Что медлишь здѣсь одинъ, любезный мой Мемнонъ?
И что изъ глубины шмы выпускаешь стонъ?

Никакъ препятствія въ намѣренія случились;

И наши тайные совѣшны ужь открылись?

МЕМНОНЪ.

Опасности ни въ чемъ не видно никакой,

И флотъ къ осуществію совѣмъ исправленъ швой;

Филлида на него по всякой часъ взираетъ,

И по стопамъ твоимъ во слѣдъ ищи желаетъ.

Лишь цолько шмой швомъ суда покроешь ночь,

Отъ нашихъ береговъ пушись щасливо прочь.

Въ осуществіе швое, въ осуществіе Филлиды

Правленіе земли другіе приметъ виды.

Дополъ Князю я отъ ревности служилъ,

Пока онъ правду самъ и искренность хранилъ.

Но нынѣ онъ свои законы преспунаетъ,

И шѣмъ отъ нихъ меня и прочихъ свобождаетъ.

Ты ревность искренню къ Царевнѣ сохрани,

И ушвердивъ престолъ въ Аѣинахъ не косни;

Вспоминай всегда мое послѣдне слово:

Здѣсь сердце подданныхъ принявъ себя готово.

ДЕМОФОНТЪ.

Ты въ пользу способы намъ всѣ употреби,

Прости, и обоихъ въ осуществіи любя.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДЕМОФОНТЪ и ФИЛЛИДА.

ФИЛЛИДА.

Ты видишь, что себя я ради предприѣмлю?
 Дерзаю чрезъ валы ипши въ чужую землю!
 Не Полиместора я усстрашась бѣгу,
 Но взору швоего лишисься не могу.
 Хотя пучины я бурливой усстрашаюсь;
 Но и въ опасности съ тобой не опасюсь.
 Когда шы миѣ не льспишь, когда шы вѣренѣ миѣ,
 То вѣренѣ будешѣ намѣ и пушь во глубинѣ.

ДЕМОФОНТЪ.

Хоть шягосшны шруды, но наградишѣ ошрада,
 Когда постигнемѣ мы ошеческаго града.
 Коль радосшно тебя увидишѣ шамѣ Тезей!
 Какое множесшво сберешся шамѣ людей!
 Признаки по пушямѣ побѣдѣ моихѣ пошавяшѣ,
 И пѣсни брачныя къ шоржесшвеннымѣ прибавяшѣ.
 Прекрасно солнце! шы зайди за глубину,
 На горизонтѣ пуспи скорѣе шыму ночну:
 И прежде не блиспай пресвѣшлыми лучами,
 Пока сей брегѣ ошѣ насѣ не скроешся валами;
 Сей брегѣ, ошѣ коего мы нынѣ прочь бѣжимѣ,
 Но неошступно внушрь сердецѣ его держимѣ.
 Межь шѣмѣсѣ Мемнономѣ скрышья долженѣ намѣ дорогу,
 Чшобѣ, ежеь Княжескѣ полкѣ ударишѣ вдругѣ шревогу,
 Успѣ.

Успѣли въ городѣ намъ вѣрные полки
 Спасли насъ отъ его коварныхъ руки.
 Пожди, дражайшая, пожди меня минушу.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ФИЛЛИДА, и КРЕУЗА.

ФИЛЛИДА.

Оставшись, чувствую поску на сердцѣ люшу.
 Любезная ко мнѣ, Креуза, ахъ! поди,
 И въ ожиданіи мнѣ время проводи.
 Чшо смущной въ землю взоръ, унывши, потупляешь?
 Ты спонешь! ахъ! о чемъ? ты слезы проливаешь!
 Далекаго пуши, драгая, не спрашись,
 Забудь все, и моимъ примѣромъ укрѣпись.

КРЕУЗА.

Не пущь меня, не пущь далекой устращаетъ,
 Но блиская бѣда всѣ чувства ошягчаетъ.
 Коль много терпишь зла отъ нѣжной прошоты!
 О коль коваренъ онъ! о коль злощастна ты!
 Нигдѣ надежды нѣтъ, нигдѣ намъ нѣтъ успѣху!
 Намъ ошнлѣ въ скорби рокъ послѣднюю ушѣху!

ФИЛЛИДА.

Прешанъ смущашъ меня, безвременно шайсь.
 О! какъ я извинюсь, когда увѣдалъ Князь?
 Но Демфоншѣ ко мнѣ поспѣшно возвратишся.

КРЕ-

КРЕУЗА.

Ты больше на него не можешь положиться!

ФИЛЛИДА.

Ахъ сѣрдца не пронзай

КРЕУЗА.

Хоть поздно, будешь знать,
И время не велишь нещасья умолчать.

ФИЛЛИДА.

Коль долго, небеса, вы будете мнѣ строги!

КРЕУЗА.

Я мимо проходя Троянскіе чертоги,
Увидѣла, спѣшишь изъ нихъ къ судамъ Драметъ,
Младенца на рукахъ закрышаго несешь,
И озирается спрашливыми глазами.
Я видя шушь рабу обмышую слезами,
Спросила, для чего она спойшь смущна?
Отвѣстшвовала мнѣ: Царевна предана!
И князь не убоясь ни Бога ни закону,
Въ супружество даетъ другому Иліону,
И придетъ, говорящъ, поспѣшно Демофонъ,
Безсчастну шайно взять и увести чрезъ Понъ!

ФИЛЛИДА.

Ахъ! люшой мой злодѣй, какъ могъ ты пришвориться?
И какъ посмѣла я на лживомъ ушвердиться?
Но помощи ужъ нѣтъ! Креуза, ахъ, спѣши,
И ебъ зломъ ошчаянни нещасной послужи;

Вели

Вели пуспншься въ Поншѣ споящнмѣ подѣ горами,
И воздухѣ огуспншь горящнми спрѣлами,
Чшобѣ шучей огненной покрывнсь корабли.
Не медлн.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ФИЛЛИДА *одна.*

Есть ли кшо лукавѣи на землѣ!

Меня оставнвѣ здѣсь въ прѣяшной шоль надеждѣ,
И больше нѣжнoshi мнѣ показавѣ какѣ прежде,
Вѣ послѣдни изѣ моихѣ пошелѣ прельщенныхѣ глазѣ!
О люшая судьба! о коль свнрѣпой часѣ!
Я швоего спюѣ прихода ождаю,
Когда вѣ пушь за шобой послѣдуешѣ другая!
Но шы продерзской самѣ почувшвуешѣ шоску:
Огнемѣ вѣ срединѣ водѣ я пушь швой пресѣку.
Когдажѣ не возмогу, шо кровь моя спруями
Тебя изоблнчншѣ, кнпя во слѣдѣ сѣ волнами.

Конецѣ четвертому дѣйствію.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

ФИЛЛИДА, МЕМНОНЪ и КРЕУЗА.

МЕМНОНЪ.

Багряные лучи закрыла ужь заря,
 Изъ глазъ отбемлешъ ночь и землю и моря.
 Я съ мракомъ вдругъ имѣлъ и мысли помраченны,
 И предсавлялъ въ умѣ полки вооруженны,
 Дабы тогда, какъ ты плывешь между валовъ,
 Присудствовала мной у здѣшнихъ береговъ,
 Чтобы Оракіане тебя здѣсь ощущали,
 Хотя бь опшеснвіе швое отсюду знали.
 Но нынѣ я себя увидѣлъ здѣсь еще!

ФИЛЛИДА.

Намѣренья мои погибли всѣ вопще.
 Я вѣрила словамъ, Мемнонъ, ахъ, полнымъ яду!
 Теперь мнѣ кто подастъ опчаянной опраду?

МЕМНОНЪ.

Какая нынѣ скорбь мрачѣтъ швой снова духъ?

ФИЛЛИДА.

Такою наглосью не оскорбленъ швой слухъ?

МЕМНОНЪ.

Какою?

ФИЛЛИДА.

Демофонтъ съ Троянкой прочь отходитъ,

И въ пагубу меня конечную приводитъ!

I

МЕМ-

МЕМНОНЪ.

Не представляй себѣ несчастія сего
 Но къ намъ Драметъ спѣшитъ : увѣрься отъ него.

ЯВЛЕНІЕ II.

ФИЛЛИДА, МЕМНОНЪ и ДРАМЕТЪ.

ДРАМЕТЪ.

Царевна, корабли стояшъ готовы къ бѣгу,
 И только ждущъ они тебя одной со брегу.
 Способной Аквилонъ, покрытой горизонтъ,
 Къ отшествію съ тобой имѣшъ Демофонтъ.

ФИЛЛИДА.

Троянкѣ буду я послѣдовашъ рабою?
 Я волею пойду какъ плѣнница съ нимъ въ Трою!
 Оставляя свой престолъ, я буду тамъ взиращъ,
 Какъ будешъ онъ себя на царство съ ней вѣнчашъ?

МЕМНОНЪ.

Я вижу, мнѣніе тебя перзаешъ ложно.

ДРАМЕТЪ.

Пріамова дочь здѣсь.

ФИЛЛИДА.

Какъ бышь тому возможно?

Когда ты брата взялъ ужè на корабли,
 Сеспра ли отъ него осталась на землѣ?

ДРАМЕТЪ.

Ужè теперь шайшь не дозволяешъ время.
 Тебѣ извѣстно, что Троянско Грекамъ племя

Про-

Противно на сердцахъ , ужасно на поляхъ :
 Остатки онаго еще наводятъ страхъ !
 За тѣмъ я шцился здѣсь младаго Полидора
 Отъ Иліонина во вѣкъ отторгнушь взора ;
 И нынѣ я могу ужь Грекамъ показашь ,
 Что Троя больше ихъ не можешъ устрашашь .
 Троянскія возшашь не могушъ больше спѣны :
 Не можешъ впредь Парисъ похишишь въ нихъ Елены .

ФИЛЛИДА.

Ахъ , коль ужасна вѣсть ! какъ бѣдство опсрашишь ?

МЕМНОНЪ.

Ахъ небо , какъ могло сіе ты попустишь ?
 Нещасная сестра какую скорбь перпѣла !

ДРАМЕТЪ.

И кровь во мнѣ самѣмъ отъ жалости кипѣла ,
 Какъ въ Иліонинѣ я посмѣлъ вступишь чертогъ ;
 Но воли преступишь ошечества не могъ .
 Она едва въ слезахъ промолвила , рыдая :
 Когда насъ истребитъ судьбина хочешъ злая ,
 Когда насъ предаетъ , кто долженъ защищать ;
 Осталось отъ самихъ враговъ оспрады ждашь .
 Отъ рукъ неправедныхъ покройте бѣдныхъ , Греки !
 Хоша свирѣпы вы , однако человекъ .
 Отъ васъ я избѣжавъ , вселилась межъ звѣрей ,
 Чтоносяшъ на себѣ лишь видъ одинъ людей .
 Промолвила , и мнѣ сама вручила брата .

МЕМНОНЪ.

О скверная злѣба могущества и злата!

ФИЛЛИДА.

Но гдѣ мой Демофонтъ?

ДРАМЕТЪ.

Чшобъ шы могла припши

Безбѣдно на суда, ошъ брегу по пуши

Оиъ ставишъ стражей самъ: за шѣмъ что вѣпрѣ
способной

Прибавилъ много силъ вѣ часѣ кѣ плаванию удобной.

ФИЛЛИДА.

Креуза, отвратишь нещастье поспѣвши,

И рѣки злонныя ошъ гнѣва удержи!

КРЕУЗА.

Раскаянье швое едваль ужѣ не познаю.

О небо, проводи безѣ казни время грозно!

ЯВЛЕНІЕ Ш.

ФИЛЛИДА, ИЛІОНА, МЕМНОНЪ и ДРАМЕТЪ,

ФИЛЛИДА.

увидѣвъ Иліону.

Коль неразумно злюсь, любезной, на тебя!

ИЛІОНА.

Царевна, ошъ меня что хочешь скрывать себя?

Не скучнымъ досадашь кѣ тебѣ иду я споромъ

И не зависплымъ о щастьѣ разговоромъ;

Но

Но слѣзы горькія передѣ тобой пролишь,
 И бѣднымъ помощи въ гоненіи просишь,
 Невинной Полидоръ на пагубу отъ муки,
 И изъ тиранскихъ взявъ въ противнически рѣки.
 Одинъ вашъ будетъ путь, но разной тамъ конецъ.
 Его свирѣпа смерть, тебя тамъ ждетъ вънедѣ!
 Ты вѣдая меня и мыслями въ томъ невинну,
 Чшобъ я къ смущеніямъ швоимъ дала причину,
 Драгая, не имѣй ко мнѣ на сердцѣ зла;
 Но помня, каковѣ любовь межъ насъ была,
 Ты будь поверженнымъ защита и подпора,
 Предшашельствомъ спаси отъ смерти Полидора.
 Достигни щасливо себя желанныхъ странъ,
 Чшобъ мучился, лишась надежды, нашъ тиранъ.

ФИЛЛИДА.

Я чувствовашь могу болѣзнь швою сердечну,
 Коль пятосшно нести злосшь шоль безчеловѣчну!
 Но шомъ, кшо долженъ самъ спасенія искашь,
 Какъ можешъ оное другому обѣщать?

МЕМНОНЪ.

оборотясь на сторону.

Чшо ночи шемношу надѣ моремъ прогоняешъ?

ФИЛЛИДА.

Ахъ, люта злосшь мою надежду пресѣкаетъ!

ДРАМЕТЪ.

Чѣмъ небо намъ грозитъ!

ФИЛЛИДА.

Гдѣ помощи искашь?

Слѣши со мной, Драмешъ, спасашь и умирашъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ИЛІОНА и МЕМНОНЪ.

МЕМНОНЪ.

Недастье наши всѣ совѣшны разрушаетъ ,
 И предпріяшой пушь Филлидѣ запираетъ .
 Горитъ нещаснаго , ахъ ! Демифонша флотъ ,
 И помощи лишенъ среди глубокихъ водъ !
 О ! сжалъшесь вы хошя , морскія , сжалъшесь , вбаны ,
 Возстанъше на пожаръ , возстанъше гнѣва полны .
 Дождевны облаки , о небо , расшвори ,
 И вихри пламенны пошопомъ усмири !
 Но крикъ при берегахъ и большій страхъ отъ треску
 И умноженіе сіянія и блеску
 Погибелію намъ отчаяннымъ грозятъ .

ИЛІОНА.

Теперь прошивникамъ за Трою боги мшяшъ .
 Когда они Троянъ державу разрушили ,
 Свирѣпствомъ и боговъ ко гнѣву побудили .
 Они ихъ опшустивъ отъ нашихъ береговъ ,
 Хотятъ всѣхъ погубишь среди крутыхъ валовъ .
 А ты объ нихъ , Мемнонъ , печалъсь , воздыхаешь ;
 Ты Трою раззоряшь шираннамъ помогаешь .

МЕМНОНЪ.

Когда бы вѣдала намѣренъя мои ,
 Оставила бы ты роншанія свои .
 Кшо можешъ ближе всѣхъ къ Пріамову бышь шрону
 Какъ шощъ , кому онъ самъ вѣ чершогъ далъ Иліону !

И

И кто Ликурговъ здѣсь наслѣдникъ долженъ быть,
 Какъ тотъ, кого могла Филлида полюбить?
 Я обое къ концу привешу желанъ, Царевна;
 Но вижу, рушишь все въ концѣ судьбина гнѣвна.
 Въ коварныхъ умыслахъ успѣхъ имѣешь Князь!
 Какъ можешь дашь опившись Филлида возвращаясь?
 Флотъ нынѣ Греческой ему ужь не ужасенъ:
 Въ желаніи своемъ онъ будетъ безопасенъ.
 Неизбѣжимая себя грозилъ бѣда.
 И мнѣ, безсмертные, достойна ли мзда?
 Кто нынѣ насъ спасетъ?

ИЛІОНА.

Тотъ бѣдство презираетъ,
 Кто больше ужь себя спасенія не чаешь.
 Ни молнія меня, ниже Зевесовъ гнѣвъ,
 Не можешь устрашить: ударь не укосишь!

ЯВЛЕНІЕ V.

ИЛІОНА, ПОЛИМНЕСТОРЪ и МЕМНОНЪ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Аѣинской флотъ горитъ!

къ Иліонъ

Ты здѣсь! и гдѣ Филлида?

ИЛІОНА.

Гнушаясь своего несноснаго ей вида,
 Ни пламени ни водъ бѣжитъ не устрашась;
 Я здѣсь, и чшобъ себя шоской шерзашъ, спаслась.

I 4

ПОЛИМ-

ПОЛИМНЕСТОРЪ.
 Нечаянная мнѣ и строга переменна,
 Которою скорбишь душа моя смущенна!

МЕМНОНЪ.

Теперь услышимъ мы, къ чему насъ рокъ влечетъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПОЛИМНЕСТОРЪ, ИЛІОНА, МЕМНОНЪ И
 ВѢСТНИКЪ.

МЕМНОНЪ.

Какой судьба конецъ смятеніямъ дастъ?
 Чѣмъ пламень намъ грозить, свирѣществуя надъ Пон-
 тиомъ?

ВѢСТНИКЪ.

Филлиды больше нѣтъ съ любезнымъ Демофонтомъ!
 Лишились жизни!

МЕМНОНЪ.

Ахъ!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Несносной мнѣ ударъ!

ИЛІОНА.

Ахъ! какъ плачевныя погасъ любви жаръ?

ВѢСТНИКЪ.

Толь много бѣдствѣ сказашъ лишь только начинаю,
 Ошкуду мнѣ начашъ, я въ ужасъ не знаю!
 Когда покрыла ночь со флосомъ глубину,
 Мы ждали на него Филлиду лишь одну.

По-

Поставивъ Демфоншѣ суда ко берегу спроемъ,
 Чшобы любезную привести на нихъ съ покоемъ,
 На встрѣчу къ пристани лишь ѣхашъ поспѣшалъ,
 Куда ее привести Драмеша онѣ послалъ:
 Внезапно изъ за горъ шамъ вѣсла зашумѣли,
 И стрѣлы огненны до облаковъ взлѣшѣли;
 Упали съ высоты на насъ какъ сильной градъ.
 Уже на корабляхъ снаряды всѣ горяшъ!
 Плающъ парусы, валяшся райны въ море,
 Въ дыму и въ шумѣ шамъ лишь только слышно; горе!

И ДІОНА.

О коль великой страхъ!

МЕМНОНЪ.

О люшая гроза!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Объемлетъ сердце хладъ и мракъ мои глаза!

ВЪСТНИКЪ.

Тамъ вихри по водѣ свирѣпы закружились;
 Прошивны дѣѣ на насъ стихіи согласились,
 И каждой шамъ ударъ огонь въ валахъ раждалъ,
 И влажностію жаръ и пламень умножалъ.
 Иныхъ пожгла огня неукрошима сила,
 Иныхъ несытая пучина поглотила.
 И какъ я съ корабля старался въ ботъ сойши,
 Я Демфонша вдругъ увидѣлъ на пуши.
 Пронзенъ, окровавленъ едва уже дышетъ:
 Стрѣла еще въ груди зажженная пылетъ.

Я въ страхѣ возсенавѣ, другихъ на помощь звалъ;
 Ошѣ двухъ смершей испоргѣ, и къ берегу съ нимъ
 присталъ;

Но въ сердцѣ шрети шрепещущемъ оспалась:
 Любезная душа ошѣ шѣла разлучалась.

Еще онѣ, ахѣ! тогда изѣ глубины вздохнулѣ,
 И слабымъ голосомъ Филлиду помянулѣ.

На бѣрегѣ пламенемъ шумящимъ освѣщенный,
 Филлида къ намъ спѣшишѣ, Драмешѣ съ ней усшрашен-
 ный.

Увидѣла его безгласна предѣ собой,
 Старалась во слезахѣ поднять его рукой,
 И рѣчью возбудишѣ хошѣла бесполезной:
 Промолви, Демоншѣ, промолви, мой любезной.
 Онѣ мрачные еще глаза свои отккрылѣ,
 И на нее взглянуѣ въ послѣдни зашворилѣ.

Промолвишѣ силился еще между стенаньемъ,
 Но рѣчь свою пресѣкъ послѣднимъ въздыханьемъ!

И Л И О Н А.

Нещасливой любви нещасливой конецѣ!

М Е М Н О Н Ѣ.

Какѣ будешѣ възрыдашѣ оставленной ошѣцѣ!

В Ъ С Т Н И К Ѣ.

Филлида съ горестнымъ стенаньемъ възгласила:

На шоль, чшобы убишѣ, себя я полюбила?

И шакѣ ли пушѣ пресѣчь шебѣ хошѣла я?

Не шы невѣренѣ, я измѣнница швоя.

Ахѣ пусть бы шы ушолѣ, шы могѣ бы възвращишѣся.

И я ещебѣ могла хошя надеждой льспишѣся.

Теперь

Теперь себя ко мнѣ никто не возвратитъ,
 И только смерть одна съ тобой совокупитъ.
 Промолвила, и вдругъ кинжалъ во грудь вонзила,
 И пушь себя за нимъ со свѣша отворила.
 Креуза рвешъ власы; опчаянной Драмешъ
 Вошше надъ хладными шѣлами слѣзы льешъ.

И Л І О Н А.

Мнѣ поздо смерть ея надежду возвращаетъ.

М Е М Н О Н Ъ.

Ахъ въ ней шеперь Ликургъ вторично умираешъ!

П О Л И М Н Е С Т О Р Ъ.

Теперь мнѣ опняшя надежда до конца!
 Презрѣла шы меня, послушала льщеца!
 И съ нимъ въ опчаяннѣ, о дерзка! умираешъ,
 Однако шѣмъ моихъ желаній не скончаешъ.
 Я сполько на землѣ шевъ прошивенъ былъ,
 Чшо свѣшъ шевъ со мной, Филлида, спалъ не милъ.
 И чшобы мною шы очей не раздражила,
 Прекрасны очи шы во вѣки зашворила.
 Ты опъ меня бѣжишь за Демофоншомъ въ слѣдъ,
 И чаешъ, чшо ужъ шамъ меня швой взоръ минешъ?
 Гнушаешся еще шы послѣ смерти мною?
 Или не смѣю спашъ я шамъ передъ шобою?
 Я слѣдовать шевъ не ушрашусь во адъ,
 И стану шамъ казашъ шевъ прошивной взглядъ.
 Я буду шамъ спенашъ, шрястись въ несносной казни,
 И къ жалосши себя подвигну и къ боязни.

Ты

Ты шамъ, чшобъ отъ меня могла себя укрыть,
 Не можешь ужъ себя въ другой разъ умершвишь.
 Чшо долго смерти ждашъ?

Хочетъ захолатъся.

ИДИОНА

схвативъ за руку.

Пожди еще минушу:

Не всю ты прешеришь на свѣшъ мѹку люшу.

къ вѣстнику.

Младенецъ, что Драмешъ похищилъ на суда,
 Спасенъ ли?

ВѢСТНИКЪ.

Погубилъ огонь или вода.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Безсчастной Полидоръ!

ИДИОНА.

Дѣифилъ неповинной!

Ты люшосши моей, шираниъ, былъ самъ причиной.

Раченѣмъ моимъ закрышъ мой Полидоръ

Отъ злобы швоея Оракійскихъ далъ горъ.

За наглосши швои, за зло непостоянство,

За гордой мнѣ опказъ, за мерзское шيرانство,

Мнѣ промыслъ пособилъ въ сей часъ тебѣ отмстить,

И сына швоего прошивникамъ вручить.

Но мешь сѣя легка явилась предъ богами,

Дѣифила сожгли они между валами.

Мнѣ должно бы его на часши расшерзать,

И расшерзавъ опцу на пиду сына дашь:

Дабы

Дабы къ тому швоя несытая упроба
 Рожденному побой служила вмѣсто гроба.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Ахъ, что еще въ мой глаза блискаетъ свѣтъ?

Филлиды больше здѣсь и Деифила нѣтъ!

Я нынѣ скипетръ, власть и славу презираю,

И только громаго удара лишь желаю.

Еще я не могу боговъ къ тому склонить,

Прошеніемъ на казнь и злобой побудить?

Но смерти что иду на казнь себѣ напрасно?

Я чувствую въ себѣ мученіе ужасно!

Филлида, Демофонъ и шы, ахъ, Деифилъ!

Въ срединѣ сѣрдца миѣ геенну воспалилъ.

Какая кругъ меня бунтуетъ непогода?

То мерзостью моей гнушается природа!

Свѣтила идутъ всѣ обратно на востокъ,

Законы естества преобращаетъ рокъ.

Всѣ боги на меня, что Трою защищали,

За дочь Пріамову прошеѣ меня возспали.

Непшунъ спремитъ на брегъ морскую глубину:

Пожрашь меня бѣжашъ чудовища по дну;

И вѣчные Паушонъ закланы опверзаетъ,

Рыгаетъ въ воздухъ ядъ и звѣзды помрачаетъ.

Зілетъ челюстями несышой Флегетонъ:

Тирановъ слышу шамъ безчеловѣчныхъ спонъ.

Но что еще? между ревущихъ въспровъ споромъ

Является Зевесъ пламенновиднымъ взоромъ.

Межъ

Межъ мрачныхъ и грозой осягощенныхъ тучъ ,
 Изъ рукъ его гремишъ быспрошекущій лучъ.
 Суровая змѣя мнѣ сердце, ахъ ! снѣдаетъ ,
 И внутрь и внѣ болѣзнь и страхъ меня шерзаетъ.
 Разверстая земля , кровавы небеса ,
 Кипящія моря , горящіе лѣса
 На пагубу мою себя приготавлиютьъ ,
 Но въ бездну долго что меня не погружаютъ ?
 Когда меня шерпѣшь не можешъ естество :
 Скончай меня , скончай , о сильно божество !

Конецъ трагедіи.

Х О Р Е В Ъ

Т Р А Г Е Д І Я,

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА.

КІЙ, *Князь Россійскій.*

ХОРЕВЪ, *братъ и наслѣдникъ его.*

ЗАВЛОХЪ, *бывшій Князь града Кіева.*

ОСНѢЛЬДА *дочь Завлохова.*

СТАЛВѢРЬХЪ, *первый бояринъ Кіевъ.*

ВЕЛЬКАРЬ, *налерстникъ Хоревовъ.*

АСТРАДА, *мамка Оснелдина.*

Два стража.

Три воина.

Плѣнникъ.

Дѣйствіе есть въ Кіевѣ, въ Кияжескомъ домѣ.

ХОРЕВЪ ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

ОСНѢЛЬДА И АСТРАДА.

АСТРАДА.

Княжна! сей день тебѣ свободу обѣщаетъ,
Отецъ твой воинствомъ весь городъ окружаетъ,
И хочешь иль себя изъ плѣну свободишь,
Иль всѣхъ своихъ людей подъ градомъ положишь.
Ужъ носится молва по здѣшнему народу,
Что Кій спрашася бѣдствѣ даешь тебѣ свободу.

ОСНѢЛЬДА.

О день! когда ты такъ, день радости и слезъ!
Щедрота поздняя, разгнѣванныхъ небесъ,
Смѣшенна съ казнью и лютою напастью!
Чрезъ нужду бѣду отверзся путь мнѣ къ счастью.
Астрада, мнѣ уже свободы не выдашь,
Я здѣсь осуждена подъ стражей пребывать,

Хотя я нѣкую часть вольности имѣю,
И ошѣ привычки злой прешерпывашь умѣю.
А шамѣ . . . увы! . . .

АСТРАДА.

А шамѣ оспашочный предѣлѣбъ,
Гдѣ множество еще во власти вашей селѣбъ,
Наслѣдїе швое. А шы воздвигнешь плѣмя
Безчадному ошцу. Уже приходишѣ время
Тебѣ достойнаго супруга получитьь,
И падшїй родѣ мечемѣ, ошяшь возшпановишѣ.
Ты будешь машѣ . . .

ОСНЕЛЪДА.

Молчи, непредставляй мнѣ браковѣбъ,
Нещасной мнѣ, кѣшому ни малыхъ нѣшѣбъ признаковѣбъ.
Довольно: я хочу изѣ сихъ пропивныхъ мѣсѣбъ.
О жалосшна спрана! о горешный ошѣвздѣ!
Толкуй мой словѣ, шолкуй мой напашти,
И сожалѣй о мнѣ вѣ шакой суровой часши.

АСТРАДА.

Поняши не могу сей шайны швоея.

ОСНЕЛЪДА.

Теперь ошкроешя шебѣ душа моя,
Но ахѣ! обѣмашѣбъ спыдѣ, всѣ мысли днешь машущя,
И рѣчи шѣ вѣ ушахѣбъ безгласны ошяющя.

АСТРАДА.

Никакѣбъ пошпигла дѣлаюбовь - - -

ОСНЕЛЪ-

О СНЕЛДЪ А.

Приличнѣ мнѣ

Ея заразы знашь, въ печальной сей спранѣ?
О помѣ ли помышляшь Оснелдѣ надлежало?
Но ахъ! вошло мнѣ въ грудь сіе змеино жало.

Ты сказывала мнѣ ощово житіе,

И многажды припомѣ плачевно бытіе,

Какъ смерть голодная народы пожирала,

И слава многихъ лѣшъ, въ одну минушу пала.

Благополучный Кій побѣду одержалъ,

Ощѣвъ мой ошъ него въ пустыни убѣжалъ,

Едину только жизнь въ сей крайности спасая,

Озѣры на конѣ и рѣки преплывая,

Сѣ оставшимъ воинствомъ лѣшъ, горы преходя,

Разбитъ и побѣжденъ изъ степи въ степь блудя.

Моя спеняца мать сыновѣ своихъ лишася,

Въ послѣдокъ и сѣ своимъ супругомъ разлучася,

Услыша злую вѣсть, что Кій какъ вѣшеръ прахъ,

Народъ нашъ размешалъ и въ градскихъ ужѣ врагахъ,

Паденье славы зря прегорько возшеснала,

И кровь свою своею рукою проливала,

И лобызаячи в послѣдніе меня,

Скончала бѣдну жизнь въ сонѣ вѣчный премѣня.

А я въ плѣненіе сіе низвергшись году.

Не помню ни ошца, ни машери, ни роду;

Однако кровь во мнѣ чрезъ все шестнацать лѣшъ,

Какъ поминать я могу, ошмщенье вопіешъ.

Я сказанное мнѣ по бышюе какъ вижу,
 И рода моего убійцу ненавижу;
 Но ахъ! Хоревъ въ шѣ дни хощь и младенецъ былъ,
 Онъ Кію брашъ, увы! - - - а мнѣ Аспрада милъ.

АСТРАДА.

Искореняй сей ядъ, отецъ тебя желаешь.

ОСНЕЛЬДА.

Повѣрь, что дочь ево сей пламень презираешь.
 Какуюбъ надобно сурбовость мнѣ имѣшь,
 Когдабъ опца могла и не хощѣла зрѣшь?
 Оснельда безъ упорствѣ къ родишелю спремится;
 Но духъ, мой слабый духъ рвешъ сердце и мушишся.

АСТРАДА.

Давноль, съ которыхъ дней ты знаешь ету спрасть,
 И непорочный духъ позналъ любви власть?

ОСНЕЛЬДА.

Шестъ мѣсяцовъ ужè о немъ я воздыхаю,
 И слезъ въ моемъ одрѣ потоки проливаю.
 Достоинствы ево и искрення любовь,
 Противъ желанія зажгли незапно кровь.
 Я спала на него охотише смошрѣши,
 Не смысла, что иду въ неисходимы сѣши.
 Искала, чшобы мнѣ съ нимъ вмѣстѣ чаще бышь,
 Чшобъ время горести скоряе проводишь.
 И спало безъ нево вездѣ въ послѣдокъ скучно,
 Желала, чшобъ была съ Хоревомъ неразлучно.
 И въ шо-шо время я узнала спрасть свою,
 Которую еще я опѣ нево шаю.

Я злилась на себя за сей прешупокъ грозно,
И каялась, но что! ужè то было позно.

А СТРАДА.

А естли Кій опдастѣ опцу шебя назадѣ,
И будешь ты должна покинуть ешотѣ градѣ,
Возрадуешься ли родишеля увидя?

ОСНЕЛЬДА.

Возрадуюсь; но жизнь свою возненавидя,
И шолько веселѣ сей одинѣ мнѣ будешѣ часѣ,
Онѣ вѣселу меня одинѣ увидишѣ разѣ.
Но какѣ то ужѣ ни ешѣ, мнѣ льшишѣ сѣя минуша,
Поди, и извѣснись, ужель судьбина люша
Назначила сей день Завлоха облегчиль.
И вѣрь, хошя она и хочешѣ приключиль,
Жестоку мнѣ шоску, чрезѣ жалкую разлуку,
Я бодро шешвую на ешу злую мѣку.

ЯВЛЕНІЕ II.

ОСНЕЛЬДА *одна.*

Кѣ чему ты привела меня судьбина зла!
Кѣ такимѣ ли днямѣ любовь, во мнѣ ты кровь зажгла!
Нещасливымѣ времянѣ жестоки всѣ премѣны.
О домѣ опцовѣ моихѣ! о вы прошивны спѣны,
Кшорыми пришлецѣ сей городѣ оградилѣ!
Земля, вѣ кошорой Кій кровавы шокы лилѣ!
Мѣста, шоль много разѣ слезами орошенны!
Жилище, гдѣ живешѣ Хоревѣ мой драгоцѣнный!

Печалей и утѣхъ собраніе и смѣсь,
 Чемъ слабая душа обремененна днесь!
 Отверзи мнѣ врага любезныя темницы,
 И выпусти меня за Кіевы границы!
 О честь! о долгъ! любовь! мой князь! родитель мой!
 Дѣлите сердце днесь и рушите мой покой!
 А ты о естество! терпи случаевъ ярость,
 И бременемъ своимъ нещасливую старость
 Пошдиися ободрить, когда мнѣ небеса
 Отверзущъ къ жизни пушь въ темные мѣста!

ЯВЛЕНІЕ Ш.

ОСНЕЛЬДА и ХОРЕВЪ.

ХОРЕВЪ.

Готовься къ радостямъ, Княжна, въ сей день желанный,
 Ужъ часъ приближился шобой шоль часто званный.
 Уже открылся пушь тебѣ изъ здѣшнихъ стѣнъ,
 Спуйай и покидай мѣста сіи и плѣнъ.
 Родитель швой въ сей день тебя къ себѣ желаетъ,
 А Кій, мой брата, на то уже соизволяетъ.
 Внимай изъ устъ моихъ желаемый отвѣздъ;
 Но отлучаяся изъ сихъ противныхъ мѣстъ,
 Которыя тебя въ неволѣ содержали,
 Которыя швой стонъ вседневно воспримали,
 Хотя единою ушробой я рожденъ
 Съ Княземъ, кѣмъ отецъ Оснельдинъ побѣжденъ,

Не

Не ставь меня врагомъ; я сколько можно было,
 Неудастье, что тебя подъ спражей бремянило,
 Тебѣ на всякой день старался облегчать - - -
 Ты плачешь: но о чемъ ужъ слезы проливаешь?
 Или вспомнила ты Кіеу досаду?
 Но я прошивнаго тебѣ не подалъ взгляду.

ОСНЕЛЬДА.

Я плачу, что тебѣ безсильна оплалашить;
 Но вѣрь мнѣ, вѣрь мой Князь, гдѣ я ни буду жить,
 Я милостей твоихъ во вѣки не забуду,
 И съ ними вспоминая тебя по гробъ мой буду.
 О солнце, кое я въ послѣдніе здѣсь зрю!
 О солнце, ты то зришь, ошъ сердцаль говорю!
 Ты будь свидѣтель въ томъ, что имя милосердо,
 Доколѣ я жива, пребудетъ въ мысляхъ швердо.

ХОРЕВЪ.

Впослѣдни слышучи возлюбленный швой гласъ,
 И видя предъ собой тебя въ послѣдній разъ,
 Прошу тебя, скажи, скажи Княжна драгая,
 Услуги прежнія мои вспоминая,
 Возмогъ ли сердце я швое когда пронуть?
 И чувствовали шеоя хоть мало грудь,
 Тобой въ моей крови произведенный пламень?
 Но можноть воспалить огнемъ любовнымъ камень!
 Я многажды тебѣ горячность открывалъ,
 Которою меня швой сильно взоръ шерзалъ.
 Ошкрышіе сіе мя паче шягошило,
 Чшо слово на него мнѣ никогда не льсшило;

Однако красота что язву мнѣ дала,
 И во опчаянномѣ умѣ моемѣ жила.
 Я мнилъ, что я рожденъ къ единой только брани,
 Карашъ прошивниковѣ, и налагаши дани;
 Но богѣ любви побой шу ярость умягчилъ,
 Твой взорѣ меня вздыхашъ и въ славѣ научилъ.
 Когда швой глазѣ надежду мнѣ давали,
 А безприсрасшныя словѣ меня шерзали,
 Я слабосши своей спыдился и спеналъ,
 И мыслѣю тогда куды не забѣгалъ!
 Прошивѣ себя, прошивѣ себя вооружался,
 Не зря, себя искалъ, а видя удалялся.
 Я щился много разѣ, чтобѣ мнѣ тебя забыть,
 И мнился иногда уже свободенѣ бытъ;
 Но вспомнивѣ о тебѣ, я чувствовалъ что спрасшенѣ.
 Сей гордый духѣ тебѣ спалъ вѣчно бытъ подвластенѣ.

ОСНЕЛЬДА.

Ахъ! Князь, къ чему ужѣ шо, что я тебѣ мила?
 Къ чему тебѣ желашъ, чтобѣ я склонна была?
 Не мучь меня, не мучь, не извлекай слезѣ рѣки,
 Ужѣ больше не видашъ тебѣ меня во вѣки.
 Когда тебѣ судьба препишѣ меня любишъ,
 Спарайся шы меня изѣ мысли испребишъ.
 Хоша скажу люблю, крашка сѣя ушѣха.
 На что шо начинашъ? не будешъ вѣ томѣ успѣха.
 Будь щасшливѣ, и вѣ другихѣ забавахѣ пребывай,
 Будь щасшливѣ, а меня уже позабывай.

ХОРЕВЪ.

Коль любишь; такъ скажи, исполни мое желанье;
 Пускай останешся хотя воспоминанье,
 Чшо я прекрасну шу, которую любилъ,
 Увы! любовницей изъ глазъ моихъ пушилъ.
 Прибавь симъ жалости, какъ буду жить въ разлукъ.

ОСНЕЛЬДА.

Бывалъ ли кто когда въ такой несносной мукъ!
 Отстань не принуждай мнѣ по себѣ сказать,
 Въ чемъ больше пользы нѣтъ, и стыдъ великъ молчать.
 Ахъ! Князь, какое ты изъ устъ извелъ днесь слово!
 Но можноль ошебчашь тому, кто милъ, сурово!
 Люблю, - - - доволенъ ли? поди изъ глазъ моихъ,
 Оставь меня въ тоскѣ, останься въ мысляхъ сихъ.
 Я воздыханіи швой напрасно пращу.
 Мнѣ время отбѣзжашь, а я лишь только плачу.
 Ищи другой любви, довольно въ свѣтѣ дѣвъ,
 Которымъ будетъ милъ любезный мой Хоревъ.
 Люби, которая имѣшь по щастье спанетъ.
 А ша тебя по гробъ безъ слезъ не вспомянетъ,
 Котору небеса хотѣли наказашь,
 Чшобъ ей тебя по смерть любить и не видашъ.

ХОРЕВЪ.

Ты любишь, а меня на горестъ оставляешь?
 Ты плачешь, а сама отселъ отбѣзжаешь?
 О боги! о Княжна! имѣйте жалость днесь!
 Пребудь надъ градомъ свѣтъ! о свѣтъ останься здѣсь!

ОСНЕЛЬ -

ОСНЕЛЬДА.

Не льстися щещно все, судьбина предпрѣла,
 Чшобъ я себя во вѣкъ опныиѣ не видала.
 По нѣсколькихъ часахъ, куды здѣсь ни пойдешь,
 Нигдѣ ужѣ нигдѣ Оснельды не найдешь,
 И ещяли будешъ шѣнь моя шебѣ казашься,
 Иль имя къ слову гдѣ мое воспоминашься,
 Не буду инако мой Князь въ швоихъ глазахъ,
 Какъ въ горькихъ по шебѣ спенящая слезахъ.

ХОРЕВЪ.

Пребудь драгая здѣсь, когда о мнѣ вздыхаешь,
 Иль въ сердцѣ шы прямой любви не ощущаешь,
 И шолько говоришь нарочно мнѣ маня?

ОСНЕЛЬДА.

Какъ я шебя люблю, люби шы шакъ меня,
 Или не вѣрь, имѣи неправедныя мысли,
 И мнѣ еще сѣю напашь къ бѣдамъ причисли.
 Какихъ шебѣ въ шомъ, Князь, свидѣтелей я дамъ,
 Когда не вѣришь шы очей моихъ слезамъ?

ХОРЕВЪ.

Чего желашься, и чшо намъ шоль прѣшно,
 То кажешся всегда намъ бышь невѣрошно,
 И зришся какъ во снѣ. Но о престрашныи сонѣ!
 Какое множество въ семъ шастїи прелонѣ!
 О часъ! прѣшный часъ! но часъ и купно люшы!
 Какими я могу назвашь швой минушы?
 Безшастными назвашь? мнѣ много шастья въ нихъ.
 За шастливыи прѣнать? чшо злай минушѣ мнѣ сѣхъ!

Оснельда.

Оснелда, естли бракъ любви не разрушаетъ,
 И должностъ пламени въ кровѣ не угашаетъ,
 Почто намъ приключать другъ другу вѣчный сшонъ?
 И что препяшшвуешъ взойшишь тебѣ на тронъ,
 Который ждетъ меня? - - - шы мнѣ не ошвѣчаешъ,
 Иль скипшрѣ свойи въ моихъ рукахъ во зло вмѣняешъ?

ОСНЕЛЬДА.

Престанъ себѣ, мой Князь, надеждою сей льспишь,
 И ахъ! престанъ, престанъ мой разумъ симъ мушишь.
 Судьба меня съ шобой на вѣки раздѣлила,
 И щещно насъ любовь съ шобой соединила.
 Какъ буду я имѣшь въ одрѣ моемъ шаво,
 Чей съ шрона брашѣ отца низвергнулъ моево?
 И шрупы брашѣевъ моихъ влачилъ безшмыдно,
 Взирая на престолъ Завлѣховъ звѣровидно?
 Гражданѣ безъ жалосши своей рукой казнилъ,
 И кровью нашею весь городъ обагрилъ?
 Оснелду въ пеленахъ невольницею оставилъ.
 Перунъ! почто меня отъ смерти шы избавилъ?
 А давъ мнѣ жишь, почто далъ чувствшвовашъ мнѣ честъ?
 Или чшобѣ было мнѣ шрудняе иго несть?
 Мнѣбѣ лучше умерешъ, какъ жишь и бышь въ неволѣ,
 И видѣшь хищника на отческомъ престолѣ.

ХОРЕВЪ.

Сея ли рѣчи я изъ устѣ любезныхъ ждалъ?
 Я швоего отца еше не побѣждалъ;
 Но можешъ бышь - - - увь! шы плачѣ усугубляешъ.

ОСНЕЛЬДА.

ОСНЕЛЬДА.

Какія ты слова со мной упошребляешь?
 Довольствуйся моею ты слабостью, и рви
 Во мнѣ печальный духъ, жестокой въ сей любви.
 Оставь невольницей Оснельду въ жизни слезной,
 Терзай меня, дерись съ оцземъ своей любезной.
 Оружье я сама прошивъ себя дала.

Но вспомни ты: поволя я ошъ тебя ждала.
 Дерись съ оцземъ моимъ доколѣ будешь сила,
 И здѣлай, чшобъ тебя Оснельда не любила.
 Разрушь враждой любовь, будь щасливѣ, побѣждай,
 Вносись моею бѣдой, лишь только разсуждай:
 Прошивъ каво ты Князь ко брани гнѣвъ сугубишь.
 Идешь прошивъ шоя, кошорую ты любишь.

ХОРЕВЪ.

А ештли швой ошедъ позволишь на сѣе? - - -
 Скончай Княжна, скончай мученіе мое.

ОСНЕЛЬДА.

Какую область ты имѣешь надомною!
 Я злобшвѣ не чувшвую мнѣ сказанныхъ шобою.
 Въ тотъ часъ, въ кошорый мнѣ къ тебѣ бышь должно
 злой,
 Ты снисхожденіе вливаешь въ разумъ мой.

ХОРЕВЪ.

На что оно, когда швое шоль сердце спрого?
 Какая шо любовь, еъ чемъ спрогошей шакъ много?
 Княжна! и жизнь моя, и смерть моя въ тебѣ,
 Прими едино ты намѣренье себѣ,

ТЫ

Ты можешь жизнь мнѣ дать, ты можешь умершвиши,
Люби какъ я хочу, или престань любиши.

ОСНЕЛЬДА.

Ахъ! естлибъ я могла одно изъ сихъ избрать,
Не спалабъ я тогда ни плакашь ни вздыхашъ;
Но разумъ мой погибъ, и все меня смущаетъ,
Одно намѣренье другое разрушаетъ.
Отъ воображеніевъ различныхъ згибъ покой,
И не даетъ имѣть мнѣ мысли никакой.
Не знаю что зачатъ, крушусь и унываю,
Что дѣлать вымышляй ты самъ, а я не знаю.

ХОРЕВЪ.

Всесильны небеса подайте помощь намъ!
Оставьте духъ во мнѣ и свѣтъ моимъ очамъ!
Когда родишель твой опмщеніе оставитъ,
И нашъ союзъ народъ отъ пагубы избавитъ,
Которою острѣ мечъ съ обѣихъ странъ грозитъ,
Во гнѣвѣ Божества что бранію разитъ;
Завлоховъ будетъ родъ тобой опять возставленъ,
И твой поносный плѣнъ моимъ вѣнцемъ прославленъ.
А Кій препяшествовашъ не будетъ намъ ни въ чемъ,
Окончева жизнь въ наслѣдїи моемъ.
Теперь пошлетъ пословъ - - -

ОСНЕЛЬДА.

Нѣтъ, Князь, чтобъ было шайно
Сіе согласіе съ тобой необычайно,
Подай черезъ меня Завлоху шайно знашь,
Лишь дѣлай, что бы я могла каво послать.

Пу-

Пускай я гнѣвъ приму, пускай я прѣзрю должность,
И разлучишь меня съ шобою невозможность.

Но для ради себя я все упошреблю,
И покажу шебѣ, что я не лъспя люблю.

ХОРЕВЪ.

Велькарѣ, который намѣ обѣимѣ благѣ желаетъ,
И шайность сей любви еще съ начала знаетъ,
Къ посланію въ сей часѣ предшанетъ здѣсь гоповѣ.

ОСНЕЛЬДА.

Освободи каво въ шемницѣ изъ оковѣ,
Изъ нашихъ подданныхъ стениащихъ въ здѣшнемѣ градѣ,
Чтобѣ къ мѣншей вѣспѣ была Завлоховой досадѣ,
Чтобѣ вѣдалъ онѣ, хопѣ я преступницею явлюсь,
Что я въ моей любви враговѣ ево шаюсь,
И шолько лишь съ шобой единымѣ согласилась.
О небо! что за мысль въ мой слабый умѣ вселилась!

ХОРЕВЪ.

Поди дражайшая, и грамоту гоповѣ,
Пиши къ родителю, что вложитъ въ мысль любовь.
Изобрази ошу стояшу въ рашномѣ полѣ,
Что кровь его опяшь здѣсь будешъ на пресполѣ,
И плѣнники своихъ покинушь шягосъ узѣ,
Когда насѣ сопряжешъ желанный сей союзѣ.

Посолѣ шебѣ въ сей часѣ любезная предшанетъ.

Увы! когда моя надежда мя обманетъ!

Конецъ перьваго дѣйствія.

дѣй.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

КІЙ и СТАЛВЕРЬХЪ.

КІЙ.

Ужель къ опшествію - - - ?

СТАЛВЕРЬХЪ.

Готова все шеперь.

Но ты обманамъ симъ не вѣрь, о Князь! не вѣрь.
 Съ опшествіемъ ея намъ и напасъ готова,
 Завлѣхъ приявши дочь не здержишъ данна слова,
 И съ шюжъ яростью пойдешъ прошиву смѣиъ:
 Брегися, государь, нечаянныхъ измѣиъ.

КІЙ.

Любезну видѣшь дщерь чрезъ таковое средство,
 Преобращишя лесъ емуже иъ пуце бѣдство.
 Чшо можешъ, разсуди, измѣиникъ учинишъ?
 Народъ безчисленный удобноль возмушишъ,
 Въ кошоромъ многи шмы сердецъ миѣ покоренно?
 Владычество мое любовью ушвержденно.
 Меня мой раби непринужденно чшашъ,
 Миѣ вѣрноси давно ихъ внушренну дятшъ.
 Хоша моя рука ошъ старости слабѣетъ,
 И хладна кровь во миѣ силъ прежнихъ не имѣетъ,
 Возлюбленный мой брашъ, наследникъ мой и сынъ,
 Соизволеніе прецедрыхъ миѣ судьбинъ

А

Своею

Своею силою исполнишь, и съ размаху
 Пойдѣшь прошивъ враговъ моихъ, какъ левъ безъ
 страху.

СТАЛВЕРЬХЪ.

Великій государь! но мужество ево
 Ты будешь ли имѣшь на мѣсто своево?

К I Й.

Сумнѣнія въ томъ нѣтъ. Спрошивые сосѣды
 По сѣверу гласящъ до волнъ его побѣды.
 Сармація дрожитъ руки его меча,
 Орда какъ вѣпра прахъ бѣжитъ его плеча.
 Недавно онъ него безспрашные народы
 Текли черезъ лѣса, чрезъ горы и чрезъ воды.
 Казалось имъ, что онъ всю землю могъ попрясть,
 И всю вселенную Россіи дасть подъ власть.
 Или что знающъ всѣ, шебъ лишь неизвѣстно?
 Дѣла Хорёвовы гласяща повсемѣстно.

СТАЛВЕРЬХЪ.

Весь сѣверъ знаетъ то; но онъ великъ себѣ,
 Коль славенъ мужествомъ, шоль вреденъ онъ шебѣ.

К I Й.

Хорёвъ? - - - мой брѣтъ? - - Хорёвъ меня обманетъ?
 Опомнися: Хорёвъ прошивъ меня, возстанетъ?

СТАЛВЕРЬХЪ.

А еспьли будешь такъ, что скажешь ты тогда?
 Раскаянье живешь и поздно иногда.
 Пишай водами лавръ, доколѣ не увянешъ,
 И скройся грозныхъ шучь, доколѣ громъ не гря-
 нетъ.

К I Й.

К І Й.

Чемъ можешь ты меня Спалвѣрьхъ увѣришь въ
шомъ?

И предвѣщаешь ты скажи какой мнѣ громъ?

СТАЛВЕРЬХЪ.

Услышь, что слышилъ я, и разсуждай безспрасно,

Правдиво ли мое сумнѣнье иль напрасно:

Я шестшовалъ сюды, Хоревъ отселъ шелъ,

И изъ чершоговъ сихъ съ собой Оснѣльду велъ,

Которая себя убійцомъ называла,

И плачучи ему сїи слова вѣщала:

Коль надобна, мой Князь, шебѣ любовь моя,

Такъ будь Завлоху другъ, а я по смершь твоя.

Услыша спрaнное, отъ нихъ я ушанлся;

Чшобъ ясно разговоръ начашый мнѣ открылся.

Онѣ ей опвѣщшвовалъ: чшо злѣ сего сказать!

Я кровь отцовъ своихъ внесу на тронѣ опять,

И воспрїяѣ съ тобой страны сея державу,

Твой родъ возобновлю, воздвигну надшу славу.

К І Й.

Спалвѣрьхъ! ты вѣренъ мнѣ; но дѣло шаково

Восходитъ выше силъ понятья моего.

Кому на свѣшѣ семъ повѣришь вдругъ возможно?

А днесъ надъ брашомъ мнѣ бышь судїею должно,

Хочу равно и ложь и истинну внимать,

И слѣпо никою не буду осуждать.

Смуцаюся, какъ зрю я и злодѣевъ въ горѣ.

Князь кормщикъ въ кораблѣ, власть княжеская море,

Гдѣ вѣшры, камни, мѣль преняшшвующѣ судамѣ
 Желаящихѣ приспашѣ къ покойнымѣ берегамѣ.
 Но часшо кажущя и облаки горами,
 Лешая вдалекѣ по небу надѣ водами,
 Копорыхѣ кормицику не должно обѣгашѣ;
 Но горыль шо иль нѣшѣ искусствомѣ разбирашѣ.
 Хощѣ всѣбѣ вѣщаали мнѣ, шамѣ горы, мѣли шамо,
 Когда не вижу самѣ, плаву безѣ спраха прямо.
 Но се онѣ здѣсь и самѣ, оспавѣ меня пы сѣ нимѣ,
 Я скоро дамѣ словамѣ свидѣшельство твоимѣ,
 Вѣ сей шайнѣ искусясь.

ЯВЛЕНІЕ II.

КІЙ и ХОРЕВЪ.

КІЙ.

О Князь! наслѣдникѣ прона!

Жезлѣ спаросши моея! странѣ сей оборона!
 Примай оружіе, се долгѣ тебя зовешѣ,
 И слава на поляхѣ тебя сѣ побѣдой ждешѣ,
 Копора много разѣ вѣицы шебѣ сплешала,
 Когда швоя рука вѣ народы смершѣ мешала.
 Вели вѣ шрубѣ гласишѣ, и на вратовѣ возшанѣ,
 Кинь вѣ вѣшры знаменѣ и изходи на бранѣ.
 Сшупай и побѣди и возвращишя славно,
 Какѣ сѣ Скиескія войны подѣ лаврами недавно.
 Но кая шемна мысль шеперь швой взорѣ мрачишѣ?

ХОРЕВЪ.

Никая, я гошовѣ куды мой Князь велитѣ.

Ты съ юности моей опцомъ мнѣ назывался,
 И въ милосшихъ прямыхъ родителемъ казался.
 Въ наукъ бранной шы мнѣ самъ наставникъ былъ,
 Я имя славное тобою получилъ.
 И шы пашь лѣшѣ мнѣ самъ свидѣшель былъ вседневно,
 Спрашилсая я когда враговъ во время гнѣвно.
 Какъ сталъ шы немощенъ, я шей намѣшникъ сталъ,
 И воинствомъ уже я самъ повелѣвалъ.
 Въ трудахъ и подвигахъ возросъ и укрѣпился,
 И безпокойшвовашь безсучно научился.
 Но сколько воиновъ смерть ачна пожрала?
 Возбудишъ ли вдовамъ супруговъ ихъ хвала,
 Чшо въ мужесшвѣ своемъ съ мечьми въ рукахъ заснули,
 И шрупы ихъ въ крови прошивничей шонули?
 Колико въ снѣдь звѣрямъ опцовъ, супруговъ, чадъ,
 Повержено мечемъ? колико душъ взялъ адъ?
 Когда на жершву насъ злой смерти долгъ приноситъ;
 Помрѣмъ; но жершвы сей шеперь она не проситъ.
 Когда народъ спасшї не можно безъ нея;
 Мы въ прѣпасшь сидемъ всѣ, и перьвый сииду я:
 А ештли безъ шого возможно пребываши;
 Почшо, скажи, почшо безъ нужды умираши?

К І Й,

Когда Завлѣхъ дерзнулъ сей городъ осадить;
 Инова средствя ишѣ спокойшво получитьъ.

ХОРЕВЪ.

Онѣ дщери своя одной опѣ насъ желаетъ,
 А прошче намъ все безбранно оставлетъ.

Ты самъ предъ симъ часомъ людей своихъ щадилъ:
 Чшо спалося, чшо вдругъ ты мысль перемѣнилъ!

К И Й.

Нѣшъ, Князь, нейшишь на брань, не ту вину имѣешь,
 Чшо ты о воинствѣ печешься, и жалѣешь.

Я вижу мысль твою, и чшу въ умѣ твоемъ,
 О чемъ ты сѣшуешь, въ смященіи своемъ:

Ты хочешь, чшобъ Княжна свободу воспріяла.

ХОРЕВЪ.

Хоша бы и шого душа моя желала,

Чшобъ намъ въ спокойствіи, а ей въ свободѣ жить;

Желаньемъ симъ могуль себя я прогнавши?

Щедроша похвалы въ побѣдахъ умножаешь,

И чловѣчество въ герояхъ оспавляешь.

Или подобиться во бранныхъ дѣйствахъ намъ,

Въ пустыняхъ ужасно воюющимъ звѣрямъ,

Которы никакой пощады не имѣють.

Не ихъ примѣры намъ во браняхъ бышь доваѣють.

Довольно въ варварствѣ мы кровь свою пьемъ,

Когда по должности другъ друга мы бѣемъ,

И защищеніе съ ошмщеніемъ мѣшаемъ.

Подъ видомъ мужества мы звѣрство почишаемъ.

Какое имя ты, лестъ груба, злу дала?

Убивство и грабежъ геройствомъ назвала!

Мы брани окончавъ ошмщительны въ удачѣ,

Непопечительны зря бѣдныхъ въ горькомъ плачѣ,

Чувствительны всегда, ненасытны въ вѣкъ.

Каковъ замъ кажешся, о боги, чловѣкъ?

Почто вы шаковѣ ево природѣ дали?
 Въ шакомѣ ли образѣ ево вы созидали?
 Ахъ! нѣшѣ, не можешѣ быть, конечно божество
 Иное шцилось въ немѣ устроить ешество;
 Но нѣкая ему прошивающаяся сила,
 Толико мерзско насѣ предѣ нимѣ преобразяла.
 Внемаи, вѣшрѣ бурный, спонѣ нещасливой души,
 Оснѣльдинѣ жалкѣй гласѣ и небесамѣ внуши,
 Воскликни испинну еѣ селенѣяхѣ воздушныхѣ,
 И жалобой прони боговѣ великодушныхѣ.

К І Й.

Она Завлѣху дщерь, весь родѣ ихѣ испребленѣ,
 А ею можешѣ быть опяшь возстановленѣ.
 Кшо знаешѣ, что она опмщеніе забудешѣ?
 И можешѣ быть супругѣ ея шаковѣ миѣ будешѣ,
 Какѣ иногда былѣ ты шрепещущимѣ ордамѣ,
 Бѣгущимѣ опѣ себя по блашамѣ и лѣсамѣ.

Х О Р Е В Ъ.

Народѣ нашѣ наученѣ надеждно побѣждати;
 Какой опасности опѣ нихѣ намѣ ожидаши?

К І Й.

Не внѣмлю ни чего, спупай еѣ сей часѣ за градѣ,
 Какѣ хочешѣ мечѣ проспри, напредѣ или назадѣ.
 Коль хочешѣ измѣнять, шакѣ измѣняй скоряе;
 Когда врагѣ общества шевѣ всего милае.

Х О Р Е В Ъ.

Какая вышла рѣчь ко миѣ изѣ ушѣ твоихѣ?
 Я подозрѣившѣ достоинѣ ли шакихѣ?

А 4

За

За что, любезный братъ, ты такъ мнѣ премѣнился?
Когда бывало то, чтобъ ты на мя озлился?

Не жди, о государь! Хорёвыхъ измѣнъ:

Въ сей часъ, въ сей злѣйшій часъ иду изъ градскихъ
стѣнъ.

И ежели рука не дрогнетъ среди бѣю;

Узришь мя подъ стѣной съ Завлоховой главою.

Разгнѣванный перунъ! къ чему я приведенъ!

Смуцается мой духъ, и умъ мой раздѣленъ.

К I Й.

Ступай и оправдись, въ чемъ я подозреваю,

Я жизнь шебѣ и честь еще вручишь державу.

ХОРЕВЪ.

Ты вскорѣ разберешь, о Князь! вину мою,

Когда я за себя всю кровь мою пролью:

Увидишь, знала ли душа моя обманы,

Какъ спанешь изчисляшь мой кровавыя раны,

И будешь отмщевать тому, кто насъ смутилъ,

И прежней милости швоей меня лишилъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

К I Й *однимъ.*

Чтобъ онъ виновенъ былъ, я не могу повѣрить.

Хорёвъ отъ юности не знаетъ лицемѣривъ,

Онъ росъ въ моихъ глазахъ, я знаю нравъ его;

Но и Сталверъхъ поднесъ не лгалъ мнѣ ни чего.

Ошку-

Откудажъ вѣсть сія въ уста ево взялася?
 И изъ чего имъ баснь шоль злая соплелася?
 Когда Хоревъ ей милъ, она мила ему,
 Досадно ли миѣ шо? и злоба ихъ къ чему?
 Онъ знаешъ, что ево желанью соизволю,
 И сердце въ томъ ево безспорно удоволю.
 Чшо жъ шо, что онъ хотѣлъ отсель ее пустишь?
 Чшо можешъ ихъ когда и чемъ совокупить?
 Сокрыша отъ меня сія ихъ вредна тайна,
 Любовь Хоревова весьма необычайна.
 Но въ дѣлѣ ешьли нѣшъ свидѣтельствва когда,
 Не можешъ шамо бышь ни казни ни суда.
 Ни казни, ни суда? - - каво хочу судити!
 Пускай коль виненъ онъ, шо боги будущъ мстити:
 Они тѣ мерзосши въ сердцахъ злодѣйскихъ зряшъ,
 Которые уста льстецовъ отъ насъ шаяшъ.
 Они разсудяшъ насъ. Когда не вспомянешъ
 Хоревъ моихъ щедротъ; пускай мой лавръ увянешъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

КІЙ и АСТРАДА.

АСТРАДА.

Гласъ трубный съ градскихъ стѣнъ полкъ на брань
 зовешъ;
 Или Оснельдѣ, Князь, уже свободы нѣшъ,
 Котору обѣщаль ты опустити съ чешью?
 Она обмануша судьбины гнѣвной лестью,

Надеждой усладясь, горчайши слезы льещь,
 И очи возводя на небо вопіешь,
 Чшобъ небо сжалялось, чшобъ боги смерть послали,
 И даннуюбъ ей жизнь къ себѣ возврашно взяли.
 Оспавь опмщеніе, не буди въ немъ поль швердъ,
 И сколько щасливѣ шы, будь столько милосердъ,
 Опри ошъ глазъ ея лѹющіяся рѣки,
 И вспомни, чшо и мы пакіежъ человекѣ;
 Хопя насъ брани Богъ шебѣ и покорилъ,
 И щасъе наше взявъ шебя имъ одарилъ.
 И еспъли шы ево понудишь прогнѣвисья;
 То можешъ и шебѣ подобное случисья.
 Благая смершнымъ часть хвалы не принесешъ,
 И щасъе и бѣды всѣмъ небо подаетъ;
 Однимъ лишь шѣмъ шебѣ прослависья удобно,
 Чшо добродѣшеленъ, и царшвуешъ незлобно.

КІЙ.

Я ею огорченъ; довольно и шого
 Ей снисхожденія во гнѣвѣ моего,
 Чшо вольности ея оспавшей не ошѣмляю:
 Плачь съ нею и спени, я жалобы не внимаю.

(отходить.)

АСТРАДА.

Пошлите кáзни всѣ на мя, о боги, вдругъ!
 И выньше изъ меня мой огорченный духъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

ОСНЕЛЬДА и АСТРАДА.

АСТРАДА.

Нѣтъ помощи ни гдѣ, спасенія не видно,
 Кій слухъ свой опвращилъ отъ жалобы безстыдно.
 Надежды больше нѣтъ: любезный швой Хоревъ
 Збираетъ воинство рыкая шакъ какъ левъ.

ОСНЕЛЬДА.

Хоревъ въ ружьѣ! о льщенѣ! и ты встаешь безчинно
 На сердце, кое ахъ! ни въ чемъ тебѣ невинно,
 Но вино предъ отцемъ, что ты ему спалъ милъ,
 Прошиву совѣсни, когда въ томъ долгъ прешилъ.
 Пускай бы кѣмъ инымъ рвалась моя ушроба,
 И опверзалась мнѣ рукой иной дверь гроба,
 А шо тобой, тобой, каво я шоль люблю,
 Послѣднюю мою надежду я губляю.
 Я воли въ ней не жись но умереть желаю;
 Но ахъ! шобою жизньъ въ плавленіи шеряю.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ХОРЕВЪ, ОСНЕЛЬДА и АСТРАДА.

ОСНЕЛЬДА.

Жестокой! варваршвуй, поди избъ глазъ моихъ,
 Или ты зрѣшь пришелъ меня въ мученьяхъ сихъ?

Смо-

Смотри и веселись спрадаными моими,
 И буди восхищенъ заразами прямыми.
 Отдай шу власти часть, котору мнѣ сулилъ
 Ругаясь надомной, кто будетъ въ правду милъ.

ХОРЕВЪ.

Такую ли я мзду за вѣрность получаю,
 Что я въ шеихъ устахъ свирѣпство обрѣпаю?
 Я въ подозрѣнїи побой у Кїя спалъ,
 Что ревностно швоей свободы я желалъ.
 И медаю для себя, въ брань войско собирая,
 По повелѣнїю, посольства ожидая.
 Или велишь солгать, что я войны спрашусь?
 Иль истинну ошкрышь, что я съ побой люблюсь?

ОСНЕЛЬДА.

Аспрада мысль мою и тайну сердца знаешь,
 Языкъ мой ей ошкрылъ, чево мой духъ желаетъ.
 Спроси, въ какое ты меня мученїе ввелъ.
 Не можноть ошречись, чтобъ ты на брань не шелъ.
 Ни страха ни любви виной не объявляя.

ХОРЕВЪ.

Скажи мнѣ, научи, что мнѣ сказашь, драгая,
 Безъ разсужденїя я все сказашь хошу,
 И мечь въ влагалище предъ войскомъ обрацу:
 Лишь чesтью, сей любви недерзновѣнъ купиши,
 Сего, дражайшая, мнѣ легче смерть вкусиши.
 Безчестїемъ тебѣ кто спанетъ угождашь,
 Досноинъ ли, скажи, тобою шопъ владашь?

Съ безславьемъ смѣшенна любовницѣ услуга,
 Пымысли, какова сулишь ей дашь супруга.

ОСНЕЛЬДА.

Спутай и побѣждай, я не могу прешить,
 И не спараюся побѣдѣ твоихъ зашмишь;
 Но лавръ, что получишь ты нашими кровями,
 Весь будешь орошенъ моими ахъ! слезами.

ХОРЕВЪ.

Пошлите, боги, смерть, скоряй мой духъ извлечь!
 И выньте изъ руки моей кровавый мечъ!
 Чшобъ слава многихъ лѣшъ мгновенно не упала,
 И честь моя со мной во гробѣ пребывала.
 Иль истребите вы во внутренней любви,
 И лишь къ одной войнѣ воспаменяйте кровь.

ОСНЕЛЬДА.

Почто боговъ, почто на помощь призываешь?
 Уже и безъ того любви не ощущаешь;
 Когдабъ ты въ истинну любилъ меня хотѣлъ,
 Тыбъ воздыханія и слезъ моихъ жалѣлъ,
 Кошеры предъ тобой въ отчаяніи шрачу:
 Ты въ ярости своей не видишь какъ я плачу.

ХОРЕВЪ.

Не вижу? ахъ Княжна! когдабъ ты зрѣшь могла,
 Какимъ ты пламенемъ Хорёвовъ духъ зажгла,
 Какъ я отъ сей любви шеперь изнемогаю,
 И въ каковомъ, увь! мученіи шрадаю:
 Я вѣдаю, чшобъ ты престала гнѣбъ имѣшь,
 И спалабъ обомнѣ недасшномъ сожалѣшь.

Въ

Въ какой, въ который день, подъ кою звездою,
Оснѣлда, восхищенъ спалъ слабый духъ шобою!
И кое варварство судьбина надвела,
Что ты въ такіе дни мнѣ спала бышь мила!

ОСНЕЛЪ ДА.

Довольствуйся однимъ ты мужественнымъ боемъ,
И естли славно бышь такимъ шебѣ Героемъ,
Чтобъ ты не умягченъ любезной шокомъ слезъ,
Оружіе свое на кровь ея вознесъ;
Насышь свой алчный мечъ, напейся кровью жадно,
И ежели еще оружье будешь гладно,
Вонъ грудь моя, вонзи свой мечъ ты и въ нее,
И въ гнѣвъ извлеки дыханіе мое,
То сердце умершвивъ, что было прежде мило,
И умираючи еще шебя любило.

ХОРЕВЪ.

Когда я въ бѣдственныхъ лютейша дня часахъ
Кажуся шигромъ бышь въ возлюбленныхъ очахъ;
Такъ вѣдай, что меня во градъ съ кровава бою
Внесушь, и мертваго положашъ предъ шобою.
Не извлеку меча, хошя иду на брань,
И раздѣлю живошъ шебѣ и долгу въ дань.

ОСНЕЛЪ ДА.

Живи, мой Князь! живи, швой вѣкъ цвѣспи желаетъ,
Пускай несчастная Оснѣлда умираетъ.
Я больше не виню поступка швоего,
Виню лишь горьку часъ я вѣка швоего.

Живи

Живи не погибай воспоминаньемъ вздоха,
 Лишь только пощади въ сраженіи Завлоха.
 И ешь ли милосердѣ во браніи будетъ рокъ,
 Какъ можно уменьшай лѣющійся пошокъ
 Кровей моихъ людей, когда прейдешь ихъ сила,
 И вспомни, что о томъ съ слезами я просила.

ХОРЕВЪ.

Имѣй надежду въ томъ, и мысль сію имѣй,
 Что я иду на брань по должности своей,
 И что Хоревъ свой самъ Завлоха защищаетъ.
 Не ярось, не вражда меня вооружаетъ,
 Не мужество свое усугубляешь хошу;
 Мой мечъ ужъ насыщенъ, и славы не ищу.
 Однако я еще съ тобою не прощаюсь,
 И пѣвника пожду.

ОСНЕЛЬДА.

А я, ахъ! сокрушаюсь.

ХОРЕВЪ.

Но можешь быть, что вѣсть пріятна поспѣшитъ,
 И гибель съ обѣихъ странъ въ народахъ ушишитъ.

ОСНЕЛЬДА.

Не шу мнѣ сердце вѣсть въ умъ воображаетъ,
 Печально слѣдствие и бѣдство предвѣщаетъ.
 О представленіе Оснельдѣ вѣчныхъ слезъ!
 Я ударенія сугуба жду съ небесъ.
 Но для чего о томъ не думала я прежде!

ХОРЕВЪ.

Не кайся и побудь, побудь еще вѣ надеждѣ!
 Но что я медлю здѣсь? что скажешь Кій о насѣ,
 Когда увидишь онѣ съ шобой меня вѣ сей часѣ?
 О время! ахѣ! за что ты намѣ шолико спрого!
 Или за то, что мы другѣ друга любимѣ много?

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

ОСНЕЛЬДА *одна.*

Скрывай свою печаль, несчастная скрывай,
 И воздыханіи шоскливы ушояй.
 Се предсказаніе сердечно совершилось,
 И сердце своея надежды ужь лишилось.
 Желаяща любви спыжуся узь ея.
 Спрадай шеперь душа, спрадай душа моя.
 Печальный мя ошвѣщъ родишельскою властью
 Терзашъ съ шпоронь, съ другія мучусь спрастью.
 Съ обѣхъ спранъ напашъ, нѣшъ помощи нигдѣ.
 Гдѣ скрышся? что начашъ въ несносной сей бѣдѣ?
 Подверженна шеперь родишельскому гнѣву,
 Какую вѣшь скажу любезному Хорѣву!
 Несчастливый ошедъ! несчастнѣйшая дщерь!
 Вы въ несогласіе приведены шеперь.
 Не мало ли до сихъ дней бѣдствія вамъ было,
 Когда несчастіе васъ злобшвенно дѣлало?
 Что къ пудей люшости ошедъ освирѣпѣлъ,
 И дщерь свою въ спыдѣ оставишь возжешѣлъ.
 А дщерь ево, любовь въ плѣненіи познала,
 И ахъ! ево врагу любовницею шала.
 Вотъ часть Оснѣльдина: о солнце! о луна!
 Къ чему, увы! къ чему родилася она?

М

Остав-

Оспавленна въ спыдѣ , оспавленна во гнѣвѣ .
 О младость ! о краса , дающа гордость дѣвѣ !
 Прельщающая шѣнь ! вреднѣйшій дѣвамъ даръ !
 Мнѣ шы , ахъ ! шы дала жестокой сей ударъ .
 Какъ въ бѣдноти душа моя ни ушѣснялась ,
 Чесшь непорочности со мною оспавалась .
 Теперь ея ужь нѣшѣ . Нещасливѣе человекѣ ,
 Хошябѣ кто пышно жилѣ , когда пороченѣ вѣкѣ .
 Порокъ и щасшливымѣ бываетѣ въ жизни вреденѣ ,
 А кто нещасливѣе , шопѣ и безѣ пороковѣ бѣденѣ .
 А я въ дни бранные на свѣтѣ произошла ,
 Позналася въ бѣдахѣ въ неволѣ возросла ,
 Спеню безпомощно , крушуся безнадежно ,
 Лѣется въ жилахѣ кровь шревожая духѣ мяшежно .
 Терплю и мучуся безѣ всякихѣ оборонѣ ,
 Ни людямѣ , ни богамѣ не жалосненѣ мой спонѣ .
 Губите , ахъ ! меня , безсмершные , губите !
 Едину чесшь мою лишъ шолько соблюдите !
 Я больше прозьбы къ вамѣ уже не приношу ,
 Ни помощи себѣ , ни мщенья не прошу .
 Но небо моего моленія не внемлетѣ .
 Не жалуйся , мой Князь , что рокѣ меня отѣемлетѣ ,
 Не множь спенанѣемѣ дѣвическа спыда ;
 Чшобѣ свѣшѣ не зналъ , что шы любилѣ меня когда

ЯВЛЕНІЕ II.

ОСНѢЛЬДА и АСТРАДА.

ОСНѢЛЬДА.

Прочши сіе письмо, зри новыя напасти,
 Чшо я не возмогла преодолѣши спраспи.
 Смошри, вѣ какой я гнѣвѣ Завлоха привела,
 Смошри и разсуждай, шого ли я ждала.
 Ужь онѣ меня за дщерь свою не признаваешѣ,
 И непріятелемѣ люшѣйшимѣ быши чаешѣ.
 Какая ешо казнь!

АСТРАДА.

Покоршвуи временамѣ,
 Раскаешся по шомѣ родителѣ швой и самѣ.
 Не сѣшуй все преидешѣ, когда душа вѣ чемѣ права.

ОСНѢЛЬДА.

Хошя душа чиста; но погибашѣ слава.
 И можешѣ бышѣ ужѣ я дѣйшвишельно грѣшу,
 Чшо я вѣ дѣвичешѣ симѣ пламенемѣ дышу.
 Какое слѣдшвіе любовнымѣ вижу шушкамѣ!

АСТРАДА.

Тебѣль послѣдовашѣ безуинымѣ предразсудкамѣ,
 Которой ешество здоровый дѣло умѣ,
 Ко изшребленію прешонародныхѣ думѣ?
 Чшобѣ наше ешество суровшвуя шпрадало,
 Обыкновеніе шо вѣ людяхѣ основало.
 Обычай, шы всему ушавѣ во свѣшѣ семѣ,
 Предразсужденіе правительшвуешѣ вѣ немѣ,

Безумье прѣвилы жишья усшановляешъ ,
 А легкомысліе шѣ прѣвы усшверждаешъ ,
 И возлагаючи на разумъ бремена ,
 Даюшѣ невинности безчестны имена .
 Любовь безъ слѣдствіевъ худыхъ незапрещѣнна ,
 Сей слабостію вся исполнена вселенна .
 Прошився шолько въ шомъ поборно естешву ,
 Не свѣшу, одному покоршвуи божешву .

ОСНЕЛЬДА.

Твой шолкъ полезенъ миѣ, увы! но сердце винно
 Миѣ предшвляешъ шо за дѣйствіе безчинно :
 Хоревъ Завлѣху врагъ , а я люблю его :
 Чшо можешъ шы сыскашъ безчиннѣе сево ?

АСТРАДА.

Когда себѣ сердца чшо въ добычь избираюшѣ ,
 То прѣвилъ никакихъ еѣ семъ выборъ не знаюшѣ ,
 И знаюшѣ шолько шѣ, чшо спрѣстъ имъ говоршѣ ,
 Хошя ихъ пользуешѣ, хошя ихъ шо вредшѣ .
 Тѣмъ образомъ и шы когда въ любовь всшупала ,
 Едина шолько спрѣстъ шебя препровождала ,
 Разсудокъ учиншъ прешвша не возмогъ ,
 И естешву служба сѣ нимъ кунно самъ кровь жогъ .

ОСНЕЛЬДА.

Я шо ужъ вѣдаю, и чувшвую шо нынѣ.

АСТРАДА.

Дѣвица, развѣ жишъ между звѣрей въ пусшынѣ ,
 Подверженна всегда во младосши своей
 Всеобщей слабосши, чшо даршвуешъ надъ ней .

ОСНЕЛЬ.

ОСНЕЛЬДА.

Ни что не служишъ мнѣ, Аспрада, къ оправданью,
 Супрошивалось все Оснельдину желанью,
 И лѣшны, ахъ! и пѣшны и вражеская кровь - - -

АСТРАДА.

Я успрашаюся, спранна швоя любовь.

ОСНЕЛЬДА.

Свидѣтельствуюсь всемъ, и небомъ и землею,
 Что сердце чистое, Аспрада, я имѣю,
 И что оно хоша любовью и горитъ,
 Души и чистоты сей пламень не вредишъ.
 Но свѣтъ, превратный свѣтъ того не разсуждаешъ,
 Не праведнымъ судомъ, но злобой осуждаешъ.
 О нравы грубые! о дни! о времена!
 Щедроша, истинна сушь праздны имена.
 Злодѣйство въ жизни сей безперестанно жаждешъ,
 А бѣдная душа живуща въ шѣлѣ спраждешъ.
 О чемъ жалѣемъ мы, что наша жизнь крашкѣ!
 И чемъ намъ кажешся она бышь шоль сладкѣ!
 Приди желанна смерть! закрой слезящи очи!
 И разшвори враша Оснельдѣ вѣчной ночи!
 Но что сѣ ешь смерть? порогъ изъ свѣша вонъ.
 Жизнь вся мечтаніе и преходящій сонъ.
 А ты о щасливыхъ дражайшая ушѣха,
 Любовь! просши, мнѣ нѣшъ, мнѣ нѣшъ въ шебѣ успѣха.
 Возлюбленнѣйшій зракъ, ахъ! не мечшуйся мнѣ!
 Не воображайся шоль мучительно въ умѣ!

Не пригвождай моихъ смущенныхъ мыслей къ свѣту,
И шидешно не давай пріятнаго обѣту!

Подите отъ меня, вы нѣжны мысли прочь,

Не представляйте мнѣ бѣдою пиху ночь!

Не руште моего желаннаго покою!

Да непренецивающей скончаю жизнь рукою.

А ты родишелоу дай знашь --- возноситъ руку съ
приготовленнымъ кинжаломъ.

АСТРАДА отъемлетъ кинжалъ изъ рукъ ее.

Дай смерть себѣ,

Коль хочешь, чшобъ Хоревъ послѣдовалъ тебѣ.

ОСНЕЛЬДА.

Какое имя ты Аспрада вспоминаешь!

Почшо безспраше ты смерти отнимаешь?

Иль кажешся тебѣ, чшо мало еѣ жизни мукъ?

АСТРАДА.

Но спрашно умерешь своихъ убійствомъ рукъ.

ОСНЕЛЬДА.

Когда нѣшѣ области надъ жизнью своею,

Такъ чшожѣ оспалося подѣ власшю моею!

АСТРАДА.

Хоревъ, кошорому сей градъ и вся страна

Ошдасшя еѣ власшь, когда взойдешѣ ево луна,

И придущѣ дни ево.

ОСНЕЛЬДА.

Хоревъ моимъ не будетѣ,

И упованія лишасъ, меня забудешѣ,

А честь владычества съ иною раздѣлишѣ.

Но ахъ! не шо меня, не шо Аспрада льстишѣ.

Не

Не скипешрѣ, не вѣнецѣ мнѣ льстимѣ въ опцовомѣ
градѣ,
Ябѣ съ нимѣ гошова жинѣ была въ убогомѣ спадѣ,
Пишашься былѣемѣ, едину воду пишѣ.
Хотѣла одного, чшобѣ шолько съ нимѣ мнѣ бышѣ
Не чшо я зрю! увы!

ЯВЛЕНІЕ Ш.

ХОРЕВЪ, ОСНЕЛЬДА и АСТРАДА.

ОСНЕЛЬДА.

Нещаслива я въ свѣшѣ!

АСТРАДА.

Взгляни на сей кинжалѣ, и мысли чшо въ опвѣшѣ.
Кѣ Княжнѣ написано.

ХОРЕВЪ.

Тоголь я Боги ждалѣ!

*(читаетъ лисьмо:)*АСТРАДА *(ло прочтеніи лисьма.)*

О Князь! свирѣпой рокѣ едва не окончалѣ
Надежды швоея, во дняхѣ швоей любезной.
Едва не скрылася она безвѣстной безной.
Владычица шоя во мракѣ ея звала,
Душа ея въ него гошова ужѣ была.

ОСНЕЛЬДА.

Мнѣ шы виною въ шомѣ и склонность запрещенна,
А я ужѣ навсегда, мой Князь, шебя лишена.

ХОРЕВЪ.

Лишенна? ахъ Княжна! представь себѣ: кому

Ты ещо говоришь: Хореву своему.

Что естъ любовнику сего жесточе слова!

ОСНЕЛЪДА.

Не сѣшуй, помогай.

ХОРЕВЪ.

О время рока злова!

ОСНЕЛЪДА.

Коль любишь ты меня, и честь мою люби,

Коль нѣтъ, отбемли честь, отбемли жизнь, губи

Любезную свою, слезъ больше не имѣю,

И больше умолять тебя ужь не умѣю.

ХОРЕВЪ.

Какой ты помощи, Княжна, желаешь мной?

ОСНЕЛЪДА.

Тебя любезный зрѣшь мнѣ спавишся виной.

Ощецъ мя давъ мнѣ жизнь ушѣхъ ея лишаетъ.

Разспанься Князь со мной, того судьба желаетъ.

ХОРЕВЪ.

Но коимъ образомъ разспанься ты велишь?

Я смерть принявъ готовъ, кошору ты сулишь.

ОСНЕЛЪДА.

Ахъ! нѣтъ, живи, но днесь оставь надежду дальну,

И больше не смущай словами мысль печальну.

Не говори шѣхъ словъ, что могутъ слабить умъ,

И больше не имѣй о мнѣ любовныхъ думъ.

Я дѣла, ты герой, пощись мнѣ помогаши,
 Чшобѣ слабости свой могла я побѣждаши.
 Покинь меня, и дай - - -

ХОРЕВЪ.

О спрөгій мнѣ приказѣ!

О время лютое! о день! жестокой часѣ!
 Не лзя, хошябѣ хошѣлѣ, сего мнѣ исполняши,
 Чшобѣ слабости свой скрывать и уполяши.
 Уже шы мужества, копорымѣ чшишь меня,
 Не видишь предѣ собой. Но честь свою храня
 Чшо предприемлешь шы? и чшо повелѣваешь?
 Вѣ кошорую спрану меня шы оплучаешь?
 Вѣ копорый свѣша край мя хочешь опдалишь?
 Вѣ какой пуспынѣ шы велишь мнѣ слѣзы лишѣ?
 Кошорые мужамѣ хошя и неприличны;
 Но ешьли горести обѣвимушѣ необычны,
 Вздыханіе и спонѣ удобно извлекашѣ,
 И слѣзы изѣ очей неволей пошекушѣ.

ОСНЕЛЬДА.

Возлюбленный мой Князь! не шо я предпрѣмлю,
 Чшобѣ шы для плѣнницы свою оставилѣ землю,
 Прославленѣ храбростью, гражданами любимѣ,
 И вѣ младости своей врагамѣ ужасенѣ зримѣ.
 Останься гдѣ живешь, и защищай границы;
 Но подзрѣваему честь юныя дѣвицы,
 Любовницы своей, ей оправдаши дай.
 Пустши меня кѣ опду.

ХОРЕВЪ.

Помысли, разсуждай,

Возможноль мнѣ шебѣ пушь вольности опкрыши.

Чшо будешѣ обо мнѣ шогда весь градѣ гласиши?

Чшо скажешѣ шы сама? какой примѣрѣ я дамѣ

Державы своея подверженнымѣ рабамѣ?

Тѣ люди, чшо законѣ давашѣ произведенны,

Закону своему и сами покоренны.

И ешъли согрѣшашѣ, малѣйшій оныхѣ грѣхѣ,

Винные ихѣ шворишѣ подверженныхѣ имѣ всѣхѣ.

Великихѣ камни горѣ, чшо волны опрываютѣ,

Высоки дровеса, чшо вѣтры низвергаютѣ,

Шумнай другихѣ вещей малѣйшихѣ имѣ падушѣ,

Толь большую хулу пороки намѣ влекушѣ.

Хула шо малая, чшо многимѣ неизвѣстна,

А наша и хула какѣ похвала всемѣстна.

Какое имя шы велишь мнѣ погубишь!

И можешѣ ли пошомѣ измѣнника любишь?

О С Н Е Л Ъ Д А.

Когда возлюбленну свою шы презираешѣ,

И въздыханіи ея вѣ ничшо вмѣняешѣ;

Такѣ наслаждайся, Князь, шы сею похвалой,

Чшо милосердія шы не имѣлѣ со мной,

Чшобѣ вѣ бѣдности помѣчь, и мнѣ ошдашь свободу,

На жершву принося любезную народу.

ХОРЕВЪ.

Я симѣ Величештво швое изображу,

И послѣ самѣ шебя на шронѣ швой посажу.

Помомки возгласяшъ, что я владѣлъ спраною,
 Но царствуя спраной, я царшвовалъ собою,
 И быѣ сугубый царъ шебѣ подверженъ былъ.

О С Н Е Л Ъ Д А.

Ужъ шы Величество мое изобразилъ.
 На что шы льспишь? шы самъ надежду опнимаешь,
 И часъ, ахъ! опъ часу престолъ мой удаляешь,
 Который кажешся бѣжаши опъ меня.
 На что обманывать нецасшвую, маня?
 Помомки возгласяшъ, что шы меня оспавилъ
 Вѣ спыдѣ, которымъ самъ меня шы обезславилъ.
 И шакъ погибнешъ вся мечшашельная чешть,
 А я умру вѣ плѣну. Возможно ли шо снесъ!
 Влаचितъ живопъ вѣ спыдѣ, по смершь порокъ шерпѣши,
 И при концѣ сію мысль люшую имѣши,
 Что я сѣ безчештіемъ на свѣшѣ семъ жила,
 И сѣ нимъ кончаюся.

Х О Р Е В Ъ.

Вина спыда мала.

Къ чему природа насъ безередно понуждаешъ,
 Тѣ спрасши вѣ насъ одно злодѣйство оуждаешъ.
 Но что нецасшливы мы вѣ нѣжной сей любви,
 Ты вѣ шомъ злосерду чашть пришчиною зови.
 Не я виновенъ вѣ шомъ, случаи вѣ шомъ виновенны,
 Не мною бышь хошашъ днесъ брани многокровны;
 Ушановленіе судьбины шаково,
 Ея силъ вѣ свѣшѣ вѣшѣ сильняе ничево.

Чшожъ

Что жъ думаешь, Княжна, когда судьбы столь строги
Не сама ли не даюшь тебѣ свободы боги?

Иль имъ прошивишься, являя чудеса?

Но ихъ опъ глазъ моихъ скрываюшь небеса.

Тѣхъ мѣстѣ , что къ жилищесву безсмертные
избрали ,

Нѣтъ лѣсвицы, ни горъ, кошорыбъ досязали.

Возми коль хочешь жизнь, коль можешь умерщвляй,

Къ измѣнѣ лишь одной меня не принуждай.

Возми прошивый мечъ, пронзи мое имъ шѣло,

Возми не шрепечи и лей шокъ крѣви смѣло.

О С Н Е Д Ъ Д А .

Ахъ! нѣтъ, ты милъ миѣ, Князь! Но ахъ! родитель
мой

Для дщери своя разрушилъ свой покой :

Пришелъ изъ дальныхъ странъ къ потерянному граду,

Найшишь при старости послѣднюю ошраду.

Ни блашы, озеръ, ни шепи, ни лѣса,

Ни горы каменны, ни сами небеса,

Не возмогли ево ошановить въ походѣ :

И шаковулю мзду воздамъ своей природѣ?

Такіе ли, увы! произрасшатъ плоды

Желанію ево, подъяшыя шруды?

За шо, что онъ родилъ, ево врагомъ я стала,

Когда онъ былъ въ шрудахъ, я въ роскоши дерзала,

Съ кѣмъ онъ вступаешъ въ брань, шаво шеперь

люблю :

Колико бѣдъ я вдругъ, возлюбленный, шерплю!

ХО -

ХОРЕВЪ.

О время! о часы!

ОСНЕЛЬДА.

О вы случаи люшы!

Скончайше мнѣ скорая шоль горькія минушы!

ХОРЕВЪ.

Се слышу гласѣ шрубы зовущія на брань.

ОСНЕЛЬДА.

О небо! отврати свой громъ! иль праздно грянь!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ХОРЕВЪ, ОСНЕЛЬДА и ВЕЛЬКАРЪ.

ВЕЛЬКАРЪ.

Полки ужь собрались къ печенію изъ града,
Завлѣхъ у самыхъ стѣнъ, и зачалась осада.

Скрежещущая смерть взмахнула ужь касу:

Оставъ шеперь, оставъ возлюбленну красу.

Все то, что на себя природа изыскала,

При нашихъ воротахъ гражданамъ показала.

Все то, что можеть женъ ко шрепешу привлечь,

И мужески сердца воздвигнушь и зажечь.

Спунай, о государь! спунай на ратино поле,

Или погибнетъ все, спунай не медли болѣ.

ОСНЕЛЬДА.

Возможноль мнѣ сіе смяшеніе снесши!

Просши, любезный князь! впослѣдніе просши.

ХО.

ХОРЕВЪ.

Съ чево вѣ послѣднѣе меня шы чаешь зрѣши?
 Престань, дражайшая, шоль злую мысль имѣши.
 Жалѣи сихъ слезъ жалѣи, копорыя шы льешь,
 Ты ими изъ меня спѣсенный духъ влечешь.
 Не плачь шоль горесшно, не сѣшуй безъ оспрады.
 Ахъ! либо и прейдѣшъ часы сея досады.

ОСНЕЛЬ ДА.

Могуль не плакашь я вѣ случаяхъ шаковыхъ?
 И можешь ли жалѣшь шы больше слезъ моихъ,
 Когда шебя швой гнѣбъ на мя вооружаетъ,
 И супрошивъ меня ко брани посылаешъ?

ХОРЕВЪ.

Престань мнѣ вѣ шомѣ пеняшь, и перестань взды-
 хашь,
 Престань пошоки слезъ безъ пользы проливашь,
 И симъ шерпнѣемъ шы ошмщевой судьбинѣ,
 Кошора насъ, увы! обѣихъ мучишъ нынѣ.
 Нещасливымъ одно прибѣжище вѣ бѣдахъ:
 Великодушїя искашь вѣ своихъ сердцахъ.
 Людей, ошда, боговъ имѣючи врагами,
 Меня ошъ помощи ошѣемлема богами,
 Терпи и устыди нежалостныхъ боговъ,
 Кошоры подъ шобой шакой изрыли ровъ.
 Мы помощи ошъ нихъ надѣся просили,
 Они ошъ насъ и слухъ и очи ошврашили,
 Ошавивъ насъ вѣ шоскѣ и жалобахъ шрадашь
 И имъ невнятный гласъ на воздухъ шеряшь;

А мы еще ихъ чшимъ, и слѣдуемъ ихъ волѣ.
 Не вы цари небесъ, знашь еспь васъ нѣкшо болѣ!
 И еспьли вмѣсто ихъ я виненъ предъ тобой,
 Опмеси злодѣйство ихъ на мнѣ своей рукой.

ОСНЕЛЬДА.

Нашомъ, кшо поль мнѣ милъ? кшо серддемъ обладаетъ?
 Ахъ! нѣшъ, мой духъ въ шебѣ злодѣйствѣ не ощущаетъ.

ХОРЕВЪ.

Прости, и умѣрай поску, живомъ храня.

ОСНЕЛЬДА.

Разверзися земля и поглоши меня!

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙ-

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

КІЙ и СТАЛВЕРЬХЪ.

КІЙ.

Что войско дѣлаешь?

СТАЛВЕРЬХЪ.

Хоревъ пошелъ изъ града,
 И вся Россійскаго престола съ нимъ ограда.
 Подъяло воинство граждански бремяна,
 Уже распущены по вѣшрамъ знамена.
 Зовущіе на смерть по накрамъ громки бои
 Являющъ, каковы Россійскіе герои,
 И что въ природѣ нѣшъ шакѡва ничево,
 Чшобъ въ ужасъ привести въ полкахъ могло како.
 Вы сами скажите, державы сей сосѣды,
 Колики одержалъ надъ вами Кій побѣды.
 Которая земля прославилася шакъ!
 Здѣсь воинъ въ брань идетъ, какъ шесшвуепъ на
 бракъ.
 Какъ быстрая рѣка лѣяся чрезъ долины,
 Что вспрѣшишъ, все влечетъ съ собой въ морски
 пучины,
 И разлѣянѣмъ валъ къ усшью горделивъ,
 Ошѣмлетъ брегъ шопя плоды съ далекихъ нивъ:
 Таковъ

Таковъ есть нашъ народъ въ сраженіи жестокомъ,
 Хоть смерть въ глазахъ его, онъ зрѣтъ безспрашнымъ
 окомъ,
 Не мыслитъ, кѣбы лавръ съ главы его схватилъ,
 И лишь сражаешь, ужь мнитъ, что побѣдилъ.
 Какоебъ множество оружья ни встрѣчало,
 Онъ ломитъ чтобъ ему предъ очи ни попало.
 Ты вѣдаешь шо самъ, но въ дни послѣднихъ лѣтъ,
 Уже ты, государь, не зрѣлъ своихъ побѣдъ,
 Которые Хоревъ подъ областью своею,
 Передъ лицомъ моимъ ужасной силой сею,
 Гдѣ и спасенія я многожды не ждалъ,
 Ко удивленію пречудно одержалъ.
 Но можетъ быть въ сей день инья будущъ вѣсти.
 О бранство звѣрское! о пагубныя лѣспи!
 Все збудеся въ сей день по слову моему,
 А ты виной спалъ самъ нещастью своему.

К І Й.

Знашь рѣчь Оснѣльдина пришла шебъ невяшно,
 И бранне слово къ ней услышилось превранно.
 Злодѣйска мнѣнія я въ немъ не ощутилъ;
 Однако ты мой духъ шоль сильно заразилъ,
 Что я себя ни чемъ не могъ преодолѣши:
 Оставилъ пишину и повелѣлъ гремѣши.
 За малодушіе онъ видѣлъ Кіевъ гнѣвъ,
 И былъ любовникомъ спалъ паки бышь Хоревъ.

СТАЛВЕРЬХЪ.

Почто, о государь, смягчилъ ты сердце гнѣвно?
Ты будешь вспоминать прешедшій гнѣвъ вседневно.

КІЙ.

Такъ ты хошѣлъ, чтобъ я въ враждѣ съ Хоревомъ
былъ,

Илибъ ево на смерть во гнѣвъ осудилъ,

И всѣ дни сѣшовалъ оспавшаго мнѣ вѣка?

Довольно слезъ лила мнѣ смерть любезна Щѣка:

Ты вѣдаешь, Спалвѣрьхъ, что сей нашъ средній братъ,

Какъ сей въ осадѣ былъ непобѣдимый градъ,

Падъ въ мужество своемъ подъ градскою стѣною,

Какой мнѣ въ торжествѣ былъ ярости виною.

Я башни размешалъ, и храмы разорилъ,

И мѣсто, гдѣ онъ гнѣвъ, я кровью напоилъ.

СТАЛВЕРЬХЪ.

Хоревъ твой не шаковѣ, какъ ты ево бышь мыслишь:

Толико горестей ты отъ него изчислишь,

Колико радостей ты отъ него имѣлъ.

КІЙ.

Молчи, и такъ тебѣ довольно я терпѣлъ.

Злодѣи! терпѣнїе мое ужѣ переходитъ,

И ложь твоя меня на ярости приводитъ.

СТАЛВЕРЬХЪ.

Доколѣ не взойдѣшь изъ водъ въ верхїи луна,

Сей градъ и вся сія прекрасная страна,

Что кровью нашею тебѣ приобрѣтенно,

Изъ области твоей погибнушъ непременно.

КІЙ.

КІЙ.

Ты крѣпокъ въ словѣ семѣ, я слышу шуже вѣсть,
Или кпому еще изъ нова нѣчто есть?

СТАЛВЕРЬХЪ.

Хотя я, государь, и обвиненъ напрасно,
Но ежели скажу, ты самъ увидишь ясно
И истинну и ложь и дружество ево.

КІЙ.

Почтожъ не все открылъ?

СТАЛВЕРЬХЪ.

Что вѣдалъ до сево,
То я уже сказалъ. Теперь есть нѣчто ново:
Имѣю донести тебѣ важнѣйше слово.
Темничный нѣкто спражъ передъ меня предсталъ,
И вошь, о государь, какую вѣсть сказалъ,
Съ великимъ говоря усердіемъ и жаромъ:
Единъ изъ плѣнныхъ былъ освобожденъ Велькаромъ,
Который выпускъ сей тобою объявилъ,
Что будто плѣнникъ сей передъ тебя званъ былъ,
По томъ съ Велькаромъ онъ опять у нихъ явился,
И въ узы прежніе въ темницѣ заключился.
Но спражи, что враша во градъ сперегущъ,
Изобличеніе яснѣйшее дающъ:
Велькаръ имъ повелѣлъ враша отверсти слѣшно,
И плѣнника пустилъ изъ града безпомѣшно.
Довольно ли сего ко обличенью дѣлъ,
Въ кошорыхъ ты, мой Князь, мнѣ вѣришь не хотѣлъ?

Н 2

КІЙ.

КІЙ.

Представь свидѣтелей предъ княжескія очи ,
 И будемъ ожидашь сея ужасной ночи ,
 Котора хочешъ взнесъ на небо свой покровъ ,
 Покрышь невольниковъ во градѣ безъ оковъ ,
 Въ которой блескъ вѣнца главы моей зашмился ,
 И кровь невольничья съ геройской сѣдинится .
 Съ какою кровію моя смѣсится кровь !
 Что дѣлаешь ты , что , проклятая любовь !
 Представь .

ЯВЛЕНІЕ II.

КІЙ *одинъ*.

Когда Спалвѣрьхъ сказалъ сіе неложно ;
 Такъ прена удержишь ужъ больше невозможно .
 Я мечь свой на себя Хорѣву изоспириль ,
 Врага и воинство изъ града испустиль .
 Тѣ спрѣлы , что въ полки враговъ моихъ лезали ,
 Тѣ войны , что кровь за Кіа проливали ,
 Герой , котораго какъ сердце я любилъ ,
 Росшилъ , безспрашнымъ бышь и побѣждашь училъ ,
 На мя на самого жестокошь обращающъ .
 Труды шоль многихъ лѣшъ въ минушу погибающъ .
 Но чшобы предварить шoliko люшый громъ ,
 Да не низвергнушь въ здѣ Хорѣвовымъ рабомъ ,
 Лишь шолько мечь его сверкнѣшъ на рашномъ полѣ
 На Кіа возвращенъ , скончаюсь на престолѣ .

А сей лютеѣйшій ядѣ прошивныхъ мнѣ кровей
 Оснѣльду погублю, и сиду купно съ ней
 Въ подземныя мѣстѣ, гдѣ страшны намѣ степені;
 Но непреходенѣ пушь, во мракѣ гдѣ дремлютъ шѣни.
 Не шакѣ, свирѣпая, коль шоль швой вреденѣ взглядѣ,
 Не жди побѣдѣ, умри, предшесшвуй мнѣ во адѣ.
 Глазѣ швой, глазѣ прелестныя сомкнушя,
 Доколѣ на поляхъ побѣди не зачнушя.
 Еще мнѣ время есть пресшавишь въ суешу
 Надежду, молодосшь, любовь и красошу,
 Чшобѣ щасшїя сего шы злая не видала
 Какѣ со главы моей корона низпадала,
 И что Хоревѣ - - -

ЯВЛЕНІЕ Ш.

КІЙ, СТАЛВЕРЬХЪ и ДВА СТРАЖА
СТАЛВЕРЬХЪ.

Они изушно возвѣстятѣ,
 Какой шы при себѣ имѣлѣ въ Хоревѣ ядѣ,
 Свидѣшельствуючи не лицемѣрну службу,
 И недосшойную швою съ симѣ Княземѣ дружбу.
 Я жизнь ево и часѣ рожденїя клянуп.
 Ошавъ, о государь! отѣ ревности вину.

КІЙ.
 Отѣ ишпинны сея мой препещушѣ члены,
 Какѣе спшались раби мой измѣни?

СТРАЖЪ ТЕМНИЦЪ,
 Великій государь! Велькаръ намъ объявилъ,
 Чшо пабника звалъ ты и узы разбшилъ.

СТРАЖЪ ГРАДСКИХЪ СТѢНЪ.
 А я, чшо зрѣли всѣ спрегущіе со мною,
 По повелѣнію объявленну шобою,
 Отверзъ ему врата и далъ свободны путь.

К І Й.

Или, Спалвѣрхъ, сіе обманъ какой нибудь,
 Ошъ спражи въ пагубу невинному Хореву,
 Чшобъ злымъ симъ вымысломъ прилечь меня ко гибву?
 Иль впрямъ прогнѣвалось всещедро божество,
 О боги! небеса, земля и естество!

За чшо разите вы такими мя спрѣлами?
 Скажите, чемъ я шоль виновенъ спалъ предъ вами!
 О вѣрные раби! вы духъ мой ушомъ,
 Коль правду донесли, не сѣшуйте на мя,
 Чшо я о истиннѣ мнѣ сказанной сумнѣлся.
 Хоревъ! когда шакое въ очахъ моихъ ты зрѣлся!
 Какую злоую мысль возмогъ ты получишь!
 Легколь владѣтелю сѣ престола нисходишь,
 Оспзавишь честь и санъ, сложишь сѣ главы корону,
 Лишася области подвергнушься закону,
 И повелителю народовъ бышь рабомъ!
 Гдѣ скрешь безчестіе? о градъ! о Княжескъ домъ!
 Пустише убѣжать мнѣ васъ умери нынѣ,
 Скончаша жизнь въ лѣсахъ и смершь пріять въ пустынѣ,
 Чшобъ

Чшобѣ отѣ того, кто днесъ мою отѣемлетѣ честѣ,
 Мнѣ шѣло бѣдное кѣ закланію унесѣ,
 Чшобѣ прахѣ спокоенѣ былѣ, и чшобѣ на мѣстѣ гроба
 Не прогала мой изсохши кости злоба!
 Пусть кровію моею напьется врагѣ въ лѣсахѣ,
 И шѣло въ алчущихѣ исплѣнешѣ шамѣ зѣряхѣ,
 Но нѣшѣ ужъ времени бѣжанѣ и укрывашѣся,
 Пришло сѣ безчестіемѣ во градѣ погребашѣся,
 И шѣлу моему влачиму быши здѣсь
 За смерть Оснѣльдину, О какѣ я бѣденѣ днесѣ!
 Но гдѣ невольникѣ сей мнѣ должно извѣститься.
 СТАЛВЕРЪХЪ *немного отошедѣ.*

Войди въ чертогѣ сюды предѣ Княземѣ обличиться.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢЖЕ и НЕВОЛЬНИКЪ.

НЕВОЛЬНИКЪ.

Дрожу, Величество швое меня спрашитѣ.

КІЙ.

Нещастный, говори; кто правлу говоритѣ,

Того судѣ праведный щедрѣе обвиняетѣ.

Скажи мнѣ испинну, швой Князь тебѣ прощааетѣ.

За чемѣ ты посланѣ былѣ во вражескѣй мнѣ станѣ?

Какой имѣлъ приказѣ? и кѣмѣ приказѣ былѣ данѣ?

НЕВОЛЬНИКЪ.

Велькаромѣ свободенѣ нечаянно шемницы,

Представленѣ предѣ глаза нещастныя дѣвицы,

Н 4

Ко.

Кошора иногда Княжна моя была,
 Кошора и въ плѣну рабамъ своимъ мила,
 Я грамоту отнесъ что дщерь къ отцу писала.
 Она отвѣстную обратно воспріяла.
 А что въ нихъ писано, клянусь, что я не зналъ,
 Клянуся живомъ, что правду я сказалъ.

К I Й.

При отправленіи какія рѣчи были?

НЕВОЛЬНИКЪ.

Я долженъ все сказать то, что ни говорили:
 Княжна при отпускѣ велѣла объявишь,
 Что уповаешь симъ на Княжескъ шронъ взойшишь,
 Но что бы дѣло то весьма сокрышно было,
 И что бы воинство того не ощутило,
 Доколѣ мѣры всѣ не возмушся къ тому.
 А Князь отвѣстствуя по слову моему,
 Велѣлъ ей объявишь, во гнѣвѣ то вѣдая,
 Не знаю на кого шу яросшь посылая,
 Чтобъ дѣлала она то, что ей долгъ велитъ.
 Сей плѣнникъ предъ тобой всю правду говоритъ;
 А больше, государь, о дѣлѣ семъ не знаю.

К I Й.

Спалвѣрхъ, я цепь съ него сложить повелѣваю.
 Довольно мнѣ сего, токѣ дѣйства видѣнъ весь.
 Изыдите отсель. А ты останься здѣсь.

ЯВЛЕНІЕ V.

КІЙ и СТАЛВЕРЬХЪ.

КІЙ.

Мой другъ, въ какія я паду глубьки безны!
Спыжуся на тебя возрѣшь, мой другъ любезны.
Ужь слово шо швое увы! збылось шеперь,
Какъ шы мнѣ говорил: не вѣрь, о Князь! не вѣрь.
Что мы не въ строгости Оснѣлду содержали,
Вотъ милости плоды шеперь какіе дали!
А шы, о люшый звѣрь, съ главы шого вѣнецъ
Снимаешь дерзостно, кшо былъ шебѣ ошецъ.
Дзьяль чаять было мнѣ, чшобѣ здѣлалъ шы измѣни!
Падите на меня о вы чершожны смѣны,
Кшоры видѣли младенчешво ево,
Чшо я ево росшилъ какъ сына швоево!
Не сына, но змею днесь духъ мой ощущаетъ,
Кшорая меняжѣ злымъ жаломъ уязвляетъ.
Ни самый люшый шигрѣ шоль жестокѣ можешъ бышь,
Но ахъ! къ чему слова въ сей крайности плодишь!
Введи Княжну суды окованну съ собою;
Да мой умножитъ гнѣвъ швяща предомною;
И милосердіе изъ сердца истребитъ,
Кшорое о ней еще мнѣ говоритъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

КІЙ *однѣ.*

Какую чувствую я въ сердцѣ жалость болѣ?
 Или ея хочу оставишь на престолѣ,
 Чтобѣ область возпріявѣ съ Хоревомѣ въ сей странѣ,
 За милосердіе она ругалась мнѣ?
 Почто вы милосши о ней мнѣ говорише?
 Уже мнѣ умершвишь ее не возбранише.
 Щедроша хвалишся на праведномѣ судѣ,
 Щедроша хвалишся въ побѣдахѣ и вездѣ;
 Но мнѣ шеперь о ней и помышляшь недолжно,
 И сотворю что долгѣ величѣ мнѣ неоплажно.
 Умри прокляшая, умри коль шакѣ шы зла;
 Ты силою меня ко злобѣ привела.

ЯВЛЕНІЕ VII.

КІЙ, СТАДВЕРЬХЪ и ОСНЕЛЬДА.

ОСНЕЛЬДА.

Слезящѣе глаза, закройшеса скоряе!
 О Кій перзай мой духѣ какѣ можешъ жесточае!
 Казни, я милосши просиши не хошу!
 Казни, я горькій духѣ безстрашно испущу!
 Невинно предѣ шобой окованна держуся.
 Жестокой, дай мнѣ смерть! я смерти не боюся;
 Когда погигло все, когда надежды нѣшѣ;
 Жизнь бремя, и одна она покой даешѣ.

КІЙ.

КІЙ.

Невинно скованна? ты можешь оправдаться?
 Не льшись, уже тебѣ съ Хоревомъ не выдаться.
 Уже прощенія себѣ не ожидай,
 И наказаніе преступкомъ измѣрай.
 Принудивъ власть мою на мщеніе правосудно,
 Ты въ шо меня ввела что щедролюбдамъ трудно,
 И гнусно ешеству. Свирѣпая, швой взглядъ
 Оставивъ по тебѣ потомкамъ вѣчный смрадъ.
 Нѣшъ, ты не опъ людей на свѣшъ произведенна,
 Ты люшой львидею въ глухихъ лѣсахъ рожденна,
 Иля вознипанна ты шигровымъ млекомъ - - -

ОСНЕЛЬ ДА.

Престань, о государь! во гнѣвѣ бышь шакомъ.
 Почшо мнѣ имена шоль странны налагаешь?
 Иля наказаніе мое усугубляешь?
 Когда прошивъ шебя содѣлала я что,
 Я вся въ швоихъ рукахъ, карай меня за шо.

КІЙ.

Не умножай во мнѣ ты больше гнѣва люша!
 И шакъ швоя пришла послѣдняя минуша,
 Хоша въ Хоревѣ ты измѣнника нашла,
 Не думай, что бы ты на Кіевѣ шронѣ взошла.

ОСНЕЛЬ ДА.

Хоревѣ измѣнникъ спалъ? Хоревѣ тебѣ невѣренъ?
 Ахъ Князь! швой жаркой гнѣвѣ напрасенъ иль
 чрезмѣренъ.

КІЙ.

КІЙ.

Ты хочешь оправдишь измѣнника сего,
Врага опечесства и друга своего?
Спращись.

ОСНЕЛЬДА.

Не мни, чѣтобъ я свирѣпствѣ твоихъ боялась,
Или бы съ жизнію скорбяща разставалась.
Я въ бѣдности, въ плѣну, я въ узахъ въ сей спрѣмъ;
Но смерть препенуца приближись ко мнѣ,
И робко разлучишь мое съ душою шѣло,
Увидючи меня на гробъ мой зрящу смѣло.
Спремися жизнь опнять, спремись и погублай,
Лишь крови ты ево съ моею не смѣшай.
Ты можешь покарать, коль хочешь, мя безвинно;
Но ахъ! прошивъ ево вставашъ тебѣ безчинно.

КІЙ.

Но сожалѣніе шолікое о немъ
Родилось опъ чего въ плѣненіи твоємъ?

ОСНЕЛЬДА.

Однѣ ево чшу я? онъ милъ всему народу,
А мнѣ содержанной въ плѣну, давалъ свободу.
Не симъ ли, государь, ты шако прогнѣвленъ,
Чѣто братъ швой облегчалъ нещасной дѣвы плѣнъ?
Но ты все съ нами былъ, и все шо прежде видѣлъ.
Чѣто здѣлалось, чѣто насъ ты вдругъ возненавидѣлъ?
Я плѣнница, но въ чѣмъ виновенъ сей герой?
Ахъ! развѣ въ томъ, чѣто шелъ прошивъ меня на бой?

КІЙ.

КІЙ.

Хорéвъ съ тобой, меня съ престола свергнушь щидишься;
 Но щидешно шо ему къ швоей надеждѣ снишься;
 Не будешь зрѣшь рабомъ - - -

ОСНЕЛЬДА.

Далéко отъ шого :

Обманываешься.

КІЙ.

Такъ ддяради чего

Невольникъ посланъ былъ Велька́ромъ свобожденимъ ?

Ужь ваши промыслы мнѣ спали ошкровенны.

ОСНЕЛЬДА.

Ты самъ себя винишь невиннаго вина.

Я въ подозрѣнїи ево невинность зря,

Молчанїе свое невольно оспавляю,

И шаинство души предъ всѣми объявляю :

Твой брашъ мнѣ мнѣ, и я мила ему равно,

Любовь сїя въ сердцахъ нещасливыхъ давно.

И ежели она во гнѣвъ тебя приводишь,

Пускай ошмдненїе на мя одну исходишь.

Я дщерь Завлóхова; шакъ шы врагомъ мя числь,

Не мни лишъ, что бы онъ имѣлъ шоль злую мысль,

И вѣрь мнѣ, что и я шого не помышляла ;

Не ддяради сего къ Завлóху посылаала ;

Соизволенїе хотѣла получишь,

Чтобъ браша швоего безвинно мнѣ любишь,

Тѣ узы разорвавъ, что намъ въ любви мѣшають,

И щидешно кровь на кровь ко злобѣ возбуждають.

Но ахъ ! родишель мя къ шому не допустилъ ;

Завлóхъ Хорéва мнѣ любими возпрещилъ.

КІЙ.

КІЙ.

Яви мнѣ грамошу, я прежде не повѣрю.

ОСНЕЛЬ ДА.

Клянуся всемъ, что есть, что я не лицемѣрю,
 А грамоша сія тогда же раздранъ,
 Когда печальна вѣсть сія получена;
 Чтобъ я въ продерзости, которую здѣлать смѣла
 Изобличенія предъ глазами не имѣла.
 Казни меня, казни, и смертию зашуши
 Возпламененіе несчастныя души;
 Лишь, ахъ! въ ошмщеніи имѣй шы мѣру гнѣва,
 И сей возженный огонь оставь въ крови Хорѣва.
 Но о дражайшій Князь! можешь ли шы снести,
 Услышавъ обо мнѣ сію печальну вѣсть!
 Уже тебя я зрю слезами окропленна,
 Въ шоқѣ, въ безпамятствѣ, и смершно огорченна.
 Снеси, возлюбленный, снеси печаль сію,
 Останься живъ, прими изъ ада шѣнь мою,
 Вмѣспи мой духъ въ себѣ во знакъ любви нелестной,
 И сопряги съ собой ошпатоқъ сей безвѣстной.
 Не дай мнѣ въ жалобахъ на Кіа пребывать,
 Коль могушъ небеса по смерти жизнь намъ дать.

КІЙ.

Но кое слово шы о Кіѣ износила,
 Какъ шы изъ хранинъ сихъ съ Хорѣвомъ изходила?
 Мнѣ все извѣстно то.

ОСНЕЛЬ -

ОСНЕЛЬДА.

Ахъ! развѣ помный умъ
 Изполненъ множествомъ моихъ печальныхъ думъ,
 Прешедшія бѣды, рабовъ моихъ желѣзы,
 И насюящу брань, мой всегдашни слезы,
 Къ смясенію души сшенящей предсшавляѣ,
 И нѣчто мой языкъ вѣ забвеніи вѣщаль.

КІЙ говоритъ Сталверьху нѣчто на ухо,
 Сталверьхъ выходитъ, а КІЙ лотомъ:
 Не жди, лукавая, вѣ обманахъ сихъ услѣха;
 Погибла вся швоя надежда и ушѣха,
 И смершь швоя близка.

ОСНЕЛЬДА.

Чево мнѣ ожидашь?

Но нѣчего ужѣ мнѣ ею пошеряшь.
 Родительскій престолъ, владычество, держава,
 Величество мое, и наша преждня слава,
 Давно вѣ твоихъ рукахъ. Духъ встрѣшишь смершь
 готовъ,
 И взяшь ужѣ нѣчего ей кромѣ сихъ оковъ.
 На что мнѣ больше жить? безстрашно умираю.
 Но ахъ! когда о томъ на мысли предсшавляю,
 Что вѣ подозрѣніи останется Хоревъ - - -
 Смягчи, о государь! къ нему напрасный гнѣвъ.

КІЙ.

Ты хочешь мнѣ еще предписывать уставы?

ОСНЕЛЬДА.

Дѣла предѣ свѣшомъ всемъ его явятся правы,

И

И нѣшѣ опасности мнѣ въ шомѣ, о чемѣ прошу,
 Лишь симѣ прошеніемѣ невинность поношу.
 Когда придѣшѣ во градѣ подѣ лавровой короной,
 Въ великолѣпїи на колесницѣ оной,
 Кошору плѣнники нещасны повлекушѣ,
 И какѣ Завлѣха въ плѣнѣ въ оковахѣ поведущѣ,
 Тогда изѣ бѣдности невольниковѣ познаѣшь,
 Коль праведно шеперь о насѣ шы разсуждаѣшь.
 И ештли збудѣтся, что предвѣщаю днесѣ,
 Хоть пощади ошца Оснѣлды видя здѣсь,
 И люшосшѣ заплаши содѣянну щедрошой,
 А я лишасѣ всего иду на смершѣ съ охошой.

КІЙ.

Умри, обманщица. Вспушите спражи кѣ ней,
 Возьмише.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КІЙ *одинѣ*.

Вы хопя шеперь душѣ моей,
 Въ глубокихѣ пропастяхѣ спенящїе шираны,
 И моющїе слезѣ пошюкомѣ оны раны,
 Кошоры на землї прияшы сушь опѣ васѣ,
 Подайте варваршва на сей жестшюкой часѣ,
 Чшобѣ могѣ я совершишѣ намѣренїе спрого.
 О слава! пронѣ! вѣнецѣ! вы спѣшите мнѣ много!

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

КІЙ, и СТАЛВЕРХЪ СЪ КУБКОМЪ.

КІЙ.

Подай сей кубокъ ей, скажи: се мзда ея,
 Къ чему приведена шеперь душа моя.
 Скажи вотъ я даю, чево она желяешъ,
 Иль паче ахъ! къ чему она мя принуждаешъ.
 Скажи, что здѣшній скиптръ еще въ моихъ рукахъ,
 И я еще не рабъ. Прими Спалверхъ. Но ахъ!
 За что вы боги мнѣ шакую часть послали,
 И несвирѣное при помѣ мнѣ сердце дали?
 Мучители! я днесъ участникомъ вамъ спалъ!
 Участникомъ! увы! о что я предпріялъ!
 Поди, Спалверхъ, пощись щедроту одолѣши:
 Доколѣ гнѣвъ кипитъ, вели ей умереши.

СТАЛВЕРХЪ отходитъ.

Что дѣлаешъ Хоревъ, возвержемъ въ поле взоръ,
 Ужели зачался въ полкахъ моихъ раздоръ.
 И ежели ужь онъ пріялъ свое начало,
 Вонземъ до времени мечное въ сердце жало.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

КІИ *одинъ.*

Малѣйши въ старости зѣницѣ лучи храни,
 Не устращаешель глазѣ мой меня?
 Я видѣлъ пылъ шолопомъ: какое предвѣщанье!
 И слышалъ въ далекомъ шумѣ конское шептанье,
 Побѣдоносный гласъ, и побѣжденныхъ стонъ:
 Никакъ уже, никакъ валился Кіевъ провъ!
 Конечно такъ: о чемъ мнѣ больше сумѣваешь?
 Уже пришелъ мой часъ со свѣтомъ разспаваться.
 Какихъ я радостей въ побѣдахъ слышныхъ жду?
 Почто въ желанный гробъ шоль медлѣнно иду?

ЯВЛЕНІЕ II.

КІЙ, ВЕЛЬКАРЪ съ ЗАВЛОХОВЫМЪ МЕЧЕМЪ,
 и нѣскольکو воиновъ съ нимъ.

КІЙ.

Что вижу я!

ВЕЛЬКАРЪ.

Се мечъ Завлоха побѣжденна,
 Котораго въ сей часъ Хоревъ представитъ плѣнна.

КІЙ *единому изъ воиновъ.*

Бѣги скорай къ Княжнѣ, къ владычицѣ своей,
 Къ невѣстѣ Княжеской: скажи свободу ей,
 И чшобъ Сталверхъ пришелъ.

ВЕЛЪ

ВЕЛЪКАРЪ.

Скончавши дня ненастье
Хоревъ сугубое въ сей день имѣешь счастье!

КІЙ.

Дай небо, чтобъ онъ такъ дѣйствительно имѣлъ!

ВЕЛЪКАРЪ.

О естѣлибѣ, государь, дѣла ево ны зрѣлъ!
Еще полки на брань не двигнулись изъ града,
Завлѣхъ ужь былъ у стѣнъ, и началась осада.
Тронулось воинство, но ужь у каждахъ врагъ
Спиралися враги, и смерть мешали въ градъ.
Что сила мужества собраніемъ поздала,
Побѣда ждуща насъ, насъ страхомъ всколебала.
И какъ ужь выходовъ народъ нашъ не имѣлъ,
Хоревъ зря бѣдство то, на стѣны возлетѣлъ.
Спускается, разитъ числомъ мечей немногимъ:
Такъ средь шумящихъ водъ волнамъ прошиваясь спро-
гимъ
Корабль ошвсюду ждущъ погибелей своихъ,
Дерзаетъ на валы и попираетъ ихъ.
Ихъ стрѣлы, такъ какъ градъ падушь, на насъ неслися,
Казалось, что полъ отъ ужаса тряслися.
Воспоминаніемъ прешедшя войны,
Гдѣ гибли чады ихъ, родилели, жены,
Они на грозну смерть съ безстрашіемъ взирали,
Дешѣли помереть и смерть уничтожали.
Князь малое число людей съ собой имѣлъ,
И прошивъ съ ними онъ великой бури шелъ.

Хорéва, дѣйствіи безспрашны показали,
 Увидѣли враги и санѣ ево познали:
 Мешались на него; но смерть на мѣспѣ семѣ
 Ужасна имѣ была, съ Хорéвовымѣ мечемѣ.
 Хошя они ево стѣнами окружали,
 Но рѣки надѣ главой ево съ мечми дрожали,
 Когда ихѣ дерзости супротивлялся рокѣ,
 И лился отѣ меча острѣйша кровный токѣ.
 Се раздается гласѣ по воинству во градѣ:
 Хорéвѣ спустился съ стѣнѣ и у враговѣ вѣ осадѣ.
 Сей гласѣ, спенящій гласѣ какѣ нѣкѣй новый Богѣ,
 Воинскія сердца еще жарчае жогѣ.
 Приходишѣ новая во всѣ ихѣ храбрость члены,
 И вмѣсто врашѣ шворащѣ пуши себѣ чрезѣ стѣны.
 Спрямятся времена продлиши дней драгихѣ,
 Текушѣ во множествѣ, гдѣ гибнешѣ щастье ихѣ.
 На копья, на мечи свергающа съ размаху,
 Не чувствуя вѣ сердцахѣ ни гибели ни спраху.
 На избавленіе кѣ нему весь градѣ предшаль.
 Смященный имѣ народѣ смерть вѣ чужды спаны гналѣ.
 Геройско мужество все войско ободряло.
 По семѣ порядокѣ шумѣ пріялѣ свое начало.
 Какѣ алчный левѣ на льва спремилшя за шельца,
 Такѣ Князь пошелѣ прошивѣ Оснѣльдина ошца.
 Опасность первую совсемѣ позабываетѣ,
 И всѣ свой полки далеко оставляетѣ,
 И какѣ онѣ конѣ свое вѣ щипы вонзалѣ,
 Два раза конѣ подѣ нимѣ отѣ стрѣлѣ вонзенныхѣ палѣ,
Отѣ

Отъ прешей онъ стрѣлы падушъ не могъ встать болѣ,
 И всадника на смерть оставилъ пѣша въ полѣ.
 Во опасеніи Хоревъ вшоричномъ былъ,
 Но шьмой враговъ объяшъ вокругъ себя рубилъ.
 Шеломъ съ главы упалъ: онъ ошкровенъ оштался;
 Но отъ враговъ своихъ все шакже защищался.
 Се воинство опять за нимъ на смерть спѣшитъ,
 И сей вшоричный гнѣвъ еще жарчай кипитъ.
 Бѣгутъ отъ быстрыхъ стрѣлъ разбѣяны народы,
 Бѣгутъ безъ памяти, падутъ съ коньми съ горъ въ воды.
 Хоревъ вооруженъ восходитъ на коня,
 Имѣя при себѣ все войско и меня,
 Однихъ онъ гонитъ съ мѣстъ, другихъ онъ поражаетъ,
 И шакъ какъ молнія въ поляхъ съ мечемъ сверкаетъ.
 Но вспомнивъ нѣкое онъ слово въ оный часъ,
 Имѣлъ прошеніе и слѣзы за приказъ:
 Какъ межъ нещасливыхъ стонъ жалкій раздавался,
 И страждущій Завлохъ подъ острый мечъ бросался,
 Ему и вѣмъ ево пощаду даровалъ,
 И въ милосердіи побѣду воспріялъ.
 Теперь ошталось единаго желати,
 Чемъ брата швоего веселье увѣичати,
 Чшобъ онъ прекрасную - - -

К І Й.

Мой духъ въ груди стѣсненъ.

ВЕЛЬКАРЬ.

Я вижу, Князь, что ты симъ словомъ возмущенъ.

О 3

К І Й.

КІЙ.

Не те , что думаешь ты , вздохи извлекаешь.
 Велькаръ о шайнствѣ души моей не знаетъ.
 О боги , здѣлайте мнѣ радостнымъ сей день ,
 Да солнечны лучи не помрачипъ намъ шѣнь !

ЯВЛЕНІЕ Ш.

ТѢЖЪ и ПОСЛАННЫЙ КЪ КНЯЖНѢ.

ПОСЛАННЫЙ.

Скрѣпися , государь !

КІЙ.

О злое рока жало !

ВЕЛЬКАРЪ.

Что здѣлалось здѣсь ?

ПОСЛАННЫЙ.

Оснѣлды ахъ ! не спале.

ВЕЛЬКАРЪ.

Какой увы ! ударъ - - -

КІЙ.

Я весь окамененъ.

Къ чему несчастливый теперь я приведенъ !

Велькаръ , вошъ шайнство , чемъ тако я смущался !

ВЕЛЬКАРЪ.

Достойно ты вздыхалъ , достойно устращался.

О коль несносенъ ей родителевъ былъ плѣнь !

КІЙ.

А я еще живу ! почто я въ свѣтѣ рожденъ !

ВЕЛЬ -

ВЕЛЬКАРЬ.

Какую люшость, ахъ! душа швоя имѣла,
 Чшо облегченія подати ей не умѣла?

КІЙ.

Ты всѣхъ не вѣдаешь нещастіевъ моихъ.

ВЕЛЬКАРЬ.

Чшо можешъ, государь, бышь больше бѣдъ намъ сихъ?
 Оснѣлды нѣтъ, Хоревъ - - -

КІЙ.

Сокровище драгое!

Ахъ! мнишь ли ты прійшишь на зрѣлище такое?
 Скажи, чшо видѣлъ ты?

ПОСЛАННЫЙ.

Какъ съ вѣстію я шелъ,

Кощору, государь, ты ей принесъ вѣлѣлъ,
 Услышалъ шамо спонъ, вопль жалобный къ безсмерш-
 нымъ.

И къ скорбямъ можешъ бышь Хореву неизщешнымъ,

Я вшедъ въ ее черпогъ смущаясь ее не зрѣлъ,

И возмущеніемъ безвѣстнымъ духъ мой мѣлъ.

Но кое зрѣлище предъ очи вдругъ предшало!

То шѣло на одрѣ безчувшвенно лежало,

Увяли красоты, любви заразовъ нѣтъ - - -

КІЙ.

Сокройся отъ очей моихъ прошивный свѣтъ!

ПОСЛАННЫЙ.

Аспрада вся въ слезахъ, Аспрада огорчена,

Въ шокъ, въ ошчаянье, сей смертью приведена,

Не знаетъ что зачашь, и рвешся въ сей бѣдѣ:
 О боги, вопіешъ, иль нѣтъ суда нигдѣ,
 Когда шакъ долго ждешъ сіе злодѣйство казни.
 Или оставленъ свѣтъ въ неправдѣ безъ боязни?
 Разите небеса, бросайте огонь и громъ,
 Пади надъ шѣломъ симъ несчастливый сей домъ,
 Гдѣ праотцы ея шакъ долго обитали,
 И въ мирной тишинѣ симъ градомъ обладали.

КІЙ.

Всѣхъ лютошей, что есть, исполненъ мнѣ сей день.
 О жалующаяся во шмѣ на Кіа шѣнь,
 Не представляйся мнѣ сменяща предомною,
 И дай хотя на часъ пристанище покою!
 Хотя на минушу дай мнѣ мысль мою собравъ - - -
 Хоревъ, и съ нимъ Завлохъ! - - - ахъ! что ему скажешь!
 Волнуется вся кровь, не держашъ шѣла нѣги.
 Подаи сѣдалище. (Садится.)

ВЕЛЬКАРЪ.

О вы велики Боги!

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢЖЪ, ХОРЕВЪ и ЗАВЛОХЪ.

ХОРЕВЪ.

Се часъ желаемый Хоревомъ совершенъ;
 Завлохъ, о государь! шобою побѣжденъ.
 А мы прославившись еще себя прославимъ,
 И покоривъ враговъ друзьями ихъ оставимъ.

А ты, о храбрый Князь! покорствуя судьбамъ,
Прими подобну мысль, и будь союзникъ намъ.

ЗАВЛОХЪ.

Я зря, что часъ моя Хорёву уступашъ,
И лавръ главы моей предъ онимъ увидашъ,
Лишь шѣмъ довольствуюсь, что долго щасливъ
былъ,
И что впослѣдніе Хорёвъ мя побѣдилъ,
Кошораго никто не можешъ одолѣши.
Въ какомъ ты видѣ мя, Оснѣльда, будешъ зрѣши!
Великій Россовъ Князь! швой храбрый брѣтъ желалъ
Невольницы своей въ жену и испрошалъ;
Но я тогда еще въ своей оставшей славѣ,
Прошивился ему въ желаемой забавѣ,
И думаю что симъ я шако согрѣшилъ:
Я можешъ бышь союзъ ихъ бранью разрѣшилъ.

ХОРЕВЪ.

Мнѣ дщерь швоя мила и нынѣ шакъ какъ прежде.

ЗАВЛОХЪ.

Такъ буди, дочь моя, опяшь ты въ сей надеждѣ!

КІЙ.

Какой я слышу громъ! (возставъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

КІЙ, ХОРЕВЪ, ЗАВЛОХЪ, ВЕЛЬКАРЪ и ВОИНЫ.

Единъ воинъ вшедъ.

Спалвѣрхъ скончалъ животъ,

Низвергшись въ глубину Днѣпровыхъ быстрыхъ водъ,

Опчаянѣ множесшво печальныхѣ словѣ вѣщаая,
И свергся со беговѣ Оснѣльду вспоминаая.

ХОРЕВЪ.

Оснѣльду при концѣ - - -

КІЙ.

Любезный брѣтѣ! увы!

Мы вѣдали ужѣ шо, что сѣ ней любилась вы;

Но шанисшво сѣе не такѣ мы поаковали.

О Боги! что за казнь вы на меня послали?

Посольсшвы, грамошы во вражески спаны,

Тобой кѣ жестокому смяшенію даны.

Любезнѣйшій Хоревѣ! - - -

ХОРЕВЪ.

Что здѣлалось? не знаю,

Вѣ какомѣ смущеніи я всѣхѣ здѣсь обрѣшаю.

Ты миѣ не говоришь, ослабѣвая весь.

Скажи миѣ, государь, что приключилось здѣсь!

Скажи хошь шы Велькарѣ, скажи, мой другѣ любезны.

Ты плачешь - - - ахѣ Княжна!

ВЕЛЬКАРЪ.

Рокѣ злой! минушы слезны!

ХОРЕВЪ.

О небо!

КІЙ.

Ты Велькарѣ не вѣдаешь того,

Кто былѣ причиною нещастія сего.

Карай меня, Хоревѣ, свергай сѣ высока прону,

Я швой люшѣйшій врагѣ! снимай сѣ главы корону.

ХОРЕВЪ.

Я вижу, государь, что шы меня сразилѣ.

КІЙ.

КІЙ.

Рази и шы, я, ахъ! Оснѣльду умершвилъ.

ХОРЕВЪ.

Что слышу я теперь!

ЗАВЛОХЪ.

О дидерь, о плодъ нещастный!

ВЕЛЬКАРЪ.

Къ чему, о небеса, былъ сей ударъ напрасный!

ЗАВЛОХЪ.

О злая вѣдомость, жестокия бѣды!

Се дружество, мой Князь, изъ прежднія вражды.

ХОРЕВЪ.

Чемъ можешь небо мнѣ урокъ сей заплашынн?

Что слыцешь, бѣднаго за гнѣвъ свой наградиши?

Оснѣльда ужь мертва! и слыцешно я гѣрю!

Оснѣльды больше нѣтъ! - - - ахъ что я говорю!

Не сонъ ли мя спрашишь напасью шаковою?

Нѣтъ, въ явѣ разлученъ, Оснѣльда, я съ тобою!

Гдѣ я! - - - и что я спалъ! - - - день злобный!

люшый часъ!

Чемъ боги я, увы! прогнѣвалъ шако васъ?

Но кая темна ноцъ вдругъ небо покрываетъ!

Какія пропасши земля мнѣ разверзаетъ!

Что вижу я? Княжна моя во мракъ падетъ!

Темница вѣчная красы ея беретъ!

Пойдемъ противъ Боговъ, освободимъ нещастну,

Повержемъ мощну смерть, и возвратимъ прекрасну.

Велькаръ! лишаюся красотъ ея драгихъ,

Уже скрывается она отъ глазъ моихъ.

Оснѣль.

Оснѣльда! - - - небеса! иль вы на мя падите!
 Или въ сихъ крайностяхъ мнѣ бѣдну помогите!
 Не внемлешся мой гласъ, надежды больше нѣшъ ---
 Проси --- увы! померкъ, померкъ уже мой свѣшъ.
 О нестерпима казнь! Перунъ ожесточенный!

ВЕЛЬКАРЪ.

Збери, о государь, свой разумъ разпоченный,
 Ты чувствѣ лишаешся.

ХОРЕВЪ.

Оснѣльда! гдѣ ты? гдѣ?

Куды ты скрылася?

ВЕЛЬКАРЪ.

Что дѣлашь въ сей бѣдѣ!

Опомнися, мой Князь.

ХОРЕВЪ.

Оснѣльда!

ВЕЛЬКАРЪ.

Князь, опомнися,

И прежнимъ мужествомъ своимъ опять исполнись.

ХОРЕВЪ.

Велькаръ! дражайшій другъ! что спалося со мной?

Когда я ожидалъ себѣ шоль часши злой?

На что побѣды мнѣ? наслѣдственна держава?

Погибни все шеперь Величество и слава.

На что мнѣ ужь и жишь во свѣшъ семъ спеня?

Ужь нѣшъ шого, ужь нѣшъ, что льшило вънемъ меня.

Толь малодушнымъ бышь хошь мужу и не должно,

Но мысли горькѣя преодошь не можно:

Оснѣльда во слезахъ предъ очи предшаешъ,

Которыя она о мнѣ при смерти льешъ.

Во-

Воображаются мнѣ всѣ ея заразы.
 Воспоминаюся послѣдніе приказы,
 И представляюся мнѣ всѣ ушѣхи тѣ,
 Которыхъ ожидалъ въ драгой я красотѣ.
 Гдѣ дѣялся вы дни, копорыми я льшился?
 Уже съ Оснельдою я вѣчно разлучился!

ВЕДЬКАРЪ.

Къ чему жъ спенаніе, и горькій слезный шокъ,
 Когда не возвратимъ, что взялъ свирѣпой рокъ?

ЗАВЛОХЪ.

О Князь! послѣдуй мнѣ шерпя случаи люшы!
 Мнѣ зря себя въ шокъ сушь зяе злы минушы.
 Ты здѣлала, о дщерь! хошя упалъ нашъ шронъ,
 И побѣдителямъ и побѣжденнымъ спонъ.
 И ешлы въ адѣ гласъ Хорéвоѣ духъ швой шронешъ,
 Ликуй, что по шевѣ Герой великой спонешъ;
 Ужь не почтешъ тебя невольницею адъ,
 Заплачешъ по шевѣ съ Хорéвомъ весь сей градъ.

ХОРЕВЪ.

Но кая помощь шѣмъ нещасному Хорéву?
 Уже не возвратишъ сей плачь нещасну дѣву.
 Невремянно лишенъ ея но навсегда,
 И ужь не буду зрѣшь Оснельды никогда.

КІЙ.

Карай мя, я швое сокровище похишилъ.

ХОРЕВЪ.

Пускай сей кровію себя швой гнѣвѣ насышилъ,
 Который шоль себя на мя ожесточилъ.
 Но ешлы я шевѣ когда нибудь былъ милъ;

Такъ

Такъ преждни милоспи швой ко миѣ напомни,
И при концѣ моемъ хоша сѣ исполни:

Отдай Завлоху мечъ, свободу возвраши,

И воинство все съ нимъ изъ града изпусти,

КІЙ отдаетъ Завлоху мечъ

а ХОРЕВЪ говоритъ Завлоху:

А ты, несчастный Князь, возьми съ собой шо шло,

Которо еѣ живонѣ вспалишь меня умѣло

И шокомъ слезъ смочивъ лишенное души,

Предай ево землѣ. Надъ гробомъ напиши:

Дѣвица, коей прахъ еѣ семъ мѣстѣ почиваетъ,

Хорѣва потерявъ къ себѣ не ожидаетъ,

Котораго она любила еѣ жизни сей;

Хорѣвъ ея лишасъ послѣдовалъ за ней.

(заколелся.)

КІЙ.

Увы!

ЗАВЛОХЪ.

О Боги!

ВЕЛЬКАРЪ.

Ахъ!

КІЙ.

О день! минувшг грозны!

Я каюсь; но уже раскаяніи позны.

Конецъ трагедіи.

Печашано при Имперашорской Академіи
наукъ въ 1747 году.

Г А М Л Е Т Ъ

Т Р А Г Е Д І Я,

АЛЕКСАНДРА СУМАРКОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА.

КЛАВДІЙ, незаконный Король Даніи.

ГЕРТРУДА, супруга его.

ГАМЛЕТЪ, сынъ Гертрудинъ.

ПОЛОНИЙ, налестникъ Клавдіевъ.

ОФЕЛІЯ, дочь Полоніева.

АРМАНСЪ, налестникъ Гамлетовъ.

ФЛЕМИНА, налестница Офеліина.

РАТУДА, налестница Гертрудина.

ПАЖЪ, Гамлетовъ.

ВОИНЫ.

Дѣйствіе есть въ Даніи, въ столичномъ городѣ
въ Королевскомъ домѣ.

ГАМЛЕТЪ ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГАМЛЕТЪ *однѣ.*

Смушился духъ во мнѣ. О ночь! о страшный сонъ!

Спуайше изъ ума любезны взоры вонъ!

Наполни яростью, о сердце! нѣжны мысли,

И днесъ между враговъ Офелію мнѣ числи!

Офелію - - - увы! едино имя шо

Преобрацаешъ все намѣренье въ ничто,

И нудишъ, во умѣ загладишъ ужасъ ночи.

Чтожъ здѣлаюшъ пошомъ ея драгіе очи!

О долгъ преодолѣй любовь и красоту!

Остави щасливымъ пріятну суету!

Опрыгни мнѣ шеперъ пирановъ гнусныхъ злоба,

Свирѣпство къ должности, на жертву къ мѣсту гроба,

Гдѣ Царь мой и ошецъ себѣ отмщенья ждетъ!

Онъ совѣспи моей покою не даешъ:

Я слышу гласъ ево, и въ ребрахъ вижу рану:
 О сынъ мой, вопіешъ, опмеси, опмеси пирану,
 И свободи гражданъ.

ЯВЛЕНІЕ П.

ГАМЛЕТЪ и АРМАНСЪ.

АРМАНСЪ.

Смущенный голосъ швой

Воздвигъ меня съ одра, и ошлучилъ покой.

Я вижу что душа швоя обременена.

Не вся ли шако ночь побою провожденна?

Знашь въ храмину швою сонъ сладкій не входилъ?

Иль новый спрахъ шебя поль рано возбудилъ?

Но Клавдій спитъ еще въ обѣяшяхъ Герспруды,

Еще покояшся ево пирански уды.

Иль воображается въ умѣ швоемъ шеперь,

Молящая шебя Полоніева дщерь,

И пламенный швой духъ слезами ушояетъ? - - -

ГАМЛЕТЪ.

Твой другъ Офелію опнынѣ ошавляетъ.

Но можно ли тогда въ ночи покойно спашь,

Когда велишь судьба любезну покидашь,

И быши ей врагомъ, врагомъ бышь не умбѣ,

Ниже къ враждѣ вины, малбйшія имбѣ.

Ужасный сонъ! своихъ мечшавшихся мнѣ силъ,

Ты удареніемъ, нещасна поразилъ!

Гоголь

Головъ къ опмищенію: о сонъ! своя мнѣ сила,
То, что исполнишь, мнѣ уже опредѣлила.

АРМАНСЪ.

Какую ты мечшу - - -

ГАМЛЕТЪ.

Довольно безъ мечшы

Ко гнѣву и шого, что сказывалъ мнѣ ты.

Злодѣйство Клаудія уже изобличенно,

Офеліинъ отецъ погибнешъ непременно.

Отецъ мой убитъ среди своей страны,

Не въ полѣ, на одрѣ лукавыя жены,

Котора много лѣшъ жила съ нимъ безъ порока!

А льстецъ Полоній былъ орудьемъ злаго рока!

Полоній сей, ково отецъ мой шоль любилъ!

О дщерь убійцына! почшо тебѣ я милъ!

Почшо мила ты мнѣ! почшо я въ свѣшъ родился,

Когда я своего отца, швоимъ лишился!

А ты отца шеперь лишена будешь мной.

Равна у насъ любовь, равна и часъ съ шобой.

Арманс! ты хочешь знашь, что Гамлешу мечшалось,

И кое зрѣлице во мракѣ предшавлялось.

Разшавшися съ шобой, я въ храминѣ спеналъ,

Хошѣлъ заснушь; но сонъ отъ глазъ моихъ бѣжалъ.

Отчаянье меня въ одрѣ моемъ шерзало,

И яросшь съ жалосшью, чрезъ шри часа мѣшало.

По шомъ я скорбію несносной ушомленъ,

Забылся и заснулъ шоской обремененъ.

Но сей покой мнѣ спалъ мукъ пущею виною:

Родитель мой въ крови предшалъ передомною,

И плача мнѣ вѣщалъ, о сынѣ! любезный сынѣ!
 Познавъ вину моихъ несчастливыхъ судьбинъ,
 Почти ты борешься съ разсудкомъ шоль безчинно,
 Или чщобъ и швое мнѣ сердце было винно,
 Отписти отцову смерть, и миденьемъ ушуши
 Всегдашню жалобу сменяющія души,
 Прими Геройску мысль, оставь дѣла любовны,
 Воззри на шѣнь мою, и зри пошоки кровны,
 Кошоры предъ шобой изъ ребрѣ моихъ шекупѣ,
 И проливаясь на небо вопіюшѣ.
 Сей гласъ меня воздвигѣ, ужасна шѣнь пропала;
 Но мнилось, что еще и вѣ явѣ угрожала.

АРМАНСЪ.

Суля природѣ данъ, машъ хочешь пощадить:
 Не можешь ли любви шого же сотворишь?
 Ты умбряючи свою къ Гершрудѣ злобу,
 Винишь злодѣйство вѣ ней; но чшишь ея ушробу:
 Полбнѣй смерть прѣяшь достоинѣ какѣ злодѣй;
 Но Гамлетѣ, онѣ отецѣ возлюбленной швоей.
 Она сей смершю съ шобою разлучишь;
 Пускай на Клавдѣ отпщенье совершится.

ГАМЛЕТЪ.

Гершрудою, Армансѣ, я человекѣмъ спалѣ,
 Полбнѣемъ отца на вѣки пошерялѣ;
 Оставляю машъ суду всевысочайшей власти,
 И воспрошиваюся своей негодной шпращи.

АРМАНСЪ.

АРМАНСЪ.

Колико горькихъ слезъ любезной ты прольешь!

Иль горести ея безъ жалости ты ждешь!

Ты самъ себѣ влечешь поскливо разлученье:

Какое приключишь себѣ и ей мученье!

ГАМЛЕТЪ.

Я бѣдствіемъ своимъ хочу себя явить,

Что надъ любовію могу я властенъ быть.

Люблю Офелію; но сердце благородно

Быть должно праведно, хошь пѣнно, хошь свободно.

АРМАНСЪ.

Когда Офелія увидишь съ тобою,

Я чаю премѣнишь тогда разсудокъ свой,

И слабости свой невинныя познаешь.

ГАМЛЕТЪ.

Почто ея ты мнѣ шоль живо представляешь?

Я вознамѣрился не зрѣть ея въ сей день.

Воображайся мнѣ явившаяся тѣнь!

Возрите вы глаза къ родительскому гробу,

И умножайте днесъ во мнѣ свирѣпу злобу!

Ожесточите мя, какъ можете, теперь,

И дайте позабыть мнѣ, чья Офелія дщерь!

ЯВЛЕНІЕ Ш.

ГАМЛЕТЪ, АРМАНСЪ и ГЕРТРУДА.

ГЕРТРУДА.

Не немощь ли тебя какая удержала,

Что я тебя вчера день цѣлый не видала?

П 4

Едва

Едва зоря могла взойши на небеса,
 И освѣшила валъ и дальные лѣса,
 Гершрѹда не видавъ себя вчера съ собою
 Сама пришла спросить что здѣлалось съ тобою?
 Не должно ли твоихъ ошсущствѣевъ, причинъ,
 Знать матери всегда, любезнѣйшій мой сынъ?
 Но ты смущаешься, и очи смупны спали;
 Не здѣлалось ли тебѣ какой печали?

ГАМЛЕТЪ

Что я въ смященіи, ты то могла узнать;
 Не надобно ужè шого мнѣ ошкрывать.

ГЕРТРУДА.

Не надобно, но что, мой сынъ, шому виною?
 Тебѣ не надлежитъ такъ скромну быть со мною.

ГАМЛЕТЪ.

Молчи, и горести моей не умножай!

ГЕРТРУДА.

Что здѣлалось тебѣ, скажи, не сокрывай.
 Ты сею шайношью, мой сынъ, меня терзаешь?
 Или себѣ врагомъ Гершрѹду почишаешь?

ГАМЛЕТЪ.

Я опъ себя свое имѣю существо,
 И бышь тебѣ врагомъ прешипъ мнѣ ешество.

ГЕРТРУДА.

Но чемъ суровый сей опвѣшъ я заслужила?
 Не шѣмъ ли, что тебя въ ушробѣ я носила?
 О ештлибъ швой опецъ въ сей жизни пребывалъ!
 Чтобъ, видя насъ шеперь, онъ Гамлешу сказалъ!

ГАМ-

ГАМЛЕТЪ.

На что ты предомной ево воспоминаешь?

ГЕРТРУДА.

На что воспоминашь ево миѣ восприщаешь?

Онѣ въ памяти моей пребудетъ навсегда:

Безъ слезъ ево конда не вспомню никогда.

Когдабъ шы не былъ младъ, и могъбы царствомъ править;

Хотѣлабы я, Князь, вдовство свое оставишь?

На Царскій одрѣ, на шронѣ, раба я вознесла;

Чтобъ лучше я швое наслѣдіе пасла.

ГАМЛЕТЪ *заллажавъ.*

О Боже! шы зришь все, и все шебѣ извѣстно;

Какъ слышишь шы изъ уснѣ ея шоль слово лестно?

Ты крѣпость скромности совсемъ ужъ опияла,

И шайну въ сихъ слезахъ изъ сердца извела.

АРМАНСЪ.

Иль чувство опѣ шебя, о Гамлетѣ! отступаешь?

ГАМЛЕТЪ.

Ужь поздно мысль шайшь; Герштруда шайну знаетъ.

Докончивай свою богопрошивну лестъ,

И Клавдія спасай доколѣ время есть.

Скажи ему, что я къ ево гошоваюсь кáзни,

Прелюбодѣйствеуй съ нимѣ не чувствуя боязни.

Не мни, что на шебя разверзся адскій зѣвъ,

И снидетъ рано ли, иль поздно вышній гнѣвъ.

Покойся въ рѣскошахъ, въ одрѣ окровавленномъ,

Къ злодѣйству и грѣху шобой опредѣленномъ.

Не предшзвлай себѣ на память никогда,

Что въ пронасти шебя ждешъ вѣчная бѣда.

И ешьли не сышѣ пы , ахъ ! напившись кровью ;
 Пожри еще меня сей мерзскою любовью ,
 И сокруши свой плодъ : онъ бышь не можешъ милъ ;
 Когда родитель мой душѣ твоей послылъ .
 Но ешьлибѣ еспешивовѣ помѣ все мнѣ прошивлялось ;
 Тебѣ сердце и тогда мое не убоялось ;
 Я больше не могу о жизни сожалѣшь :
 Пришелъ мой часъ иду опмсшишь , иль умереть .

АРМАНСЪ *останавливаетъ его.*

Остановися здѣсь , Князь ! что пы предприемлешь ?
 Ты вѣ изспуленіи едину ярость внемлешь .

ГАМЛЕТЪ.

Не внемлю ничего , лишь мышляю обѣ опцѣ :
 Ощецъ мой убѣенъ ! Убійца здѣсь вѣ вѣнцѣ ,
 Довольствуюся имѣ прошивясь вышней волѣ !
 Онъ вмѣсто казни здѣсь во славѣ , на престолѣ !
 Спешитъ , шобой супругѣ , шобой жизнь скончалъ .

ГЕРТРУДА.

Покровѣ безшмыднихъ дѣлъ Гершрудиныхъ низпалъ ,
 Проклящая душа опкрылась предѣ шобой ,
 Спыжусь слышь мѣшерью , спыжуся слышь женою ,
 Спыжуся вспомянушь , что я , ахъ ! человекъ ,
 И лучшебъ было то , чтообъ мнѣ не бышь во вѣкѣ .
 Нѣшъ вѣ свѣшѣ семѣ къ моей убѣжища опрадѣ ,
 И нѣшъ мученія достойнаго мнѣ вѣ адѣ .
 Гдѣ скрышься отъ спыда ! куды свой грѣхъ понесешь !
 Опколѣ возврашу свою погибшу честь !

Спра-

Спрадась : жизнь мѹка мнѢ, хошя и скорошечна ,
 А смершь мнѢ мѹка же ; но мѹка безконечна .
 ВѢ опчаянїи семѢ , что можно мнѢ избрать !
 Кошь буду я еще во свѢшѢ пребывать ;
 Все станешѢ , что ни ешь , меня изобличаши ,
 И грѣхѢ содѣянный на памяшь предспавляши .
 Когда опчаянна , пошцудся умерешѢ ;
 Супруга умершвишѢ какѢ я могу воззрѣшь
 ВѢ шой жизни на него ? и какѢ предѢ нимѢ предспану ?
 КакѢ буду данну зрѣшь ему мечнѹю рану !

АРМАНСЪ.

Признанїе вины кѢ прощенїю успѣхѢ,
 Кшо плачешѢ о грѣхѢ; шомѢ чувствувешѢ свой грѣхѢ.

ГАМДЕТЪ.

Что вѢ шомѢ, что слезѢ о немѢ пошоки проливаешѢ?
 Супруга плачемѢ симѢ она не оживляешѢ.
 АрмáнсѢ ! вѢ сей часѢ какѢ я сѢ шобой говорю,
 Я шѢнь на облакахѢ вѢ воздушномѢ мракѢ зрю,
 И слышу, что она по вѢшрамѢ возглашаешѢ :
 Я спражду, а мой сынѢ еще не опомщаешѢ.

ГЕРТРУДА.

Не медли, опомщай, убїйца предѢ шобой,
 Забудь, что машь швоя, казни своей рукой !
 Не дай мученїа на свѢшѢ семѢ шерпѢши ,
 Спыдящейся, увы ! на небеса воззрѢши !
 АдѢ просишѢ добычи своей мой умѢ плѢня,
 И огненна рѣка пылаешѢ на меня.

Уже

Уже хопяшъ пріять жилищи мя подземны,
 И въ глубинѣ на мя буншующъ вихри шѣмны.
 Разверзлася земля; падешъ во мглу сей домъ,
 Сверкающъ молніи и небо мещетъ громъ.
 Бѣги, мой сынъ, сихъ мѣстъ, ни кшо въ нихъ не спасешя,
 Бѣги, спасися шы, подъ ними швердь шрясешя.
 Наполненъ мерзостью моею весь чершогъ,
 И не присушшвуешъ шамъ, гдѣ Гершрѹда, богъ.

АРМАНСЪ.

Она изъ разума, о Гамленъ! изспунаешъ,
 Природа ей помѡчь тебѣ повелѣваешъ.

ГАМЛЕТЪ.

Проси, чшобъ Богъ тебѣ вину швою простилъ.

ГЕРТРУДА.

Нельзя, чшобъ онъ мнѣ грѣхъ шоль шажкѣй опшпустилъ.
 Какѡва шаковой ждашь грѣшницѣ прощенья?
 Не можно избѣжашъ мнѣ вѣчнаго мученья:
 Пребудешъ грѣхъ на мнѣ, надежды больше нѣшъ,
 Развершмы прѡпасши, и адъ меня пожретъ.

АРМАНСЪ.

Какъ грѣхъ швой ни великъ, Его шедроша болѣ.
 Предай себя, предай Его всемошной волѣ:
 Уйми смашеніе, гласъ къ небу вознеси,
 И со смиреніемъ прощенія проси.

ГЕРТРУДА.

Господь изъ скверныхъ усшъ молишмы не прѣмлаешъ,
 Шпенанія сердецъ злодѣйскихъ онъ не внемлаешъ.

ГАМ -

ГАМЛЕТЪ.

Взведи къ нему свой пы руки и зови.

ГЕРТРУДА.

Они омочены въ супруговой крови.

АРМАНСЪ.

Безсмертныи милосердѣ, и гнѣвѣ его смягчнтся,
Коль грѣшникѣ передѣ нимѣ всемѣ сердцемѣ сокру-
шился.

Покайся, и коль смерть супругу пы дала,

Превысь блаженными злодѣйскія дѣла.

Сспуни сѣ пуши сего, ужь недалѣко безна,

Еще бышь можешѣ жизнь пвоя шебѣ полезна,

Сспуни, доколь она со всемѣ не претечетѣ;

Ошполѣ спраждуцимѣ во вѣкѣ изхода нѣшѣ.

ГЕРТРУДА.

О Боже! есть ли я шебя не прогнѣвляю,

Чшо по злодѣйствѣ семѣ на небеса взираю,

И гласѣ изѣ скверныхѣ устѣ пы можешѣ възпріять;

Пошли ошѣ горьнихѣ мѣстѣ свою мнѣ благодашь!

Не ввергни въ пропасть мя, гдѣ вверженнымѣ въ
шѣ смрады,

Не будешѣ никогда малѣйшія оспрады,

Куды не входншѣ сонѣ, единѣ въ бѣдахѣ покой,

Гдѣ нѣшѣ ни на ково надежды никакой,

Гдѣ нѣшѣ желаннаго нещаснымѣ смерти рока,

И нѣшѣ мученію опмѣнности, ни срока!

О адѣ, перзаніе моихѣ блудящихѣ думѣ,

И шѣмѣ лишѣ, чшо шебя я привожу на умѣ,

Ке-

Колеблется душа и несшерпимо стонетъ!
 Чшожъ будешъ, какъ ея сѣ мученье пронетъ!
 Но все что ни спрашишь въ смященіи меня,
 Чего себѣ ни ждешъ душа моя спеня,
 Ни что въ толикій страхъ злочасну не приводишь,
 Какъ то, когда сѣ на мысль мою приходишь,
 Что ахъ! не буду зрѣшь шворца я своего,
 И буду пребывать я вѣчно безъ него.

ГАМЛЕТЪ.

Когда сѣю пы казнъ всѣхъ злѣе почитаешь;
 Крашчайшими къ шворцу пушями пришекаешь.
 Мученья люшаго спрашишься и злодѣй;
 Но стонетъ во грѣхахъ онъ о душѣ своей,
 Не для ради шого, что Бога прогнѣвляешь,
 Кѣмъ онъ на свѣстѣ спалъ, и въ свѣстѣ пребываетъ,
 И вмѣсто, чтообъ шворцу работашъ и служишь,
 Печется лишь о томъ, чтообъ щастливо прожишь;
 Но что онъ углѣя главѣ своей гошовишь,
 И крашкимъ щастіемъ на вѣчность бѣдство ловишь.

ГЕРТРУДА.

Не можемъ мы воздашь и за одно сѣ,
 Чшо мы изъ ничего имѣемъ бышѣе;
 Такъ въ пагубныхъ дѣлахъ своихъ прѣявъ прощенье,
 Миѣ чемъ заслуживашъ поль злое согрѣшенье?

АРМАНСЪ.

Пуши изъ глазъ своихъ пошоки слезныхъ рѣкъ,
 Остави свѣстѣ другимъ, и плачь въ пустыняхъ вѣвѣкъ.

ГЕР-

ГЕРТРУДА.

На все готова я, я городъ оставляю,
Который мерзостью своею наполняю.
Но мню, что оскверню и жилище звѣрей,
Я шигровъ превзошла жестокостью своей.

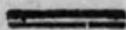
ГАМЛЕТЪ.

Не такъ жестоки ихъ свирѣпствы и опасны:
Въ злонаравіи своемъ мы паче ихъ ужасны;
Во гнѣвѣ человекъ любѣйшій самый звѣрь.

ГЕРТРУДА.

То видно и на мнѣ одной, мой Князь, теперь.
Въ безсмыдныхъ сихъ дѣлахъ, которыхъ ненавижу,
Препроводите мя отсель, дверей не вижу;
Хочу пребыть одна, хочу предъ Богомъ пастъ:
А вы воспріимай родительскую власть.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

КЛАВДІЙ и ПОЛОНІЙ.

КЛАВДІЙ.

Во всемъ я царствіи единого зрю друга;
 Изгнала днесъ меня изъ сердца и супруга.
 Раби не чувствующѣ любви ко мнѣ, лишь страхъ
 Еще содержашъ ихъ въ пиранскихъ сихъ рукахъ.
 Когда природа въ свѣшъ меня производила,
 Она свирѣпствы всѣ мнѣ въ сердце положила.
 Во мнѣ изкоренишь природное мнѣ зло,
 О воспитаніе, и шы не возмогло!
 Се въ первый разъ во мнѣ суровый духъ спонаешъ,
 И варварствомъ моимъ меня изобличаешъ,
 И есть ли онъ когда въ злодѣйствіи споналъ;
 То рвался, что еще на чью онъ жизнь алкалъ.

ПОЛОНІЙ.

Супруга - - -

КЛАВДІЙ.

Днесъ она вину свою признала,
 И божество въ сей день смиренно призывала.
 Она пошоки слезъ лила предъ нимъ спена,
 И отвратилася, мнѣ вшедшу, отъ меня:
 Поди сказала мнѣ немедлѣнно ошселъ,
 И дай покаяться, доколѣ духъ мой въ шѣлѣ,

Приди,

Приди, сказавъ еще, и шы въ себя въ сей часъ,
 Уже разверзлися днесь прѣпасши на насъ.
 Возколебало мя ужасное шо слово,
 И сердце здѣлало къ раскаянью готово.

(ладъ на холъни.)

Се, Боже, предъ шобой сей мерзскій человекъ,
 Который срамошой одной наполнилъ вѣкъ,
 Рушитель истинны, безстыдныхъ дѣлъ рачитель,
 Врагъ швой, врагъ ближняго, убійца и мучитель!
 Нѣтъ силы больше дѣлъ злодѣйскихъ мнѣ носить;
 Принудь меня, принудь прощенія просить!
 Всели желаніе искашь мнѣ благодати;
 Я не могу въ себѣ сей ревности сыскати!
 Противныхъ божеству исполненъ всѣхъ спрасшей;
 Ни искры добраго нѣтъ въ совѣсти моей.
 При покаяніижъ мнѣ что зачати должно?
 Мнѣ царствія никакъ оставишь невозможно.
 На чтожъ мнѣ каяться и извергати ядъ,
 Коль мысли ошъ себя далеко ошстоятъ?

(возстаетъ)

ПОЛОНІЙ.

Имѣи великій духъ пріявши скипетръ въ руки,
 Будь мужественъ по гробъ, и не спрашися мѣки.
 Не тошъ отваженъ, кто идешъ безспрашно въ бой;
 Но съ смертію и мукъ безспрашно ждешъ Герой.
 Забудь и свѣтскіе и божески уставы:
 Ты Царь прошиву ихъ; послѣдуй правамъ славы.

Р

К Л А В -

КЛАВДІЙ.

Наполненъ злобою жизньъ вѣчную губя,
 Будь бодръ мой помный духъ, и не щади себя!
 Довольствуйся однимъ, шы Клавдій, щасшьемъ свѣта,
 И ужь не отрицай днесь пагубна совѣта!
 Не предспавляй злыхъ слѣдствѣй, и жизни сей конца,
 Вся часъ пвоя естъ чесъ державы и вѣща.
 Наполнимъ щасшьемъ здѣсь живіе шоль крапко,
 Чшобъ при концѣ сказаъ: я жилъ на свѣшѣ слашко.
 Но кая фурія спѣсненну грудь грызешъ?
 И кая скорбъ во миѣ всю внушреннюю рветъ?
 О небо, не шревожь меня, оставь вѣ покоѣ!
 Уже не превратишь мое шы сердце злое.
 Не обличай меня; спасенья не хочю,
 И что я здѣлалъ, шо во адѣ заплачу.

ПОЛОНІЙ.

Душа моя швоей послѣдовашъ гошова;
 Умремъ безъ робосши и не прешупимъ слова.

КЛАВДІЙ.

Намѣренъ сіе я швердо предпріалъ;
 Но чшобъ никшо вѣ пуши намъ щасья не споялъ,
 Я зрю прошивъ себя супругу нынѣ львицей:
 Сокроемъ шайнство убійшнейя съ Царицей.
 Она раскаялась: кто знаешъ для чешо?
 Не для падеіяль, Полоній, моево?
 Пойдемъ шеперь прошивъ супругиной любви,
 Не поддадимъ пролишь мы и ея днесь крѣви;

Но

Но прежде погубимъ наследника ея,
И взыдешъ въ Царскій одрѣ прекрасна дщерь своя.

ПОЛОНІЙ.

Сія щедроша весь мой разумъ превосходишъ.

КЛАВДІЙ.

Усердіе тебя въ толику чesнь возводишъ.

Когдажъ Офеліи я спарѣ явлюся бытъ ;

Ты можешь власпію къ любви ея склонишъ.

ПОЛОНІЙ.

Сѣдины подѣ вѣнцемъ не могутъ бытъ примѣшны,

Со дщерію моею вы Царь единолѣшны.

ЯВЛЕНІЕ II.

КЛАВДІЙ, ПОЛОНІЙ, ГЕРТРУДА,
и РАТУДА.

ГЕРТРУДА.

Вы всѣ, свидѣтели моихъ безбожныхъ дѣлъ,
Того пропивна дня, какъ шы на шронѣ возшелъ,
Тѣхъ пагубныхъ минушъ, какъ чesнь я потеряла,
И на супружню смерть нешпруша взирала:
Свидѣшельсшуйше вы, что я слагаю грѣхъ,
Всецедрый Богъ мнѣ далъ въ сей день къ сему успѣхъ.
Не щещно многи дни мысль умъ мой угрызала,
И чesовѣчesтво въ зло сердце возвращала.
Я плодъ съ него сняла признавъ свою вину:
А шы не почишай мя больше за жену ;

Любовь, произвело во мнѣ швое злодѣйство,
 Супружество мое съ шобой прелюбодѣйство.
 Признайся шакъ какъ я, сложи съ главы вѣнецъ,
 И сошвори своимъ безшудіямъ конецъ.
 Ты вѣ ненависти, Князь мой сынъ любимъ вѣ народѣ,
 Надежда всѣхъ граждѣнъ, ошашокъ вѣ Царскомъ родѣ.
 Ты одрѣ ошца его сугубо осквернилъ,
 И шяжкимъ бременемъ все царство ошягчилъ.
 Недашняя шрана вся кровью обагрена,
 И шрупіемъ своихъ сыновъ ошягощена.
 Колико много слезъ шы пролилъ бѣдныхъ женъ,
 Сыновъ, и дочерей, ошѣ самыхъ шѣхъ временъ,
 Какъ честь мою любовь сквернѣйша поглотила,
 А я шебя на шронѣ Монáршескѣй пустила!
 О какъ шогда, о какъ не шшелъ на землю громъ,
 И съ нами не упалъ нашъ оскверненный домъ!
 Какъ спѣшны нашихъ сихъ чершоговъ не шряслия!
 И какъ мы вѣ шаковомъ грѣхѣ съ шобой спаслися!
 Помысли, Клавдѣй шы, какъ Вышнѣй шерпѣливъ:
 И я жива, и шы еще по всемъ шомъ живѣ.
 Ошецъ вѣ немъ милосердѣ, судья вѣ немъ преужасенъ:
 По смерти грѣшныхъ вопль ешъ позденъ и напрасенъ.

КЛАВДІЙ.

Ты хочешъ, чшобъ швой сынъ на мой престолъ возшелъ
 И предѣ народомъ всѣмъ мнѣ судіею сѣлъ.
 Я слышу изъ швоихъ устѣ рѣчь необычайну,
 И мню, чшо шы ему ошкрыла нашу шайну.

Какъ

Какъ ты ево опца дерзнула умершвишь,
Я зрю, чшо и меня такъ хочешь погубишь.

ГЕРТРУДА.

Не о злодѣйствіяхъ я мысль уже имѣю;
Но о грѣхѣ швоемъ спеню и сожалѣю,
Которому и я сообщница была,
И поводъ швоему убійству подала,
Не ждавъ злой совѣсти послѣдующей мѹки,
И ахъ! въ супруговой крови багрила рѹки.
Хопяжъ въ семъ дѣлѣ я виозна больше васъ,
Но шу вину съ меня сложилъ единый часъ,
Въ который облакѣ я гласомъ пронидала,
И со смиреніемъ на небеса взирала.
Сложите такъ и вы шяжелы бремена,
Опнуслишся и вамъ, какъ миѣ сѣя вина.
Я свѣшъ покину въ вѣкѣ, и скроюсь въ лѣсы шемны,
Жилищи будущъ шамъ пещеры миѣ подземны.
Оставъ и шы свой скипшрѣ, а шы свой пыщный санъ,
Оставленный вамъ вѣкѣ еще на пользу данъ.
Вы симъ и ненависть въ народъ изшребише,
Чшо къ собственной своей вы пагубѣ губише;
Не шаковы въ другихъ супъ жѣсшоки сердца,
Чшобъ изшребить пеклись они васъ до конца.
Примите шолько вы инья еѣ жизни мѣры.
Врагоѣ своихъ прощать есть должность нашей вѣры.

ПОДОНІИ.

Кому прощать Цара? народъ въ ево рукахъ.
Онъ богъ, не человекъ въ подверженныхъ странахъ.

Когда кому данъ порфира и корона,
Тому вся правда власть, и нѣтъ ему закона.

ГЕРТРУДА.

Не симъ ешь праведныхъ наполненъ умъ Царей:
Царь мудрый ешь примѣръ всей области своей,
Онъ правду паче всѣхъ подвласныхъ наблюдаешъ,
И всѣ свои на ней ушавы созидаешъ,
То помня завсегда, что крашокъ смерсныхъ вѣкъ,
Что онъ въ величествѣ такойже человекъ,
Раби его ему любезныя сущъ чады,
Онъ скипетра его лѣшя шокъ оспрады;
Милъ праведнымъ на немъ и спрашенъ злымъ вѣнецъ,
И не приближишя къ его престолу льстецъ.
А ты, о ядъ Царя, злодѣй всего народа,
Котораго имъ въ казнь извергнула природа!
Доколѣ во грѣхахъ сихъ будешь ушопать?
И долго ли Царя къ мученью поощряшь?
Иль ты шерпѣнѣе господне презираешъ,
И усшремительнѣе на ярость прелагаешъ?
Уже и такъ Теорда ты, варваръ, раздражилъ.
Брегись, чтобъ вскорѣ онъ тебя не поразилъ.
Онъ шерпнѣтъ, но шерпѣтъ когда нибудь престанетъ,
И въ часъ, когда не ждешъ, въ швою погибель грянетъ.

КЛАВДІЙ.

Оставимъ здѣсь ея, она шеряепъ умъ,
Дадимъ свободу ей къ собранью прежднихъ думъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ГЕРТРУДА и РАТУДА.

РАТУДА.

Вспомни о своемъ шеперь, Царица, сынѣ.
 Остаетъ злодѣевѣ сихъ, предѣ нимѣ признайся нынѣ.
 Открой по Гамлету, что въ сердцѣ ты таишь;
 Да тѣнь супругову въ семѣ Князѣ уполишь.
 Трони его ты слухъ плачевными словами,
 И разрѣши свой грѣхъ сыновними устами.

ГЕРТРУДА.

Мой сынѣ увѣдомленѣ, не знаю чрезѣ ково,
 И тайнаго ужъ нѣтъ предѣ Княземѣ ничево.
 Не знаю, кто и какѣ мое могѣ свѣдашь скверность,
 И таинство пронзишь познавѣ мою неѣрность.
 Я говорила съ нимѣ о мерзостяхъ своихъ,
 Лишь не открыла всѣхъ подробностей дѣлъ сихъ.

РАТУДА.

Довольно. Будь предѣ нимѣ въ подробностяхъ безслова,
 Армѣнсѣ по знаешѣ все, а я тому виновна:
 Но мню, что по никакѣ не можешѣ быть виной,
 Что въ пользу для себя произвелось мной.
 Отѣ дней, какѣ дѣйствіе по учинилось странно,
 Я весь перзалась годѣ, терзаясь непрестанно.
 Днесѣ правосѣ на конецѣ мой умѣ въ полонѣ взяла,
 И молчаливости оковы прервала.

ГЕРТРУДА.

Нѣтъ виности своей.

Р 4

РА -

РАТУДА.

Свидѣшельспивуя рану ,

Супругу швоему въ одрѣ Полоньемъ данну ,

Котору я была омышь принуждена ,

Таилась я , что я была усшрашена .

И кто бы шаковой въ шомъ вѣспницѣ повѣрилъ !

Полоній плачучи предъ всѣми лицемѣрилъ ,

Вѣщая всѣмъ , что швой возлюбленный супругъ ,

Есшественно въ одрѣ своемъ скончался вдругъ .

И что ево сокрышь была сѣя прищчина ,

Чтобъ не пущишь , ево умерша видѣшь , сына ,

И пушей жалосши ему не приключишь ,

Котора безъ шого велика зрѣлась бышь .

О вѣрносши ево никшо не сумнѣвался ,

И вымыслъ злой души за правду показался .

Полоній до сего свирѣносши шайлъ :

Какъ агнецъ былъ сей шигрѣ , и Царь ево любилъ !

Хотя бы всѣ мѣста я града обѣгала ,

И съ плачемъ ишшину народу возвѣщала ;

Кшобъ дерзосшь шакову , Царица , могъ имѣшь ,

Чтобъ вшелъ онъ въ швой чертогъ , на шѣлѣ ранѣ
смошрѣшь ?

Ты радовалася , никѣмъ шогда не зрима :

Такъ мнилась бышь швоя печаль неушолима .

Тиранъ задумчивъ былъ , какъ въ горесшны часы ,

Полоній на себѣ шерзалъ шогда власы .

Свирѣпштво было въ немъ прехишро прежде скрышо .

Но ахъ ! чый лсшпяшъ уста , въ шомъ сердце ядовишо !

ГЕР -

ГЕРТРУДА.

Какимъ порядкомъ ты съ Армансомъ рѣчь вела,
И полную ли вѣсть о дѣлѣ зломъ дала?

РАТУДА.

Все такъ, какъ было то, Армансу я сказала,
Какъ многожды о томъ изъ устъ своихъ слышала:
Какъ Клавдій вашъ союзъ съ супругомъ разрушалъ,
И какъ ево себѣ невѣрности внушалъ,
Которыхъ, какъ я мню, конечно не бывало;
Какъ сердце на него свое ожесточало,
Какъ многожды себя къ убійству онъ влачилъ,
И какъ Полбнія съ собою согласилъ,
И погубилъ Царя въ срединѣ нѣчи спяща,
Въ крѣпчайшемъ снѣ, въ швоемъ обѣщаніи лежаща - -

ГЕРТРУДА.

Скончай, Рашуда, рѣчь, шоски духъ мой влекушъ:
Я не могу себѣ представишь тѣхъ минушъ.
Когда бы ты въ тотъ часъ Рашуда пробудилась;
Тыбъ взоръ свой на меня розвергнушь усрамилась:
А я то видѣла безъ слабоси тогда.

РАТУДА.

И тотъ единый часъ шерзаетъ мя всегда,
Когда смяшеніе мое ваше разбудило - - -
Какое зрѣлище передомною было!

ГЕРТРУДА.

Я представляю то теперь какъ адъ себѣ - - -
Оставь мя, я шощасъ послѣдую тебѣ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ГЕРТРУДА *одна.*

О дремлющая тѣнь, супруга умерщвлена!
 Что сотворила я, и что речешъ вселенна,
 Когда представляя ей всѣ дѣла мой,
 И въ нихъ прокляшья злодѣйствѣи сѣи!
 Другимъ несчастливимъ въ случаяхъ самыхъ спрогихъ
 Ошрада, что они жалѣемы ошъ многихъ.
 А обомнѣ уже кшо станешъ сожалѣть?
 Кшо можешъ на меня съ щедрошою возрѣшь?
 О Царь мой! о супругъ! когда назвашъ шакъ смѣю,
 И право имени сего еще имѣю:
 По возпріятіи мнѣ милосши съ небесъ,
 Когда раскаянье, сшенаніи, шокъ слезъ,
 И сей ошъ сердца гласъ, который я пріемлю,
 Удобны до себя дойшишь пронзивши землю;
 Прими прошеніе толь смрадныя души,
 И жалобу свою въ шомъ свѣшъ ушиши!
 Когдабъ я жизнь свою могла скончашъ безгрѣшно,
 Ябъ съ радосшью шебѣ послѣдовала спѣшно;
 Но ахъ! законъ и свой живошъ пресѣчь прешшъ,
 И самовольну смершь мученіемъ плашшъ;
 Такъ дай послѣдовашъ божешвенну успаву,
 И смерти ожидашь покинувъ царску славу!
 Рашуда ждешъ меня: Чшо дѣлаешъ мой сынъ,
 И нѣшъ ли спрахашамъ? съ Армѣнсомъ онъ одинъ.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙ-

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПОЛОНІЙ и ОФЕЛІЯ.

ПОЛОНІЙ.

Возлюбленная дщерь, послѣдокъ рода славна!
О дщерь! швоя мнѣ жизнь всегда въ умѣ мысль главна.
Ужь я сѣстарѣася, и дни къ концу веду,
Предсашъ на страшный судъ, и смерти вскорѣ жду.
Кшо будетъ о тебѣ, какъ я умру, старашься?
Кшо знаетъ въ каковомъ жишѣ тебѣ ошашься?
И можешъ бышь поймешъ супругъ тебя такой,
Кшорымъ безъ меня зашмишся корень мой.
Вступи въ супружештво при мнѣ, и дай мнѣ зрѣши,
Какую шы по мнѣ здѣсь будешъ часть имѣши.
Согласналь шы на шо? а я тебѣ явлю,
Какіе для тебя я способы ловлю.

ОФЕЛІЯ.

Но кто есть сей супругъ, кшораго желаешъ
Ты дочеръ своей? ково мнѣ представляешъ?

ПОЛОНІЙ.

Кшо вознесетъ тебя на сей высокій проиъ.
Тебѣ являюшся слова сїи какъ сонъ;
Однако будетъ шакъ.

ОФЕ-

О Ф Е Л І Я.

Я радостно внимаю ,

И кто онъ , я шеперь уже разумѣваю.

Въ какомъ я щасіи на свѣшѣ буду жить !

Хочу въ шоль славно мнѣ супружество всшунить.

Когда шоль щаслива Офеліина доля ,

Да будетъ въ шомъ швоя непрекословна воля.

ПО Л О Н І Й.

Я зрю , что рѣчи шы моей не поняла :

Не Гамлетъ будетъ шо ; шы щасшьемъ назвала ,

Кшо суешно вѣнда и скипшра ожидаетъ ;

Надежда иногда и шидешно ушасждаетъ.

О Ф Е Л І Я.

Почшо шы возмушилъ духъ щасшьемъ взманя !

Пріятная мечша , шы скрылась отъ меня !

Надежда ошошла и мысли помрачила ,

Желанна мною честь лишь сердце ошягчила.

Миѣ , на прешолъ бытъ , иной дорѳги нѣшѣ ;

Инова дочь швоя супружества не ждешѣ.

ПО Л О Н І Й.

Какая здѣлалась во всей тебѣ шревага !

Не сѣшуй , къ шрону есть еще тебѣ дорога ,

Кошорой шы еще скорые пришечешѣ.

О Ф Е Л І Я.

Напрасно мысль мою къ надеждѣ шы влечешѣ ;

Иной дорѳги нѣшѣ.

ПО Л О Н І Й.

Но будь шы шерѣблива.

Я радуюсь , что мысль въ тебѣ шоль горделива ,

И вижу изъ сего , что ты достойна бышь
Моею дочерью , и пишло по носишь.

Есть способъ бышь тебѣ , Офелія , Царицей.

О Ф Е Л І Я .

Нѣшъ больше способа , а я умру дѣвицей.

П О Л О Н І Й .

А ежели нашъ Царъ супругъ швой будетъ самъ ?

И естли Клавдій шо и обѣдалъ ужь намъ ?

О Ф Е Л І Я .

Нашъ Царъ? - - супругомъ миѣ? - - иль мы живемъ въ по-
ганствѣ ?

Когда бывало шо донинѣ въ Христіянствѣ ?

Законъ нашъ двѣ жены имѣши вдругъ прешшъ .

П О Л О Н І Й .

Гершрудиной рукой супругъ ея убшшъ .

Рашудою уже убійство обличенно ,

И все злодѣйствіе жены Царю внушенно .

По семъ извѣстїи какъ можешъ съ ней онѣ жить ?

Когда она шого дерзнула погубить ;

Такъ можешъ жизнь отнять и у него подобно .

О Ф Е Л І Я .

Жена могла имѣшъ , жена шоль сердце злобно

Къ супругу своему ! я вѣришъ не могу .

П О Л О Н І Й .

Ты знаешъ , какъ я честь , Офелія , берегу .

Коликобъ было шо Полонію безславно ,

Когдабъ онѣ сонѣ сказалъ тебѣ за дѣло явно !

О Ф Е -

ОФЕЛІЯ.

Такъ чтожъ намъренъ Царь съ Герпрудой учинишь?

ПОЛОНІЙ.

Оставиши ей честь, и тайно умертвишь.

ОФЕЛІЯ.

По сихъ намъреньяхъ, его спрашуся зрака;

Я шако не хочу, съ Монархомъ свѣша, брака.

ПОЛОНІЙ.

Толико щасливу ты ошметая часъ,

Офелія, влечешь Полонія въ напастъ.

ОФЕЛІЯ.

Ты мнѣ опецъ, и ты далъ сердце мнѣ шакое,

Что гнусно передъ нимъ намъреніе злое.

Я слыша, шренецу, толико спранну вѣсь.

Что мнѣ ни дорого, всево дороже честь.

Царица пусть умрѣтъ, когда умреть ей должно,

Но мнѣ бытъ царскою супругой не возможно.

Не будешь, чтобы я свой долгъ пренебрегла,

Я добродѣтельно всю жизнь свою жила.

Не соглашаюся я въ тайнѣ вашей съ вами,

И къ шрону не пойду кровавыми шопами.

Скажи Царю, чтобы онъ на одръ меня не ждалъ,

И съ сей надеждою въ убійство не вступаю.

Когда бы яросши въ немъ сердце не имѣло,

И въ правосудіи оно о ней жалѣло.

Гдѣ жалось, гдѣ любовь въ суровости такой?

Она еще жива, онъ ищетъ ужь другой.

ПОЛОНІЙ.

Подобьемъ шаковымъ младенцы разсуждаюшѣ ,
 Кошоры всѣ дѣла грѣхами поспавляютъ ,
 И что безуміе женѣ старыхъ имѣ вшвердинѣ ,
 Все мыслятъ , что то имѣ въ нихъ совѣснь говоритъ .

ОФЕЛІЯ.

Я суевѣрія съ закономъ не мѣшаю ,
 И Бога чистою душою почитаю ,
 Кошорый въ естество мнѣ добродѣтель влилъ ,
 И опкровеніемъ меня въ ней ушвердилъ .

ПОЛОНІЙ.

Когда полезныя совѣты я теряю ,
 Ты дочь , а я опецъ ; шакъ я повелѣваю .

ОФЕЛІЯ.

Не принуждай ты дочь прошивишься себѣ ,
 И помни какъ была послушна я тебѣ .

ПОЛОНІЙ.

Знай : я тебя уже Царицей наридаю ,
 А инако тебя за дочь не признаваю .

ЯВЛЕНІЕ II.

ОФЕЛІЯ *одна.*

За васъ любезна честь , и Гамлешъ дарагой ,
 За васъ прогнѣвался на мя родитель мой !
 Тебѣ , о честь ! я жизнь до смерти посвятила ,
 Тебя , мой Князь , по смерть я въ сердцѣ заключила .

Хо-

Хотябъ за васъ мнѣ жизнь случилось погубить,
Ничто не можетъ въ вѣкъ во мнѣ васъ испребить.
Съшобою буду чешъ жишь въ бѣдности, въ напасти,
Довольный какъ лишасъ ся, въ лучшей смерпныхъ части,
Въ великолѣпїи, въ порфирѣ и въ вѣнцѣ.

За васъ, увы! за васъ, злодѣя зрю въ ошцѣ!

А ты, дражайшій Князь, хотя моимъ не будешь,
Я знаю, что меня во вѣки не забудешь.

Будь Царь, или не будь, хотябъ ты былъ и рабъ;
Офелїя тебя любила и погдабъ.

ЯВЛЕНІЕ Ш.

ОФЕЛІЯ, ГАМЛЕТЪ И АРМАНСЪ.

ГАМЛЕТЪ *съ обнаженною шпагою.*

Умрите вы шеперь мучители, умрите!
Пришелъ вашъ люшый часъ - - - но что вы очи зрите!
Офелїю - - - въ какой пришла сюда ты часъ!
Сокрой себя шеперь опъ Гамлешовыхъ глазъ!

О Ф Е Л І Я.

Что здѣлалось тебѣ? и для чего мнѣ крыться?
Что шакъ понудило тебя на мя озлишься?
Всегдашнее мя зрѣшь желанье ошмѣня,
Иль ты злодѣйкою, Князь, спавишь и меня?
Какую я тебѣ досаду показала?
За что, любезный Князь, тебѣ прошивна спала?
Днесъ шлешь Офелїю прочь, а прежде самъ искалъ.
За что ты шоль свирѣпъ мнѣ вдругъ, о Гамлешъ, спалъ?
Мой

Мой разумъ омраченъ , и всѣ преиещутъ члены ;
Скажи причину мнѣ сей странна прѣмѣны.

ГАМЛЕТЪ.

Возстаньте на меня вы всѣ случаи вдругъ ,
Которы можете еще смутить мой духъ !
Всѣ скорби , всѣ бѣды , зберишесь совокупно ,
Терзайте бѣднаго и мучите неопешупно !
Терзайте , что бы жизнь моя скорай прешла ,
И помная душа спокойствіе нашла !

ОФЕЛІЯ.

Мя каждая рѣчь шеперь , изъ устѣ швоихъ , пронзаетъ ,
И каждая бышь швоей надежду отнимаешъ .
Дай помощь въ слабости , въ шоскъ душѣ моей ,
И сжалась вниди въ шрасъ возлюбленной своей !

ГАМЛЕТЪ.

Нѣш жалости уже во мнѣ немилосердомъ ,
И больше не ищи любви въ сердцѣ швердомъ .
Зашворены пуши лучамъ очей швоихъ ,
Не чувствую уже заразовъ даратихъ .
Смошри въ какой я спалъ , Офелія , судьбишъ :
Я всѣми напоенъ свирѣпостями нынѣ .

ОФЕЛІЯ.

Такъ шы шу , Князь , любовь , кошору ощуцалъ ,
Изъ сердца своего совсемъ уже изналъ ,
Любовь , что бышь должна была до сама гроба !
Какой преступокъ мой , иль паче кая злоба
Понудила себя сей пламень истребить ?
Возможно ли тебѣ Офелю не любишъ ?

С

Гдѣ

Гдѣ будущѣ кляшвы шѣ , которы я слыхала ,
 И дни , которыхъ я ушѣшно ожидала ?
 Какѣй я врагъ шебѣ ? шебѣ мой нравъ знакомъ :
 Слыхалъ ли ошѣ меня шы вредну рѣчь о комъ ?
 Какими обличить могу себя я пѣнми ?
 Злодѣй возводишѣ къ злу не вдругъ , всегда степенми .
 А я иль развѣ всѣхъ ширановъ превзошла ?
 Или къ погибели другога не нашла ;
 Чшобъ на шово , каво , шоль много я любила ,
 На перваго свой свирѣпшвы обрашила ?

ГАМЛЕТЪ.

Не множь опчаянья , жестокииъ не зови ;
 Я можешъ бышь еще достоинъ сей любви ,
 Которая мою жестокость умаляешъ ,
 И ахъ ! намѣренье мое опровергаешъ .

ОФЕЛІЯ.

Скажи миѣ , кто враги швой , мой Князь драгой !
 И по чему я вѣ ихъ число кладусь шбой ?
 Ужь не ошедъ ли - - - ахъ ! шы очи отвращаешъ .
 О Гамлешъ ! Гамлешъ , что шы днесъ предпринимаешъ !

ГАМЛЕТЪ.

На добродѣтели , я вѣ ярость не вступаю ,
 А беззаконія я больше не стерплю .

ОФЕЛІЯ.

Такъ гнѣва швоего уже причину знаю ;
 Но виннымъ Кладѣя вѣ семъ дѣлѣ почишаю - - -

ГАМЛЕТЪ.

Конечно знаешъ все : се новый громъ ушамъ !
 И шы причислилась , и шы къ моимъ врагамъ !
 ОФЕ.

ОФЕЛІЯ.

Нѣтъ, я тебѣ вѣрна и въ вѣкъ не премѣнюся;
А въ злобѣ, знай, что я ни съ кѣмъ не соглашуся.

ГАМЛЕТЪ.

Кто слышачи молчишь о мерзостныхъ дѣлахъ;
Не добродѣшелевъ, но люшъ въ моихъ глазахъ.
Разбойникъ такъ какъ шомъ, ково кто умерщвляетъ,
И шомъ, кто вѣдая шу шайну сокрываетъ.
Когдабъ, что слышу днесъ, того я не слыжалъ,
Ябъ добродѣшальной дочерь вражью почиалъ;
Но слышачи сіе почтеніе шеряю.
Какой я въ шѣлѣ, духъ, прекрасномъ обрѣшаю!
Тебѣ извѣстно шо?

ОФЕЛІЯ.

Имѣлалъ время я,

То возвѣспишь тебѣ? о горька часть моя!
При семъ шы разсуди, Полоній ли въ шомъ виненъ,
Когда ширанъ сихъ спранъ шоль злобенъ и безчиненъ.
Хоть праведно швоя суда достойна машъ - - -

ГАМЛЕТЪ.

Не сыну, матери безчинство опомщашъ.
А шы, шо знаючи, передомной молчала,
И грѣхъ ихъ ошъ меня годъ цѣлый сокрывала!

ОФЕЛІЯ.

Годъ цѣлый? - - - я шо все услышала въ сей часъ,
И уничтожила родительскій приказъ.
Но что два дѣла шы въ едино сообщашъ?
Ты симъ меня, мой Князь, безмѣрно удивляешъ!

ГАМЛЕТЪ.

Ты всю смѣшала мысль : я не могу понять ,
 Какъ должно по твоимъ рѣчамъ мнѣ разсуждать .
 Офѣля , шайны шой , клянуся что не знаю ,
 Кошору предъ тобой съ убійствомъ сопрягаю .

ОФЕЛІЯ.

И мнѣ твой слова непоспужимы днесъ .
 Внемли , возлюбленный , сего порядокъ весь ;
 Но увидемъ въ храмину мою , здѣсь бышь ужасно .
 Уже съ тобою , Князь , мнѣ явно бышь опасно .

ЯВЛЕНІЕ IV.

АРМАНСЪ и РАТУДА.

РАТУДА.

Армансѣ! готовѣ ли Князь, свой скипетръ взять, ийши,
 И изъ подъ бремени народъ свой извести ?
 Царица Клавдія на вѣки оставяетъ ,
 И взоръ свой отъ него всемѣсно удаляетъ .
 Благополученъ день , благословенъ сей часъ ,
 Въ кошоры дѣло ихъ открылося чрезъ насъ .
 А я не мню , чтообъ я предъ нимъ виновна спала ,
 Что долго отъ него я то ушаевала .
 Опасности и страхъ причина сей винѣ .
 Тиранъ ужасенъ всѣмъ , и преужасенъ мнѣ .

АРМАНСЪ.

Князь слабость шакову отъ звѣрства отдѣляетъ ,
 И молчаливоешь шу , Ратудѣ опускаетъ .

Но что Герсруда днесь себѣ предприняла?

РАТУДА.

Въ пустыняхъ обиташь намѣренье взяла,
И ждешь чшобѣ сына лишь увидѣшь ей на пронѣ,
Кѣ спокойству Дáни въ родительской коронѣ.
Но что ему взойши на свой престолѣ прешисѣ?

АРМАНСЪ.

Доколь съ нимѣ истинна народѣ не сѣдинишѣ,
Всѣ предпріяшїи ево, Рашуда, щещны;
Въ пуши ему стоашѣ препяшствїи безсмѣшны.
Уже я множеству народа шо ошкрылѣ,
И силою присягѣ въ нихѣ шайну заключилѣ.
Одно лишь шо меня шревожа ушрашаешѣ,
Что Князь разгнѣванный шерпѣнїе шеряешѣ.
Ужѣ алчный мечѣ ево былѣ въ гнѣвѣ обнаженѣ,
И на враговѣ ево жестѣоко ушрешленѣ.
Но иль нещастїе ихѣ еще ошѣ нихѣ бѣжало,
Иль щастїе ево ему шо даровало,
Что мечѣ безѣ дѣбычи въ влагалище вмѣщенѣ,
И въ яросши изѣ нихѣ никшо не пораженѣ.

РАТУДА.

Не зрѣли ли они меча шогда?

АРМАНСЪ.

Не зрѣли.

РАТУДА.

Пекишесь, что бы вы успѣхѣ въ сей день имѣли!

ЯВЛЕНІЕ V.

АРМАНСЪ *одинъ.*

Снимай, желанный часъ, съ народа бремена,

И скончевой спраны сей злыя времена!

Дай небо, чшобъ жилъ Князь съ Офѣльей неразлучно,

И правилъ скипетромъ своимъ благополучно!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ГАМЛЕТЪ и АРМАНСЪ.

ГАМЛЕТЪ.

Армансѣ! любезный другѣ! мой духъ совсемъ смущенъ;

Я жалбешью опятьъ, какъ прежде, напоенъ.

Чьи мысли шаковы удобны бышь жестѣки,

Чшобъ онѣ не пронушѣ былѣ, когда шекушѣ пошоки,

Изъ предражайшихъ глазѣ, возлюбленной ево?

Жалѣй Армансѣ, жалѣй шы друга своего;

Но ахѣ! не умножай моей негодной спрасши:

Я шдуся побѣдишь любовь вѣ моей напасши!

Хотя любовь меня колеблешѣ и спыдишѣ;

Но можешѣ бышь еще совсемъ не побѣдишѣ.

Ахѣ! Гамлешѣ! шы себя напрасно величашѣ;

Уже подѣ игомъ шы ея изнемогаешѣ;

Твой разумъ естешво почти превозмогло.

О долгѣ! о красота! о коль перпѣшь мнѣ зло!

Чшо дѣлашь? чшо начашѣ? Офѣлья умоляешѣ,

Чшобъ я умѣрилѣ гнѣзѣ, и слезы проливаешѣ.

Оставѣ

Оставь меня, и дай еще мнѣ размышлять,
Что должно въ шаковомъ мученіи начашь.

АРМАНСЪ.

Ты горести своей вдаешься неразсудно.

ГАМЛЕТЪ.

Не можно вообразить, какъ мнѣ шерѣши прудно.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ГАМЛЕТЪ *одинъ.*

Что дѣлать мнѣ теперь? не знаю что зачашь.

Легколь Офелію на вѣки потеряшь!

Ощѣть! любовница! о имена драгія!

Вы были щасьемъ мнѣ во времена другія.

Днесъ вы мучительны, днесъ вы несносны мнѣ;

Предъ кѣмъ нибудь изъ васъ мнѣ должно быть въ винѣ.

Предъ кѣмъ я прешупаю? вы мнѣ равно любезны.

Здержитесь въ очахъ моихъ попоки слезны!

Не зрюсь способенъ быть я къ долгу своему,

И вѣшь приспаница блудящему уму.

(хватается за шлагу.)

Въ шебѣ единомъ, мечь, надежду ощущаю,

А праведную мешь я небу поручаю.

Посшой, - - - великое днесъ дѣло предлежитъ:

Мое сей шѣло часъ съ душою раздѣлишь.

Ошверсть ли гроба дверь, и бѣдствы окончашь?

Или во свѣтѣ семъ еще прешерѣваши?

Когда умру; засну, - - - засну и буду спать;
 Но что за сны сѣя ночь будетъ представлять!
 Умреть --- и вниши въ гробъ --- спокойствіе прелестно;
 Но что послѣдуешь сну сладку? - - - неизвѣстно.
 Мы знаемъ, что сулишь намъ щедро божество:
 Надежда есть, духъ бодръ, но слабо естество.
 О смерть! противный часъ! минуша вселяющѣйша!
 Послѣдняя напасть, но всѣхъ напастей злѣйша!
 Воображеніе мучительное намъ!
 Неизреченный страхъ, ошважнѣйшимъ сердцамъ!
 Единымъ именемъ твоимъ, вся плоть трепещетъ,
 И отъ пристанища опять въ валы отмещетъ.
 Но естѣли бы въ бѣдахъ здѣсь жизнь была вѣчна;
 Кшобъ не хошѣлъ имѣшь сего покойна сна?
 И кто бы могъ снести зла щастія гоненье,
 Болѣзни, нищету, и сильныхъ нападенье,
 Неправосудіе безсовѣстныхъ судей,
 Грабежъ, обиды, гнѣвъ, невѣрности друзей,
 Влѣянный ядъ въ сердца великихъ льсти устами?
 Когдабъ мы жили въ вѣкъ, и скорбь жилабъ въ
 вѣкъ съ нами.
 Во обстоятельствахъ такихъ намъ смерть нужна,
 Но ахъ! во всѣхъ бѣдахъ еще страшна она.
 Какимъ ты, естество, суровствамъ подчиненно!
 Страшна - - но весь сей страхъ преидетъ - - преи-
 детъ мгновенно.
 Умри! - - - но что по томъ въ несчастной сей странѣ,
 Подъ тяжкимъ бременемъ народъ речетъ о мнѣ?

Онъ скажетъ , что любовь геройство побѣдила ,
И мужество мое щедрою учинила :
Что я мнѣ данну жизнь безславно окончалъ ,
И малодушіемъ шокъ крови проливалъ ,
Копору за него пролишь мнѣ должно было.
Успокоеніе ! почто ты духу льстило ?
Не лзя мнѣ умереть ; исполнишь надлежишь ,
Что совѣспи моей днесъ испинна гласишь .
А ты опчаянну , Гершрѹда , вѣ мысль не впала ,
Жестокость Клавдія и на себя возспала .
Пойдемъ , и скажемъ ей , чтообъ Клавдія бреглась ;
Чтообъ шолько кровь однихъ пирановъ пролилась .

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

ОФЕЛІЯ и ФЛЕМИНА.

ОФЕЛІЯ (*платкомъ отирающая слезы.*)

Пускай лѣются слезѣ изъ глазъ моихъ попоки,
 Пускай отъбемлютъ жизнь болѣзни пружестроки;
 О мѣсто полно бѣдствѣ! позорѣ прескверныхъ дѣлъ!
 Колико мерзостей въ себя ошцѣ мой ввелъ!
 Почто отъ шаковѣ ошца я родилася?
 Отъ камня лущчебы Офелія взялася.
 А ты щцеславіе, неправедная чещь,
 Чщобѣ выше всѣхъ людей себя предѣ проиѣ вознесщь,
 Желаніе по гробѣ ненасыщимой власти!
 Источникѣ и вина всея моея напасши!
 Кѣ чему прельщала духѣ Полоніеѣвѣ, кѣ чему
 Коль не кѣ нещасщію злосердно моему?
 Когда повелѣвашь душа ево желала,
 Подѣ скипешромѣ моимѣ шубѣ славу воспріяла.
 Хошяжѣ бы Царскій вѣкѣ еще и дологѣ былѣ;
 Мой Князь и при Царѣбѣ ему що испросилѣ.
 О ошче мой! ты смерть себѣ пригошовляешь,
 И въ преисподнюю въ сей день себя ввергаешь.
 О небо! какѣ сіе миѣ бремя мочь снесши?
 Уже я не могу родищела спасши;

Моихѣ

Моихъ прошеній Князь уже не принимаетъ ,
 Стенаніи своей любезной презираешъ ;
 Не могущъ жалобы мой ево пронуть :
 Спезями шѣми же идешъ въ начашый путь.

ФЛЕМИНА.

Дай время ярости , доколѣ мысли люты.
 Прейдущъ сій , прейдущъ жестокія минушмы.
 Я видѣла , когда изъ комнатъ нашихъ шелъ ,
 Какую жалость онъ въ очахъ своихъ имѣлъ.
 Любовникъ въ тѣ часы , когда онъ жесточаетъ ,
 Пропившись во всемъ сей нѣжной спраси чаешъ ,
 И хочешъ быти рабъ разсудка своево ;
 Но щедры мысли тѣ , любовь сильней всево.

ОФЕЛІЯ.

Не разсужденіе , но гнѣвъ ево опасенъ ,
 И можешъ быти что плачъ мой былъ предъ нимъ на-
 прасенъ.
 И ешьли мой отецъ отъ Гамлетовыхъ рукъ ,
 Увы ! пойдешъ во гробъ ; колико дастъ мнѣ мукъ !
 Я буду убѣгать любезнѣйшаго зрака ,
 Не будешъ для меня сего желанна брака ,
 Не будешъ радостей , конюрыхъ я ждала ;
 Надежды той лишусь , въ конюрой я жила.
 Пріятны мысли всѣ мнѣ въ вздохи обращающа ,
 Веселости мой въ печали прешворяюща.
 Но кая щедра мысль еще меня бодритъ !
 И кая мя еще надежда веселитъ !
 Нещастный человекъ пустымъ себя прельщаетъ ,
 И изъ опчаянья надежду извлекаешъ ,

Без-

Безпрочной суеши, намъ неслужащій даръ.
Какой уже, какой въ исплѣвшемъ пеплѣ жаръ!

ФЛЕМИНА.

Пріятный солнца свѣшъ, когда пройдешь ненастье,
И слаще сладка жизнь, когда пройдешь нецасье.
Кшо знаешъ для чево случаи шаковы?
Не для познанія любви ево - - -

ОФЕЛІЯ.

Увы!

Не льсти, Флемина, мнѣ шы частію иною.
Но кое зрѣлице! ошецъ мой предомною.
Поди ошсель.

ЯВЛЕНІЕ II.

ОФЕЛІЯ и ПОЛОНІЙ.

ПОЛОНІЙ.

О дщерь! любовь мою храня,
Хранишь ли подлинно? доспойналь шы меня?
Скажи, ещель я дочь возлюбленну имѣю?

ОФЕЛІЯ.

Я испребить любви къ любимымъ не умѣю;
Но ешьяи шо любовь, чшобъ должносшь погубишь;
Такъ знай, чшо никово я не могу любишь.

ПОЛОНІЙ.

Ты думаешь, что я свой долгъ позабываю,
И къ неполезному дщерь дѣлу понуждаю,
Успавы ешесства и свѣшскіе губя,
И симъ безчестіе влагаю на себя.

Спрашись и оцущай мою немилость вѣчну ;
Я въ ярость премѣню любовь къ тебѣ сердечну.
И ешьли моево не хочешь гнѣва несть ;
Предупреждай сей гнѣвъ , доколѣ время есть.

О Ф Е Л І Я .

Ахъ! ты предупреждай гнѣвъ неба: вѣкъ прелестенъ,
Но ахъ! конецъ ево намъ смертнымъ неизвѣстенъ.
Къ погибели швоей я шрена не иду ,
И на престолѣ всшупишь безчинно не хошу.
Помысли сверхъ шого , всель можно ушайши :
А ярость праведну не можно ушопиши.
Не гнѣвайся , что я въ разсудкѣ шаковѣ.
Непослушаніе , прошивныя слова ,
Ошъ добродѣшельной души моей исходятъ :
И ежели они на гнѣвъ шебя приводятъ ,
Ошавъ мнѣ , что тебѣ шоль дерзко говорю :
Я должностъ дочери сей дерзосшью шворю.
Довольно злыхъ людей Пѣлобнѣя ошравляютъ ,
Которые шебя усшами прославляютъ ,
Когда присущствуетъ бесѣдѣ ихъ швой зракъ :
И чтошъ ты ни сказалъ , они вѣдають : шакъ.
Но что вреднай льстеца самолюбиву нраву ?
Престанъ меня влещи въ погибельную славу ,
И не шеряй минушъ прешоломъ мя прельщашъ ;
Я чесши не хочу безчестіемъ искашъ :
Симъ образомъ никакъ насъ честь не возвышаетъ ;
Но добродѣтели въ сердцахъ изкореняетъ ,

И дѣлая единѣ во славѣ чести видѣ,
При отвращеніи сердецѣ влечетѣ намѣ стыдѣ.

ПОЛОНІЙ.

Я наставленіевѣ твоихѣ не принимаю,
И ужь вѣ послѣдній разѣ шебѣ напоминаю:
Послушна ли ты мнѣ? послушна или нѣтъ?

О ФЕЛІЯ.

Во всемѣ; но таковой прошивенѣ мнѣ совѣтъ,
И повелѣнія исполнишь неудобно.
О время! ты еще Полонію способно!
Когда шебѣ своя прошивна спала дщерь;
Такѣ сжался надѣ собой, не надомной шеперь:
Прешанѣ вѣ ширанскія ты дѣйствіи мѣшались,
И срамошой ево безстыдно услаждашь!
Всѣ люди бременемѣ ево ошягченѣ,
И шерпяшѣ можетѣ бышь для сей одной женѣ,
Которая Царя ихѣ прежняго супруга.
Ково вы будеше по ней имѣши друга?
Не сына ли ея, любима царшвомѣ всѣмѣ?
Какое мнишь найши прибѣжище ты вѣ немѣ?
Умолкнешѣ ли о васѣ вражда, и гласѣ народа,
Васѣ поносящія во дни сего зла года?
Скажи мнѣ: какѣ ширанѣ на Дадкѣй шронѣ вступилѣ,
Который, ахѣ! онѣ день безѣ казни проводилѣ?
Кѣ кому склонялося по сердце горделиво?
И кто имѣлѣ ево гнѣвѣ люшый справедливо?
И естли умершвишѣ онѣ Гамлетову мать;
Чего, скажи, чего онѣ будешѣ ожидашь?

Но

Но Кладѣева часть Офелію устращаетъ
 Не имѣ; но что она швою съ собой сплетаетъ.
 Прими мой сей совѣтъ, для сихъ текущихъ слезъ,
 И ярось умягчи разгнѣванныхъ небесъ,
 Для чесши онаго, ково я умоляю,
 И для ради ково я слезы проливаю!
 Внемли Офеліинѣ въ тоскѣ прискорбный гласъ,
 Доколѣ не пришелъ незнапно грозный часъ?

ПОЛОНІЙ.

Довольно ужъ тебѣ душа моя шерѣла,
 И медлила; хоша вся кровь во мнѣ кипѣла.
 Когда пренебрегла ты всю мою пріязнь;
 Ты мнѣ не дочь, въ сей день пріимешь люшу казнь.
 Я больше не могу пресшупницы жалѣши;
 Страшись и шрепещи, приходишъ часъ умрещи.
 Въ сей день забудешь ты число опщовыхъ злобъ.
 Въ сей день забудешь все. Въ сей день ты снидешь
 въ гробъ.

ОФЕЛІЯ.

Благословенъ сей день, въ кошорый умираю;
 Я въ добродѣтели живощъ окончаю.
 Возми сію ты жизнь, кошору ты мнѣ далъ,
 И бремя то снимай, кошоро налагалъ.
 А вы, о небеса! мой духъ воспріимайте,
 И симъ ево грѣхомъ, грѣхи ево скончайте!

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ Ш.

ПОЛОНІЙ, ОФЕЛІЯ и КЛАВДІЙ.

ПОЛОНІЙ.

Я милости швой, о Царь мой, погубилъ,
 Недастїемъ, что дочь шакую я родилъ:
 Что слышалъ прежде ты, она все мыслишъ поже,
 Но милость мнѣ швоя, всево, что ешь, дороже:
 Не давъ подъ влась швою Офѣльину красу,
 Я кровь ея шебѣ на жершву принесу.

КЛАВДІЙ.

Ты шаковую честь, Офѣля, презираешь?
 Престола знашь еще ты сладости не знаешь.

ОФЕЛІЯ.

Когда меня ошедъ сей славой не прельстилъ,
 И въ младости познашь кончину осудилъ;
 Я смерти своя смиренно ожидаю,
 А шронъ швой и съ тобой мерзя уничтожаю.

ПОЛОНІЙ.

Не буди, государь, симъ словомъ прогнѣвленъ;
 Она ужь суждена, и судъ надъ ней свершенъ.
 Погибнешъ скоро сей рукой безчеловѣчно,
 Подъ острошой меча закроешъ очи вѣчно.
 Но чшобы былъ ты сышъ, Полоній, злостью сей,
 Имѣи ты львовый гнѣвъ днешъ къ дочери своей.
 Будь швердъ, чшобъ глазъ швоихъ она не отвращала,
 И въ шокахъ предъ тобой кровавыхъ шрешала.

Смотри

Смотри безъ жалости, какъ спанешъ умирать,
И испуская духъ помнись и страдашь.

КЛАВДІЙ.

Будь швердъ, не премѣнись, Полоній, въ семъ обѣщѣ.
О правосудіе неслыханное въ свѣтѣ,
Единородну дщерь свою не пощадишь,
Коль предъ Царемъ она дерзнула преступить!

ПОЛОНІЙ.

Намъ должно исправлять прошивающіе нравы:
Когда не сокращаешь людей; на что уснавы?

КЛАВДІЙ.

Коль ты предпріялъ; шакъ умерши скоряй;
Ждешь смерти при концѣ ешь самой смерти злаяй.

ПОЛОНІЙ.

Свидѣтельствовать смерть преступницы доваѣшъ.
Мы симъ дадимъ примѣръ, что Клаудій не жалѣшъ
За преслушаніе на свѣтѣ ни ково,
И крови не щадишь Полонья самова.
А я дамъ симъ примѣръ, коль рабъ прямой послушенъ
Владыкѣ долженъ бышь, и коль я праводушенъ.
О мерзость! - - - какъ себя еще я нареку!
Я душу изъ себя съ мученьемъ извлеку.
Пойдемъ.

ОФЕЛІЯ.

Къ тебѣ взвожу, всещедро небо, рѣки!
Не дай мнѣ чувствовашъ сей долго страшной мѣки!

Т

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ IV.

ОФЕЛІЯ *одна.*

Оставили меня: не знаю для чего.
 Не здѣсь ли буду ждаль мученья своего?
 Вошѣ каковѣ моя несчастлива судьбина:
 Дщерь знатнаго отца, невѣста Царска сына,
 Великолѣпіе, богатство, красоту,
 И все что дѣлало пріятной суешу,
 Въ единѣ шеперь я мигѣ на вѣки потубляю.
 Но все то, что ни есть, въ пристанищѣ теряю.
 Тогда, когда мой Князь на свой восходитѣ проиѣ,
 Все щастіе, вся жизнь, минующа какѣ сонѣ.
 Тѣнь радостей въ любви! почто ты мнѣ коснулась?
 Прелестная мечта! о какѣ я обманулась!
 Когда ты, небо, мнѣ судило въ свѣтѣ бытъ;
 Почто такимѣ отцомѣ мя было въ свѣтѣ пущишь?
 Другой бы мой омылѣ гробѣ торькими слезами:
 А сей отбемлетѣ жизнь своими, ахѣ! руками.
 Прости страна и градѣ рожденья моего!
 Освобождайшеса отѣ ига своего;
 Чертоги, гдѣ росла! несчастные чертоги!
 Простите навсегда! а вамѣ напаша строги,
 Въ послѣдній мнѣ сей день, готовишеса конецѣ;
 Надежда подданныхѣ пріемлетѣ свой вѣнецѣ.
 Но я, мой Князь, тебя, куды иду, отшуду
 Въ порфирѣ и вѣнцѣ и въ славѣ зрѣшь не буду.
 Прости дражайшій Князь! - - -

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ V.

ОФЕЛІЯ и СТРАЖИ.

НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

Я долженъ то сказать! . . .

Полоній далъ приказъ тебя подъ стражу взять:
Такъ Клавдій повелѣлъ.

ОФЕЛІЯ.

Я повинуюсь власти.

О небо, окончай скорай мои напасти!

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ I.

КЛАВДІЙ и ПОЛОНІЙ.

ПОЛОНІЙ.

Нашъ вымыслъ дѣйствія начало воспріялъ:
 Я пятьдесятъ своихъ рабовъ къ тому избралъ,
 Которымъ велѣно, чтобъ Гамлета сразили,
 И Клавдіеву власть сей смертью ушвердили.
 Я казнь сію внушилъ имъ общества добромъ,
 Къ убійствію склонивъ сихъ воиновъ серебромъ.
 Дукавство наше ихъ къ тому не возманило,
 Доколѣ имъ серебро очей не ослѣпило,
 И не разжгло сердецъ воюющихъ съ тобой,
 На злобу къ шпоронѣ ошъ Клавдія другой.
 За Гамлетомъ убишь имъ велѣно Гершрүду:
 Сокровище пріевъ они гошovy всюду.
 Я судією имъ тебя предвозвѣшилъ:
 Спрашанся только, чтобъ народъ ихъ не побилъ.
 Но что намъ въ пагубѣ нещастныхъ сихъ печали?
 Лишь полькобъ дѣло то исправно dokonчали.
 Еще закроются симъ оныя дѣла,
 Которы совершишь насъ нужда привела.
 И ешьли, государь, шебѣ донесъ я смѣю,
 Какое я еще намѣренье имѣю,

Когда

Когда они дойдутъ до нашего суда,
 Двѣя способъ намъ сыскашь и ихъ послашь туда,
 Куды они враговъ опасныхъ намъ низринутъ.
 И шако шаинства на свѣтѣ не покинутъ:
 Армѣнсѣ съ Ралудою оружьемъ ихъ падушъ,
 Надъ дочерію моею уже свершился судъ:
 Симъ шайна въ вѣчное молчанье пренесешся.

КЛАВДІЙ.

Мой пронъ на камени прешвердомъ остаешся.
 Для привлеченія спокойствія сердцамъ,
 Послѣдуюмъ всему, что къ пользѣ служимъ намъ.
 Но дочерь своя когда примешъ мзду достойну?
 Она шворитъ мнѣ мысль еще днешь безпокойну:
 Прелесшна красошой, любима царствомъ симъ,
 Гордѣ прошивъ Царя, склонна врагамъ моимъ,
 На смерть поносную опцомъ своимъ влачима,
 И можешъ бышь давно ужъ Гамлешомъ любима.
 Кто знаетъ, что она по смерти ихъ зачнешъ;
 Когда она свое непослушанье чшешъ,
 И добродѣшелью преступокъ называетъ?
 Какихъ Полоній дѣйствъ опъ дщери ожидешъ?

ПОЛОНІЙ.

Не сѣшуй государь! она умрешъ въ сей часъ,
 И воинамъ ужъ данъ Полоніевъ приказъ,
 Привешъ ея сюды. Но чтобъ уже сказала
 Она то шаинство, кошорое познала,
 Того не можешъ бышь: сколь дочь моя гордѣ,
 Столь въ сохраненіи химеры сей швердѣ,

Кошору честнѣстью безумство называетъ ,
 И ей отдавшись въ плѣнъ, въ ней Бога почитаетъ,
 Но чшобы слабости ей въ сердце не пустишь ;
 Конечно надлежитъ скорде умертвить.
 Се сей прошивный зракъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ, ОФЕДІЯ и СТРАЖИ.

ПОЛОНІЙ.

Вы воины смотрите

Позорище сѣе, и въ немъ примѣръ возьмите,
 О правосудіи народу возвѣсните,
 Кошоръ надъ собой я вамъ хочу явить.
 Единородна дочь моя въ пресшупокъ внала:
 Она владѣтелю досаду показала,
 Непослушаніемъ уславъ пренебрегла,
 И милосши ево упорствомъ воздала.
 Ни лѣшны, ни краса, въ кошорыхъ процвѣтала,
 Ни безпорочна жизнь, въ кошорой пребывала
 Въ семъ пресшупленіи явившаясь шеперь,
 Не могутъ спасти ея; хоть мнѣ она и дщерь,
 И умерщвляется опщовыми руками.
 Я истинну одну имѣю предъ очами.
 Но вмѣсто площади ей Царь чертогъ свой далъ,
 И совершиши казнь отца ея избралъ ;
 Чшобъ знашней крови сей безчестье не касалось,
 А правосудіе повсюдубъ наблюдалось.

Сію едину онѣ мнѣ милость сотворилъ:
 Иныя отъ него Подобній не просилъ.
 Вянь, вянь пресшупница въ своемъ ты лучшемъ двѣтѣ!
 Предшествуй истинна, всему, что есть на свѣтѣ.

ЯВЛЕНІЕ Ш.

ТѢЖЕ и ЕЩЕ ВОИНЪ.

ВОИНЪ.

Сей замокъ, государь, народомъ весь объятъ,
 И люди ошовѣхъ сторонъ къ нему лешяшъ:
 Младья, шарики, и женскій полъ, и чада,
 Всѣ словомъ жипели сего прешольна града,
 Къ стѣнамъ чершоговъ сихъ, безъ памяти бѣгушъ,
 И со стenanіемъ согласно вопіюшъ:
 Ищите войны злодѣевъ сихъ ищите,
 Кѣмъ Гамлетъ пораженъ, и смерть ево ошмшите ---

ОФЕЛІЯ.

Увы!

КЛАВДІЙ.

Недасшный Князь!

ПОЛОНІЙ.

Ступай къ народу Царь!

Уйми шолікое смяшенъе государь!
 Я здѣсь остануся со дщерию моею.
 А ты представъ себя убійцамъ судією,
 И правосудіе свое предвозвѣсти.

Т 4

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПОЛОНИЙ, ОФЕЛІЯ, и ВОИНЫ,

КОТОРЫЕ ЕЯ ПРИВЕЛИ.

ОФЕЛІЯ.

И Гамлета ужь нѣшѣ! проси мой Князь! проси!
 О злоба! что еще въ сей день ты сотворила!
 Почто тебя я Князь во гробѣ не предварила,
 Иль ахѣ! чтобѣ дня сего, сей часѣ миѣ горше былѣ!
 О градѣ! ты всю свою надежду погубилѣ!

ПОЛОНИЙ.

Со удивленіемѣ слова твоя внимаю. - - -

ОФЕЛІЯ.

Рази, я умереть теперь уже желаю.
 Рази, какѣ ты Царя несчастна поразилѣ,
 И знай, что сынѣ его Офелію любилѣ!
 А дщерь твоя о немѣ вздыхала ахѣ! подобно!
 Усугубляй свой гнѣвъ, и вырви духѣ мой злобно!

ПОЛОНИЙ.

Теперь открыла ты миѣ всѣ свои дѣла.
 Какой ты кровь моя миѣ плодѣ произвела!
 Умри - - - *(Стремится заколоть дочь свою; но
 въ самое то время входитъ Гамлетъ
 съ Армансомъ и съ воинами, и вырываетъ мечъ изъ рукъ его.)*

ГАМЛЕТЪ.

Ужь никому твоя невредна злоба,
 Не ей, шебѣ шираиѣ отверсны двери гроба.

Уже

Уже народныя низпали бремена,
 Когда ты спрашенъ былъ, скончались времена.
 Пади подъ острошой меча сего - - -

О Ф Е Л І Я (*бросясь хъ Гамлету.*)

Жестокой!

Онъ мнѣ ошедъ.

ПО Л О Н І Й *Гамлету.*

Всходи, вносишь на шронъ высокой,
 Когда шебъ швоя неправда помогла,
 И дерзосны сердца прошивъ Царя зажгла.
 Пришелъ ко мнѣ мой рокъ. А ты шеперь облейся
 Ошцовою кровію, и крови сей напейся.

ГАМЛЕТЪ *Офеліи.*

Дай казнь мнѣ совершишь!

О Ф Е Л І Я.

Ахъ! сжался надомной.

ГАМЛЕТЪ.

По шаковыхъ дѣлахъ, онъ не родишель швой.

О Ф Е Л І Я.

Я, Князь, злодѣя въ немъ какъ ты уништожаю;
 Однако въ немъ ошца люблю и почитаю.

ГАМЛЕТЪ.

Сей вѣрваръ моего родишеля убилъ.

О Ф Е Л І Я.

Но Гамлетъ, онъ швою возлюбленну родилъ.

ГАМЛЕТЪ.

Любезныя глаза! вы весь мой духъ мушите! - - -
 Подъ стражу воины убійду поведише.

Спунай тиранъ, и жди себѣ достойной мзды,
ПОЛОНІЙ.

Дай небо, чтобы васъ постигли всѣ бѣды!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ГАМЛЕТЪ, ОФЕЛІЯ и АРМАНСЪ.

О Ф Е Л І Я.

Могуль я испросишь родителю прощенье?
Тебѣ легко мой Князь, скончашъ мое мученье!
Довольно я и такъ въ смященіи жила,
Довольно горькихъ слезъ въ сненаніи лила,
Не презри горестна прошенія любезной!
Скончай сурову часъь моей ны жизни слезной!
Ты хочешь острый мечъ на кровь мою поднѣшь.
Или тебѣ не жаль Офелю пошерѣшь?
Въ какой ны горести мя Гамлетъ оставляешь!
Ты самъ меня, мой Князь, съ собою разлучаешь.

Г А М Л Е Т Ъ.

Удобно ли просишь злодѣя шаковъ?

О Ф Е Л І Я.

Такъ знашь не шрогаюшъ тебя мой слова?
Или ны мщеніе любви предпочишаешь? - - -
Ты очи опѣ меня во гнѣвѣ отвращаешь!
О какъ обмануша Офелія шобой,
Я шщуся бышь швоей; ны бышь не хочешь мой,
И смошришь на меня спенящую спокойно;
Знашь сердце бышь мое швоимъ ужъ не достойно.

Я

Я дщерь не Царская, а швой ошецѣ былѣ Царь,
Офелія раба, а шы мой Государь;
Но я шебя любя прельщалася не саномѣ:
Надежда сладкая! шы спала мнѣ обманомѣ!
Когда шы бѣдности вѣ спранѣ сей, Князь, шерпѣлѣ,
Когда шы никакой надежды не имѣлѣ
Взойши на шронѣ, гдѣ злобѣ шогда жилище было;
Такѣ сердце и шогда мое шебя любило.
Коль много разѣ мой шы слѣзы оширалѣ,
Кшоры шы своимѣ нещасшьемѣ извлекалѣ,
Какѣ мы супружества, кошораго желали,
Во градѣ семѣ имѣшь уже не уповали?
Ты былѣ опечешиво свое покинушь радѣ,
И убѣжашь со мной вѣ какой незнашный градѣ,
Хошь вѣ самый дѣльный край просшранныя вселенной,
И жить вѣ убожешвѣ вѣ любви уединенной,
Тамѣ оба премѣниѣ нещасшныхѣ имена:
Гдѣ дѣлится вы шѣ драгія времена?
Вы вѣ гореспяхѣ, вѣ слезахѣ, еще мнѣ сладки были,
И безмяшежну жизнь нещасшаквымѣ сулили.
А днесь, когда берешѣ любовникѣ мой вѣнецѣ,
Пріяннымѣ мыслямѣ всѣмѣ приходишь ахѣ! конецѣ.
За что шы премѣнилѣ шѣ мысли вѣ мысли люшы?
Ахѣ! вспомни, вспомни шѣ шоль сладкія минушы!
Когда я при шебѣ вѣ унынїи была,
Унынїемѣ однимѣ шронуть шебя могла:
Ты часто цаловалѣ Офелїины рѣки,
И лаской скончевалѣ мой малѣйши мѣки.

Ты

Ты свой покой въ моемъ покоѣ почипалъ :
 Ахъ! Князь каковъ шы былъ! и ахъ! каковъ шы спалъ!
 Уже не чувствуешь любезной огорченья,
 И спановишься самъ виной ея мученья.
 Жалѣй меня, жалѣй, не дай мнѣ умереть!

ГАМЛЕТЪ.

О небо, какъ по семъ на гробъ опцовъ возрѣшь,
 Когда Офелію опъ горести избавлю,
 И смрадному его убійцѣ жизнь оставлю?
 Спешащая душа, оспашокъ естества,
 Просяща мщенія, предъ прономъ божества,
 Родительская шѣнь! я думаю, что нынѣ
 Ты зришь себѣ врага въ своемъ любезномъ сынѣ,
 Колеблющагося въ жару любви спена,
 И мной гнушаешься взирая на меня.
 Когда я симъ шебя мой опче прогибляю,
 И должноти своей устаѣ пренебрегаю;
 Оспавъ мою вину! когдабъ я не любилъ;
 Я бъ должнотъ наблюдалъ и безпороченъ былъ!

ОФЕЛІЯ.

Что шы любезной жизнь оспавишь помышляешь,
 Неправедно сіе порокомъ называешь.
 И естляибъ шы опца сей мыслию гибвилъ;
 Каковъ бы онъ суробъ въ шой новой жизни былъ,
 Въ шой жизни, гдѣ суецъ и злобы не бываешъ,
 И гдѣ щеславіе людей не ослѣпляешъ,
 Гдѣ Царшвуешъ покой, и иешинна живешъ,
 И время въ шисинѣ изъ вѣчноти павешъ.

ГАМ-

ГАМЛЕТЪ.

Но кровь его, но кровь въ чершгахъ сихъ пылаешъ,
И на ошмденіе мой духъ возпламеняешъ.

О Гамлетъ, совершай что долгъ тебѣ велишь!

Не впрямъ ли мнѣ шого Офелія не простишь!

ОФЕЛІЯ.

Когда ты совершишь намѣреніе грозно,

Тогда моимъ опять любовникомъ бышь позно.

Тогда моя на вѣкъ надежда пропадешиъ,

И ужь меня ни что съ тобой не сопряжешъ.

ГАМЛЕТЪ.

Инь духъ спрадай! воздамъ досшойну плашу злобъ,

И возвращу покой пошерянный во гробъ.

(хочетъ ийти.)

ОФЕЛІЯ.

(удерживаетъ ево, и становится на колѣни.)

Всѣ слабости мой открылись предъ тобой,

Изнемогаетъ духъ, темнѣетъ разумъ мой.

Я не могу сихъ думъ столь горестныхъ терпѣши,

И не могу при нихъ спокойно умерети.

И смерть своя и жизнь мученье мнѣ сулишь,

Воображеніе ужасно мя разишь.

Когда ты о себѣ уже не сожалѣешь;

Какую обомнѣ ты мысль шеперь имѣешь?

Иль хочешь взоръ закрышь о мнѣ не вспомянувъ,

И духъ свой испустишь о мнѣ не воздохнувъ?

Но мя что памяши и вздохоевъ я досшойна,

Вообрази себѣ, какъ буду безпокойна!

Сего

Сего ли для ты жизнь несчастныя продлилъ,
 Чшобъ ты свирѣпые мя съ нею разлучилъ,
 Чшобъ я люшѣйшее шерзаніе вкусила,
 И очи, ахъ! въ тоскѣ несносной зашворила?
 Какое бѣдство я спранѣ сей приключу!
 Всѣ радости въ шебѣ народны помрачу.
 Никто уже меня безѣ злобы не вспомянетъ.
 Коль изъ любви моей шоль вредный громъ здѣсь грянетъ,
 Когда надъ сердцемъ я швоимъ имѣю власшь;
 Яви, любезный Князь, яви мнѣ ону спрасть!
 Иль на Полонія желѣзомъ изощреннымъ,
 Дай прежде смершь вкусишь тобою чувствамъ пабн-
 нымъ!
 Опищай! но прежде ты любовь мою забудь,
 И проколи сперва Офеліину грудь!

ГАМЛЕТЪ.

Владычешвую любовь, когда швоя днесъ сила
 И разсужденіе и духъ мой покорила!
 Воспань, Офелія! ты власшь свою нашла:
 Ошри свой глаза! напасшь швоя прешла.

ОФЕЛІЯ *воставъ.*

Преобращайся плачъ ты въ радости и смѣхи!
 Мой Князь меня вознесъ на самый верхъ ушѣхи.
 Не привидѣніель, не сонъ ли мнѣ сіе?
 И подлинноль прешло все бѣдшнее мое?
 Прешло - - - и прервались нѣ шяжкія оковы,
 Чшо были разлучишь съ душой меня гошовы.

Въ веселіи шебѣ и щедрымъ небесамъ ,
 Дражайшій Князь ! какой я мздою шо воздамъ ?
 По ушпеніи ихъ моихъ напашей многихъ ,
 Скажи мнѣ , какъ скончалъ шы дни временъ шоль спро-
 гихъ ?
 И какъ шы удержалъ своихъ судьбину бѣдъ ?
 Ужь вѣсть была чшо , ахъ ! себя на свѣшъ ибшъ .
 Какое щасіе себя въ немъ удержало ?

ГАМЛЕТЪ.

Все здѣшне жительство на помощь мнѣ предстало .
 Уже едва не весь извѣшенъ городъ былъ ,
 Какъ мой ошецъ , ихъ Царь , живощъ свой погубилъ .
 Кошорые о томъ и знали и не знали ,
 Единодушно всѣ на шронъ меня желали .
 Но Клавдій знашь уже меня подозрѣвалъ ;
 Полоній пятьдесятъ разбойниковъ избралъ :
 И именемъ другимъ назвашъ ихъ не умѣю ;
 Чшобъ имъ меня убить и съ матерью моею .
 Прибыткомъ алчущихъ , удобно ослѣпиль ,
 Жестокія сердца легко ко злу склониль .
 Спасая мать свою , доколь повергну злону ,
 Я ввелъ ея во храмъ къ родительскому гробу ,
 Ей тамо камень сей слезами омывашъ ,
 И силу вышнюю на помощь призывашъ ,
 Во ожиданіи , въ надеждѣ сей , доколѣ
 Не будетъ сына зрѣть сѣдяща на престолѣ .
 И какъ я опѣ нея пошелъ сюды назадъ ,
 И прикоснулся лишь свяшихъ порогу вратъ :

Разбойники ко мнѣ съ стремленіемъ бѣжали,
 Ихъ острые мечи какъ молніи сверкали.
 Но лишь съ Армáнсомъ мы оружье извлекли,
 Они покинувъ насъ во всѣ спраны шекли:
 Знашь имъ возмиѣлося, что насъ во храмѣ много:
 Увидяжъ только двухъ опять напали спрого.
 Прошивъ нападковъ ихъ мы спали во врапахъ,
 И защищалися пренебрегая спрахъ.
 Боязнь въ случаяхъ сихъ уже не помогаетъ;
 Лишь только помощи послѣднія лишаетъ.
 Мы нѣку часть изъ нихъ повергли предъ собой.
 И началъ слышишься во градѣ голосъ мой,
 Чтобъ помощь дали намъ къ спасенію Гертрúды,
 И что я гибну самъ: народъ бѣжалъ ошвсюды.
 Намѣренье свое по нуждѣ премѣня,
 Разсыпалися всѣ злодѣи ошъ меня;
 Но множествомъ мечей всѣ пораженны спали,
 Одни изранены, другіе мершвы пали.
 И какъ пришелъ всему желанный граду часъ,
 Различный слышался о мнѣ въ народѣ гласъ:
 Кто близко былъ меня, шощъ радостію шаялъ,
 А кто меня не зрѣлъ, шощъ мершва быши чаялъ:
 И шакó въ далекъ былъ спрашный слышенъ стошъ.
 А я въ домъ Царскій шелъ со шьмою оборонъ.
 Разбойники мнѣ все злодѣйство рассказали,
 Кошорые въ крові межъ мершвыхъ умирали.
 Я душу яростію наполненну имѣлъ,
 И съ неперѣнїемъ, во многолюдствѣ шелъ,

Явишь

Явишь мучителямъ , достойну имъ судьбину ,
 И что владыки ихъ исполнишь должно сыну .
 Тиранъ по лѣспвицѣ въ низъ замка низходилъ ,
 И въ лицемѣрїи , увы ! мой Князь ! вопилъ :
 Но усмотрѣвъ въ рукѣ моей желѣзо наго ,
 Не къ радости позналъ бышь Гамлета живаго ,
 И обращаясь въ свой чертоги ушекалъ ,
 Гдѣ суешно себѣ убѣжища искалъ ,
 Отъ страха смертнаго во всѣ углы мешался ,
 И палъ подъ симъ мечемъ : шокъ крови проливался .
 О возвращенїи во храмъ молясь моемъ ,
 Гершрѹда предстоитъ еще предъ олшаремъ .
 Гражданство , воинство мя съ нею ожидающъ ,
 И съ скипешромъ въ рукахъ узрѣшь меня желающъ .
 Пойдемъ , Офелїя , пойдемъ не медля къ нимъ ,
 И съ ними небесамъ молишвы воздадимъ .

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ТѢЖЕ и ВОИНЪ.

ВОИНЪ.

Полонїй , государь , подъ стражею скончался .

ОФЕЛІЯ.

Ахъ !

ГАМЛЕТЪ.

Знашь , что казни онъ достойной уболеся ,

И убоавшись себѣ убійцомъ спалъ .

Скажи мнѣ , какъ онъ жизнь мучительску скончалъ !

У

ВОИНЪ.

ВОИНЪ.

По приведеніи ево подѣ стражу нами,
 Онѣ грозными на насѣ мешалѣ свой взорѣ глазами,
 И вѣ изступленіи предѣ нами походивѣ,
 Сказалѣ: когда вашѣ Князь уже оспался живѣ,
 Напрасно дочь моя, шамѣ просипѣ и стонаешѣ.
 Прошеніемѣ вину свою усугубляешѣ;
 Я не хочу ошѣ нихѣ щедроты никакой,
 И ихѣ владѣшельми не ставлю надѣ собой.
 Скажише имѣ, что я о томѣ лишь сожалѣю,
 Чшо больше погубишь ихѣ силы не имѣю.
 По сихѣ словахѣ шомчасѣ онѣ ножѣ вѣ себя вонзилѣ,
 Скрежедущѣ палѣ, и духѣ во злобѣ изпустилѣ.

ОФЕЛІЯ.

Я все исполнила, что дщери надлежало:
 Ты само, небо, днесѣ Полонья покарало!
 Ты, Боже мой! ему былѣ долгошерпѣливѣ!
 Я чшу судьбы швой! швой гнѣвѣ есть справедливѣ!
 Сступай, мой Князь, во храмѣ, яви себя вѣ народѣ,
 А я пойду ошдашь послѣдній долѣ природѣ.

Конецъ трагедіи.

Печатано при Императорской Академіи
 Наукѣ вѣ 1748 году.